

ISSN 2686-7648

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Евразийские исследования. История.
Политология. Международные отношения»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Eurasian Studies. History. Political Science.
International Relations”

Series

Academic Journal

Основан в 2018 г.
Founded in 2018

2

2026

VESTNIK RGGU. Seriya "Evraziiskie issledovaniya. Istoriya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya"

RSUH/RGGU BULLETIN. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series

Academic Journal

There are 6 issues of the magazine a year.

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Eurasian Studies. Political Science. History. International Relations" Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the Higher Attestation Commission list of leading scientific magazines and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.5.4. International relations (Political science)

5.6.2. World history (Historical science)

5.6.7. History of international relations and foreign policy (Historical science)

Objectives and scope

RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" is a scientific journal devoted to topical issues of development of the post-Soviet states, Eurasian integration processes and international relations in the region.

The mission of the journal is to promote the development of interdisciplinary research related to the scientific study of the post-Soviet countries.

The journal publishes scientific reviews, studies, articles related to the study of the problems of modern historical development of the region, the building and transformation of political systems and the formation of a new political ideology and culture, international relations, the processes of integration and regionalization, ethno-cultural policy, inter-religious relations and humanitarian cooperation. The journal is focused on the publication of scientific reviews, studies, articles related to the study of the complex of theoretical and practical problems of development and interaction of the post-Soviet countries.

The journal accepts for publication original articles, complex studies of Russian and foreign authors, previously unpublished scientific reports.

RSUH/RGGU BULLETIN. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and Mass Media. 06.07.2018, reg. No.: Series PI № FS77-73206 from 06 July 2018

Editorial staff office: 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047

Tel: 495-250-62-11

e-mail: rggu@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения»
Научный журнал

Выходит 6 номеров печатной версии журнала в год.
Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Евразийские исследования. Политология. История. Международные отношения» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень ВАК – ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Российской Федерации решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Научные рецензируемые публикации соответствуют отраслям науки:

5.5.4. Международные отношения (политические науки)

5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)

5.6.7. История международных отношений и внешней политики
(исторические науки)

Цели и область

Вестник РГГУ. «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения» – научный журнал, посвященный актуальным вопросам развития государств постсоветского пространства, евразийских интеграционных процессов и международных отношений в регионе.

Миссия журнала – содействовать развитию междисциплинарных исследований, связанных с научным изучением стран постсоветского пространства.

На страницах журнала публикуются научные обзоры, исследования, статьи, связанные с изучением проблем современного исторического развития государств региона, становления и трансформации политических систем и формирования новой политической идеологии и культуры, международных отношений, процессов интеграции и регионализации, этнокультурной политики, межконфессионального взаимодействия и гуманитарного сотрудничества. Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем развития и взаимодействия стран постсоветского пространства.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, 06.07.2018 г., регистрационный номер: серия ПИ № ФС77-73206 от 06 июля 2018 г.

Адрес редакции: 125047, Россия, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ
Тверской, Миусская пл., д. 6, стр. 6

Тел.: 495-250-62-11

Электронный адрес: rggu@rggu.ru

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

E.I. Pivovarov, member of RAS, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

A.S. Levchenkov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

A.E. Titkov, Cand. of Sci. (History), professor, Federal Agency for the Commonwealth of Independent States, Compatriots Living Abroad, and International Humanitarian Cooperation (Rossotrudnichestvo), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

B.G. Ayagan, Dr. of Sci. (History), Institute of History of the State Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan

Yu.G. Akimov, Dr. of Sci. (History), professor, Saint Petersburg State University (SPbU), Saint Petersburg, Russian Federation

M. Bassan, PhD., professor, University of Soderborn, Stockholm, Sweden

A.B. Bezborodov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Fenenko, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

A. Filler, PhD., professor, University of Paris VIII, Paris, France

A.V. Guschin, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

J.M. Jafarov, Dr. of Sci. (History), professor, Azerbaijan State Pedagogical University, Baku, Azerbaijan

N.I. Kharitonova, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.L. Kheifets, Dr. of Sci. (History), professor, Saint Petersburg State University (SPbU), Saint Petersburg, Russian Federation

E.A. Kosovan, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

K.P. Kurylev, Dr. of Sci. (History), professor, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

M. Laruel, PhD., professor, Georgetown University, Washington, USA

- K.E. Meshcheryakov*, Dr. of Sci. (History), professor, Saint Petersburg State University (SPbU), Saint Petersburg, Russian Federation
- M.Yu. Mukhin*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- B.B. Pak*, Dr. of Sci. (History), senior research scientist, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science (IOS RAS), Moscow, Russian Federation
- O.V. Pavlenko*, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- M.-P. Ray*, PhD., professor, University of Paris I Pantheon-Sorbonne, Paris, France
- A.T. Sabirov*, Cand. of Sci. (History), associate professor, International Institute for Central Asia, Tashkent, Uzbekistan
- O.V. Solopova*, Cand. of Sci. (History), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
- A.V. Vlasov*, Cand. of Sci. (History), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
- E.Ya. Vittenberg*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editor

N.A. Filin, Dr. of Sci. (History), associate professor, RSUH

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Е.И. Пивовар, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

Редакционная коллегия

А.С. Левченко, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия (заместитель главного редактора)

А.Э. Титков, кандидат исторических наук, профессор, Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество), г. Москва, Россия (заместитель главного редактора)

Ю.Г. Акимов, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Россия

Б.Г. Аяган, доктор исторических наук, профессор, Институт истории государства Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, г. Астана, Казахстан

М. Бассан, PhD., профессор, Университет Сёдертёрна, г. Стокгольм, Швеция

А.Б. Безбородов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

Е.Я. Виттенберг, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

А.В. Власов, кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ им. М.В. Ломоносова), г. Москва, Россия

А.В. Гуцин, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

Д.М. Джафаров, доктор исторических наук, профессор, Азербайджанский государственный педагогический университет, г. Баку, Азербайджан

Е.А. Косован, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

К.П. Курьлев, доктор исторических наук, профессор, Российский университет дружбы народов (РУДН), г. Москва, Россия

М. Ларюэль, PhD., профессор, Университет Джорджтаун, г. Вашингтон, США

- К.Е. Мещеряков*, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Россия
- М.Ю. Мухин*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия
- О.В. Павленко*, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия
- Б.Б. Пак*, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения Российской академии наук (РАН), г. Москва, Россия
- А.Т. Сабиров*, кандидат исторических наук, доцент, Международный институт Центральной Азии, г. Ташкент, Узбекистан
- О.В. Солопова*, кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ им. М.В. Ломоносова), г. Москва, Россия
- М.-П. Рей*, PhD., профессор, Университет Париж I Пантеон – Сорбонна, г. Париж, Франция
- Н.И. Харитонова*, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия
- А.В. Фененко*, доктор политических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ им. М.В. Ломоносова), г. Москва, Россия
- А. Филлер*, PhD., профессор, Университет Париж VIII, г. Париж, Франция
- В.Л. Хейфец*, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Россия

Ответственный за выпуск

Н.А. Филин, доктор исторических наук, доцент, РГГУ

CONTENTS

Buddhism in the socio-cultural sphere of Asia

Elena E. Voytishek, Maria A. Shutova, Anton S. Shamrin

Social functions of Buddhism in the Republic of Korea and mechanisms for engaging youth through the Templestay Program 10

Alina V. Zinchenko, Ruslan M. Seitov

The role of tea offering in Buddhist memorial services 30

The Islamic Republic of Iran in the system of international relations

Olga V. Alekseeva

Division of the Caspian Sea: Iran's position as a factor in delaying ratification of the Convention on the Legal Status of the Caspian Sea 41

Development and interaction of society, politics, history and religion in the People's Republic of China

Maria S. Kruglova

Kissing the fetters: The drama of the Chinese rites controversy in Matteo Ripa's "Giornale" 58

Elena D. Afanas`eva

Examples of incidents in public service according to the biji – "blogs" of song intellectuals 75

Ivan S. Svetozarov

The policy of the People's Republic of China towards Taiwan in the Context of the transformation of the international situation (2022–2025) 92

Polina V. Kotlyarova

Unemployment social insurance: PRC employment stabilization measures 105

Political transformations and socio-cultural adaptation

Nikolai A. Medushevskii

French Togo: from independence to dictatorship 116

Olimzoda Sorboni Shamsiddin

The role of the Islamic factor in the process of socio-cultural adaptation of Central Asian Muslims in modern Russia 133

СОДЕРЖАНИЕ

Буддизм в социокультурном пространстве Азии

- Елена Э. Войтишек, Мария А. ШUTOва, Антон С. Шамрин*
Социальные функции буддизма в Республике Корея и механизмы
привлечения молодежи через программу Templestay 10

- Алина В. Зинченко, Руслан М. Сеитов*
Подношение чая как элемент буддийского ритуала
поминовения памяти усопших 30

Исламская Республика Иран в системе международных отношений

- Ольга В. Алексеева*
Раздел Каспийского моря: позиция Ирана как фактор задержки
ратификации Конвенции о правовом статусе Каспия 41

Развитие и взаимодействие общества, политики, истории и религии в Китайской Народной Республике

- Мария С. Круглова*
Целую цепи: драма «спора о китайских ритуалах»
в «Джорнале» Маттео Рипы 58

- Елена Д. Афанасьева*
Примеры казусов на чиновничьей службе
по данным *бицзи* – «блогам» сунских интеллектуалов 75

- Иван С. Светозаров*
Политика Китайской Народной Республики
в отношении Тайваня в условиях трансформации
международной обстановки (2022–2025) 92

- Полина В. Котлярова*
Социальное страхование по причине безработицы:
меры по стабилизации занятости в КНР 105

Политические трансформации и социокультурная адаптация

- Николай А. Медушевский*
Французское Того: от независимости к диктатуре 116

- Олимзода Сорбони Шамсиддин*
Роль исламского фактора в процессе социокультурной адаптации
мусульман Центральной Азии в современной России 133

Буддизм в социокультурном пространстве Азии

УДК 24(519)

DOI: 10.28995/2686-7648-2026-2-10-29

Социальные функции буддизма в Республике Корея и механизмы привлечения молодежи через программу Templestay

Елена Э. Войтишек

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия, e.voitishek@g.nsu.ru*

Мария А. Шутова

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия, m.vitchenko@g.nsu.ru*

Антон С. Шамрин

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия, a.shamrin@g.nsu.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются социальные и идеологические функции буддизма в условиях южнокорейского постиндустриального общества, связанные с нравственным воспитанием, социальной активностью, с формированием культурно-национальной идентичности, психологической поддержкой населения и культурной дипломатией; анализируются современные механизмы приобщения молодежи к буддизму. Особое внимание уделено программе Templestay, действующей в Республике Корея с 2002 г. и ставшей одним из ключевых инструментов популяризации буддийской культуры. На основе полевых исследований авторов, анализа академических публикаций, официальных отчетов ордена Чоге и статистических данных показано, что корейский буддизм адаптируется к изменениям духовных запросов общества и формирует модель «вовлеченного буддизма», объединяющую духовную практику, социальную активность и культурную миссию. Это становится возможным благодаря появлению новых форм духовности, ориентированных на психологическое благополу-

© Войтишек Е.Э., Шутова М.А., Шамрин А.С. 2026

чие и личностное развитие, что делает буддизм привлекательным именно для молодых людей. Выявляются особенности мотивации молодежи, рассматривается феномен «самоисцеления» и трансформация буддизма в контексте культурной дипломатии. В заключении сформулированы выводы о роли буддизма как морального и социального ресурса современной Кореи, а также намечены перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: буддизм, Республика Корея, программа Templestay, молодежь, «вовлеченный буддизм», социальные функции буддизма, трансформация буддизма, «мягкая сила»

Для цитирования: Войтишек Е.Э., ШUTOVA М.А., Шамрин А.С. Социальные функции буддизма в Республике Корея и механизмы привлечения молодежи через программу Templestay // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2026. № 2. С. 10–29. DOI: 10.28995/2686-7648-2026-2-10-29

Social functions of Buddhism in the Republic of Korea and mechanisms for engaging youth through the Templestay program

Elena E. Voytishek

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russia, e.voitishek@ng.nsu.ru

Mariya A. Shutova

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russia, m.vitchenko@ng.nsu.ru

Anton S. Shamrin

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russia, a.shamrin@ng.nsu.ru

Abstract. The article examines the social and ideological functions of Buddhism in the context of South Korean post-industrial society, particularly those related to moral education, social engagement, the formation of cultural and national identity, psychological support for the population, and cultural diplomacy. The study analyzes modern mechanisms for engaging youth through Buddhism. Special attention is paid to the Templestay program, which has been operating in the Republic of Korea since 2002 and has become a key instrument for popularizing Buddhist culture. Based on the authors' field research, analysis of academic publications, official reports of the Jogye Order, and statistical data,

it is demonstrated that Korean Buddhism is adapting to changing spiritual demands and forming a model of “engaged Buddhism” that integrates spiritual practice, social activity, and cultural mission. This process is facilitated by the emergence of new forms of spirituality oriented toward psychological well-being and personal development, making Buddhism particularly attractive to the younger generation. The study identifies specific patterns in youth motivation, examines the phenomenon of “self-healing”, and explores the transformation of Buddhism within the framework of cultural diplomacy. The conclusion formulates findings on the role of Buddhism as a moral and social resource for contemporary Korea and outlines prospects for further research.

Keywords: Buddhism, Republic of Korea, Templestay program, Youth, “Engaged Buddhism”, Social functions of Buddhism, Transformation of Buddhism, “Soft power”

For citation: Voytishek, E.E., Shutova, M.A. and Shamrin, A.S. (2026), “Social functions of Buddhism in the Republic of Korea and mechanisms for engaging youth through the Templestay program”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series*, no. 2, pp. 10–29, DOI: 10.28995/2686-7648-2026-2-10-29

Введение

Буддизм в Республике Корея занимает особое место в религиозной и культурной системе страны, являясь одной из старейших и наиболее влиятельных традиций на Корейском полуострове. Несмотря на значительное сокращение числа формальных последователей в условиях урбанизации, технологизации и секуляризации, буддизм продолжает играть заметную роль в духовной, культурной и социальной жизни. В современном южнокорейском обществе он функционирует не только как институциональная религия и элемент традиционного культурного кода, но и как социально значимая система ценностей, влияющая на повседневную этику и культурные практики.

По данным национальных социологических опросов 2024–2025 гг., буддисты составляют около 16% населения, тогда как доля христианских деноминаций (протестанты и католики) достигает примерно 30%, при этом традиционно около половины жителей страны не относят себя к какой-либо религии [Somers 2024]. Несмотря на уменьшение числа формальных последователей буддизма, буддийские практики сохраняют в социуме высокую символическую и культурную значимость. Особенно это проявляется в активном вовлечении населения в деятельность буддийских центров через

образовательные и культурные инициативы, в том числе программы, ориентированные на молодежь и городское население.

К примеру, крупнейший буддийский орден Чоге (조계종) объединяет более трех тысяч монастырей и насчитывает миллионы последователей [Kim 2016; Kang 2024]. Орден играет ключевую роль в трансформации буддизма из статуса институциональной религии в сферу культуры, социальной этики и личного саморазвития.

Одним из наиболее ярких примеров этого процесса стала программа Templestay, запущенная в Республике Корея в 2002 г. Она предлагает возможность кратковременного проживания в монастырях с погружением в буддийский образ жизни, что способствует духовному развитию и знакомству с традициями буддизма как внутри страны, так и за ее пределами. По данным официальной статистики, только в 2025 г. в программе приняли участие 349 219 человек, включая почти 55 тысяч иностранных граждан. К участию в мероприятиях программы были привлечены 158 храмов по всей Корее¹. Программа Templestay стала частью национальной культурной политики, поддерживаемой Министерством культуры Республики Корея и самим орденом Чоге.

Стоит, однако, заметить, что эта статистика (как и в аналогичных отчетах Министерства культуры) учитывает всех посетителей, включая участников краткосрочных двухчасовых туров, что может создавать некоторый разрыв между формальным числом «участников» и глубиной их погружения в программу. Полевые исследования авторов в храме Понъынса подтверждают этот тезис: помимо двухдневных ретритов там регулярно проводятся двухчасовые программы (тур по храму и чайная церемония, мастер-классы), участники которых также попадают в общую статистику.

Методологическая основа настоящего исследования сочетает структурно-функциональный и социокультурный подходы. В работе используются концепция «вовлеченного буддизма» (engaged Buddhism), характеризующего социально активные формы религиозности, и категория «самоисцеления» (curative self), отражающая понимание буддизма как практики личной терапии и саморазвития [Kim, Choi 2016]. Источниковая база включает материалы полевых исследований коллектива авторов, полученные во время командировки в Республику Корея в декабре 2025 г., аналитические и социологические работы южнокорейских и западных

¹ Temple Stay Participation Hits Record 350,000 Visitors Last Year // The Korea Times. 18.01.2025. URL: <https://www.koreatimes.co.kr/southkorea/society/20260118/temple-stay-participation-hits-record-350000-visitors-last-year> (дата обращения 20 января 2026).

исследователей, документы ордена Чоге, материалы официального сайта Templestay и публикации ведущих южнокорейских СМИ. Используемые методы – контент-анализ, сравнительно-исторический подход и качественная интерпретация полевых наблюдений.

Современное религиозное пространство Республики Корея отличается высокой плюралистичностью. Наряду с буддизмом и христианством присутствуют различные новые религиозные движения, однако именно буддизм остается важнейшей составляющей национального культурного наследия. Несмотря на снижение формальной религиозной принадлежности, особенно среди молодежи, сохраняется интерес к буддийским ценностям как к элементу жизненной философии и социальной этики. Число активных монастырей и храмов, входящих в орден Чоге, приближается к трем тысячам, а ежегодное количество участников культурных и образовательных программ исчисляется десятками миллионов, что подчеркивает значительное влияние буддизма на общественную жизнь [Somers 2024; Kang 2024].

Социально-идеологические функции буддизма в Республике Корея

Современному южнокорейскому буддизму присущ широкий спектр функций, выходящих далеко за пределы чисто религиозной практики. Его значение связано с нравственным воспитанием, социальной активностью, с формированием культурно-национальной идентичности, с психологической поддержкой населения и культурной дипломатией. Все эти уровни взаимосвязаны и усиливают социальную устойчивость буддийских институтов в условиях модернизации, урбанизации и секуляризации.

Одной из центральных задач буддизма является нравственно-воспитательная функция. Что касается Республики Корея, то там орден Чоге и другие буддийские организации реализуют образовательные программы, лекционные циклы, семинары и просветительские проекты, направленные на распространение ценностей сострадания, умеренности, терпимости и уважения к природе. Эти программы транслируют нравственные ориентиры и в светских образовательных пространствах – школах, университетах и культурных центрах – способствуя формированию у молодых людей устойчивых этических ориентиров вне рамок формального религиозного участия [Somers 2024].

Существенной является и социальная функция буддизма, реализуемая через деятельность социальных институтов

и неправительственных организаций, основанных на буддийских принципах. Корейские буддийские благотворительные и социальные проекты поддерживают пожилых людей, многодетные семьи, людей с ограниченными возможностями и другие группы населения, нуждающиеся в помощи². Практики социальной поддержки становятся устойчивой частью социального ландшафта Южной Кореи, укрепляя позиции буддизма как института социальной заботы.

Выполняя задачи формирования и укрепления национальной идентичности, буддизм реализует и важную идеологическую функцию. Буддийские категории гармонии, терпимости и внутреннего мира интегрируются не только в религиозный дискурс, но и в общественный, культурный и художественный контексты. Это выражается в присутствии буддийских мотивов в современной литературе, кино, изобразительном искусстве, а также в крупных национальных культурных событиях – таких, как фестивали и церемонии, привлекающие значительную аудиторию. В этом смысле буддизм выступает носителем национальных ценностей, которые, будучи переработанными в современных формах, становятся частью культурно-этической парадигмы.

Буддизм также выполняет психологическую функцию, особенно в условиях высокого темпа современной жизни и растущего уровня стресса в обществе. В условиях значительного давления со стороны рынка труда и системы образования многие корейцы обращаются к буддийским практикам осознанности и выездным мероприятиям с целью медитации как к инструментам психофизической регуляции.

Рост интереса к этим практикам частично связан с восприятием буддийской медитации как ресурса для укрепления психологического здоровья и устойчивости, а не только как религиозной практики. Этот тренд отражает важность психологического измерения буддизма в современном обществе и его адаптации к потребностям широких социальных групп вне религиозной принадлежности [Somers 2024].

Отдельная функция буддизма заключается в культурной дипломатии и роли в государственной стратегии «мягкой силы» (soft power). Для формирования позитивного национального имиджа за рубежом Республика Корея активно использует элементы своей традиционной культуры, включая различные буддийские

² Важной частью этой деятельности являются гуманитарные миссии и международные программы, распространяющие помощь в странах Азии и Африки, что отражает буддийскую моральную ответственность как формы социальной солидарности [Tedesco 2002].

практики и культурные инициативы. В рамках культурной дипломатии наряду с корейской поп-культурой и традиционными искусствами буддизм широко представлен в международных государственных и общественных культурных программах, выставках, образовательных инициативах и социальных проектах, направленных на укрепление межкультурного диалога и взаимопонимания³. Выступая как мягкий культурный институт, буддизм адаптирует традиционные ценности к современным социальным запросам, тем самым выступая не только как религиозная традиция, но и как активный участник публичной дипломатии и международной коммуникации.

Важным значением обладает также миротворческая функция буддизма, объединяющая на территории Корейского полуострова две разные политические и государственные системы. Поскольку и в КНДР, и в РК за буддийским наследием признается большая историко-культурная ценность, позволяющая сохранять буддийские организации, монашество и национальные традиции, это может создать в перспективе благоприятную среду для культурной и общественно-политической интеграции обеих стран⁴.

Таким образом, современный корейский буддизм функционирует как широкая социальная и культурная система, включающая нравственную пропаганду, социальную помощь, психологическую поддержку, культурную идентичность и международную культурную активность. Его идеологическая гибкость и способность сочетать традиционные монашеские дисциплины с современными светскими практиками позволяют буддизму оставаться устойчивым элементом корейской культурной экосистемы и важным фактором социального развития.

Механизмы приобщения молодежи к буддизму

Одной из ключевых особенностей современного буддизма в Южной Корее является его способность адаптироваться к образу

³ Такие стратегии отражены в исследованиях по культурной дипломатии и «мягкой силы» Республики Корея. См., напр., [Прыгункова 2021; Ламажапов 2018; Valieva 2018].

⁴ Это соответствует и стратегическим интересам России в Дальневосточном регионе, что даст возможность наметить конкретные пути для устойчивого толерантного взаимодействия и позволит использовать потенциал буддийских институтов в качестве реального инструмента современной международной дипломатии в Азии [Кравцова и др. 2025, с. 51].

жизни, ценностным ориентирам и запросам молодого поколения, живущего в условиях постоянного стресса, высокой конкуренции и социальной неопределенности. Традиционные религиозные коннотации уступают место формам духовности, ориентированным на психологическое благополучие и личностное развитие, что делает буддизм привлекательным именно для молодых людей, ищущих способы управления повседневными трудностями [Kim, Choi 2016; Kim 2016].

По мнению некоторых корейских исследователей и информаторов в буддийских монастырях, опрошенных авторами, молодежь все больше воспринимает буддизм не как догматическую религию, а как систему психологического «самоисцеления», где буддийские практики направлены на снижение тревожности, укрепление эмоционального баланса и укрепление уверенности в собственных силах. Молодые люди, участвующие в программах общества Чонтхо⁵ (정토회), описывают буддийские занятия как способ «снизить эмоциональное напряжение и обрести устойчивость в повседневной жизни» посредством медитации и осознанных практик [Kim, Choi 2016].

В городских условиях роль буддизма как способа самопознания усиливается через сеть буддийских центров, лекций и групповых практик. Организации вроде общества Чонтхо выстраивают коммуникацию с молодежью, используя язык психологии, осознанности и «практической доброты». Акцент делается не на философско-религиозных постулатах буддийского учения, а на результатах практик и личных усилиях по уменьшению стресса, улучшению концентрации, формированию навыков эмпатии и эмоциональной регуляции [Kim 2016]. Молодые жители Сеула, участвующие в медитационных клубах и ретритах, оценивают эти мероприятия прежде всего как пространство для личного развития и восстановления внутреннего равновесия. Они отмечают значительное снижение уровня тревожности и повышение удовлетворенности жизнью после участия в сон-медитациях и ретритах, что демонстрирует важность психологического измерения в современном буддизме [Kim 2016].

Социальный аспект таких практик также играет заметную роль. Волонтерские инициативы при монастырях, участие в экологических акциях, помощь пожилым людям и сбор средств для благотворительных проектов формируют у молодежи ощущение

⁵ Общество Чонтхо, или Общество Чистой Земли – это буддийская организация ордена Чоге в Республике Корея, созданная под руководством монаха Помнёна в 1988 г.

гражданской активности и социальной ответственности [Tedesco 2002]⁶. Эти формы вовлечения соответствуют концепции «вовлеченного буддизма», в рамках которой религиозные институты и миряне совместно участвуют в решении актуальных социальных проблем.

Особенность корейской ситуации заключается также в глубокой интеграции буддизма в национальную культуру и идентичность. Молодежь охотно посещает храмы как культурные центры, участвует в мастер-классах по каллиграфии, гончарному делу, знакомится с храмовой кухней⁷ (см. [Kang 2024]). Большой популярностью пользуются культурные фестивали (например, Фестиваль лотосовых фонарей), которые привлекают десятки тысяч участников ежегодно и позволяют молодежи переживать буддийские традиции через искусство, ритуалы и эстетическое восприятие⁸.

Не менее значимо в последнее время и цифровое измерение взаимодействия буддийских институтов с молодежью. Монастыри и орден Чоге активно используют веб-платформы, онлайн-курсы, подкасты и видеолекции, адаптированные под молодежную аудиторию. Эти ресурсы позволяют участвовать в занятиях по медитации, осваивать навыки по «управлению стрессом» и практики осознанности, позволяя буддизму оставаться заметной частью публичного пространства без необходимости обращения к социальным сетям. Как отмечает в интервью Ли Санхёк (Lee Sang Hyeok 이상혁), служитель храма Понъынса, новые форматы действительно работают:

⁶ См. также: Efforts in Korea to Boost Youth Interest in Buddhism Find Success // Buddhistdoor Global. 20.08.2024. URL: <https://www.buddhistdoor.net/news/efforts-in-korea-to-boost-youth-interest-in-buddhism-find-success/> (дата обращения 1 февраля 2026).

⁷ Korean Temple Food: A Globally Recognized Sustainable Culinary Culture // Templestay. 26.11.2025. URL: <https://www.multivu.com/cultural-corps-of-korean-buddhism/936875-en-korean-temple-food-globally-recognized-sustainable-culinary-culture> (дата обращения 19 января 2026); Moon S.S. Buddhist Temple Food in South Korea: Interests and Engagement // Semantic Scholar. 2024. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Buddhist-Temple-Food-in-South-Korea%3A-Interests-and-Moon/1a7d0fea8c9e376dc9f7f459194c9f95212bd872> (дата обращения 21 января 2026).

⁸ Yeon Deung Hoe Lantern Festival in South Korea Celebrates Buddha's Birthday // AP News. 28.04.2023. URL: <https://apnews.com/article/buddhists-lotus-lantern-south-korea-34b1ca11887dc06724e4b97bb41d06f3> (дата обращения 10 января 2026).

Есть, например, на одном из видеохостингов диджей, который проводит свои сеты в буддийском стиле, и таким образом привлекает людей в буддизм. Это шанс, который позволил молодежи воспринимать буддизм не как что-то скучное, старое или сложное, а что-то интересное⁹.

Таким образом, современные механизмы приобщения молодежи к буддизму включают несколько взаимосвязанных направлений: психологические аутотренинги и практики, социальное волонтерство и гражданскую активность, культурное и эстетическое участие, цифровую образовательную работу и международные обмены. Все эти меры направлены на формирование позитивного образа буддизма как гуманистической, современной и открытой традиции.

Программа Templestay и ее значение

Запуск программы Templestay в 2002 г. стал важнейшим этапом в развитии современного южнокорейского буддизма, открыв новым аудиториям возможность непосредственного опыта монастырской жизни. Изначально проект создавался в рамках подготовки к Чемпионату мира по футболу, однако быстро превратился в долгосрочную культурно-образовательную инициативу, нацеленную на знакомство с буддийскими традициями и нравственными практиками страны.

Сегодня программа реализуется в более чем 150 храмах по всей Корее, включая такие крупные буддийские комплексы, как Чогеса (조계사, 曹溪寺), Понъынса (봉은사, 奉恩寺), Наксан Мёгакса (묘각사, 妙覺寺) и Ёнхваса (연화사, 蓮花寺). По данным отчетов ордена Чоге и Министерства культуры, к 2025 г. общее количество участников превысило семь миллионов человек, из которых около 30% составляют молодые корейцы в возрасте до 35 лет¹⁰. Эти количественные показатели согласуются с качественными наблюдениями, полученными в ходе наших полевых исследований. Сотрудник храма Понъынса подтвердил, что возрастная группа 20–30 лет является одной из самых активных участниц программы: «Очень

⁹ Ли Санхёк, служитель храма Понъынса, ответственный за программу Templestay (г. Сеул, Республика Корея). Интервью взято авторами 05.12.2025 г. Личный архив.

¹⁰ Jogye looks to bring seon meditation closer // The Korea Herald. 19.02.2025. URL: <https://www.koreaherald.com/article/10423795> (дата обращения 20 февраля 2026).

много 20–30-летних»¹¹, – отметил он, связывая это с общим трендом поиска психологического благополучия.

Для многих участников программа становится первой возможностью погружения в монастырскую жизнь и знакомства с буддийской этикой и практикой. Структура Templestay варьируется от краткосрочных двухчасовых туров до полноценных двухдневных или более длительных ретритов.

Авторы настоящего исследования провели полевые наблюдения в декабре 2025 г., посетив все четыре вышеупомянутые храма Сеула, где реализуется программа. Во всех храмах были проведены беседы с монахами и служителями, изучены и собраны учебные материалы, что позволило получить уникальные эмпирические данные о внутренней организации программы, восприятии ее участниками и роли различных элементов практик¹².

Судя по изученным промо-материалам программы, в основе всех форматов лежит сочетание практического опыта и культурного погружения: участники знакомятся с распорядком монастыря, включая утренние колокольные звоны, чтение сутр, медитацию, совместный прием пищи и работу в саду. Такой подход реализует принципы «жизни в простоте и внимании», формируя навыки сосредоточенности, умеренности и уважения к труду.

Особое внимание при прохождении таких практик уделяется нравственным категориям буддизма: сострадание, умеренность, гармония с окружающим миром и благодарность за пищу становятся практическими навыками, осваиваемыми в ходе повседневной деятельности. Храмовая кухня, признанная элементом нематериального культурного наследия, преподносится как пример экологичного и устойчивого образа жизни. Мастер-классы по приготовлению вегетарианских блюд сопровождаются лекциями о принципах ахимсы (ненасилия) и взаимосвязи человека и природы [Kang 2024].

Двухдневный формат программы в самом насыщенном варианте предполагает следующие мероприятия. Первый день: прибытие в храм и экскурсия, рассказ о жизни монахов, совместный ужин, удар в колокол, вечерняя молитва, чайная церемония, беседа

¹¹ Ли Санхёк, служитель храма Понъынса, ответственный за программу Templestay (г. Сеул, Республика Корея). Интервью взято авторами 05.12.2025 г. Личный архив.

¹² В формировании выводов был полезен также личный опыт прохождения программы одним из авторов в ноябре 2009 г. в храме Ёнмунса (용문사, 龍門寺), что подтвердило стабильность содержания программы на протяжении более чем 15 лет.

с монахом, медитация и сон. Второй день начинается с подъема в четыре часа утра, за чем следуют утренняя молитва, 108 поклонов Будде, завтрак, уборка двора, прогулка в горах как форма активной медитации, дополнительные мастер-классы (каллиграфия, изготовление лотосовых фонарей, игра на буддийских музыкальных инструментах), медитация, беседа с монахом и обед перед отъездом¹³.

Программа предлагает вариативность: есть сокращенные версии без ночевки, двухчасовые экскурсии с чайной церемонией и медитацией, а также расширенные форматы с полным погружением. Участникам предоставляется специальная монашеская одежда и все необходимые принадлежности, однако допускается ношение теплой одежды поверх установленной монашеской, что демонстрирует гибкость и адаптивность программы к современным требованиям комфорта.

Культурно-образовательный компонент программы является неотъемлемой частью Templestay. Чайная церемония, совместное приготовление и прием пищи, изучение храмовой кухни и участие в мастер-классах формируют у участников ощущение сопричастности к традиции и стимулируют эстетическое восприятие буддийской культуры. На территории храмов активно используется визуальная и информационная коммуникация: брошюры, яркие книги, фотографии храмов и плакаты объясняют особенности буддийского этикета и практик.

Социальный аспект также является важным: участники вовлекаются в совместный труд – уборку территории, мытье посуды и обуви, участие в коллективном приготовлении пищи. Этот опыт отражает принципы сон-буддизма и формирует практическое понимание этики труда, взаимопомощи и ответственности. Программа поддерживает баланс между духовной дисциплиной и комфортом, делая ее привлекательной для молодежи, включая студентов и молодых специалистов¹⁴.

Доступность программы для иностранной аудитории обеспечивается проведением мероприятий на английском языке в 31 храме. Несмотря на это ядро внутренней аудитории составляют молодые корейцы, воспринимающие буддизм как способ достижения психологического благополучия и гармонии, а не исключительно как религию [Somers 2024]. Эта тенденция находит подтверждение

¹³ Здесь и далее содержание программ описано на основе полевых исследований авторов.

¹⁴ Университеты Сеула и Пусана интегрируют краткосрочные ретриты в учебные курсы по культурологии и религиоведению, что усиливает образовательное значение программ Templestay [Kang 2024].

и в полевых наблюдениях авторов. По словам служителя храма Понъынса Ли Санхёка,

...среди участников программы много тех, кто не причисляет себя ни к какой религии. Есть атеисты. То есть, они интересуются буддизмом... как средством стать счастливым. Это поиск себя¹⁵.

Качественное исследование с участием иностранных студентов, участвовавших в программе, выявило, что опыт пребывания способствует не только духовному самоощущению, но и широкому культурному восприятию буддийских традиций [Hwang 2022].

Эмпирические данные, собранные авторами во время полевых исследований, подтверждают значимость программы как инструмента формирования нравственных ценностей, социальной ответственности и психологической устойчивости. Участие в Templestay способствует развитию эмпатии, снижению тревожности и улучшению межличностной коммуникации. Опросы 2024 г. показывают, что более 80% молодых участников отмечают ощущение «гармонии и перезагрузки» после ретрита [Kang 2024]. На основе анализа 266 опросов участников программы корейские исследователи сделали вывод, что мотивация участия в Templestay и ее восприятие как культурно-духовного опыта тесно связаны с удовлетворенностью участников и их вовлеченностью в программу [О, Чхве 2021]. Согласно анализу состояния участников и их пожеланий, факторы выбора и мотивация участия также статистически значимо влияют на удовлетворение участников программы и их намерение снова вернуться в будущем [Юн 2016].

При всех очевидных положительных результатах подобных программ необходимо отметить фактор риска, связанный с превращением буддийских храмов в объект туризма, что ведет к утрате аутентичности и традиций монастырской жизни. По этому поводу ряд корейских специалистов поднимают вопросы о том, как коммерциализация и чрезмерное расширение программ, ориентированных на туристов, могут привести к вмешательству в традиционное расположение религиозно-ритуальных зон и ослаблению религиозной структуры обитателей, поскольку развитие Templestay иногда осуществляется без достаточного учета взаимосвязи между священными практиками и повседневной монастырской жизнью [Квак 2018].

¹⁵ Ли Санхёк, служитель храма Понъынса, ответственный за программу Templestay (г. Сеул, Республика Корея). Интервью взято авторами 05.12.2025 г. Личный архив.

Кроме того, другие корейские исследования, посвященные концепции «подлинности (진정성 *чинджонсон*)» в рамках туризма для получения нового опыта (체험관광 *чхехом квангван*), указывают, что потребительский опыт туристов порой вступает в противоречие с сохранением историко-религиозного характера храмов, поэтому практики развития таких программ требуют балансирования между культурным туризмом и сохранением истинной буддийской аутентичности [Ю 2018].

Интересные данные, иллюстрирующие этот баланс, были получены в ходе интервью со служителем храма Понгынса. Он сообщил, что в храме существует четкое разделение потоков: «Первые выходные месяца – для иностранцев – на два дня с ночевкой. Остальные три недели – для корейцев». Кроме того, он отметил разницу в восприятии: «иностранцы хоть и приезжают, но заметно, что усвоение некоторой информации, некоторых практик – сложно для них...»¹⁶. Это наблюдение подтверждает, что программа адаптируется под разные аудитории, и глубина погружения у иностранных гостей, как правило, ниже, чем у местных участников, что является неизбежным следствием культурного туризма.

Тем не менее даже в адаптированном виде система Templestay остается эффективным каналом передачи буддийских ценностей и этики, создавая пространство диалога между традицией и современностью [Somers 2024].

Таким образом, система Templestay представляет собой уникальный синтез духовного, культурного и образовательного опыта, где молодежь и студенты, включая иностранных гостей, могут переживать буддийскую традицию через практику, труд, медитацию и погружение в культуру. Программа обеспечивает сочетание психологической поддержки, нравственного воспитания и культурного образования, формируя у участников опыт светской духовности и способствуя популяризации буддизма в современной аудитории.

Заключение

Рассмотренные материалы позволяют утверждать, что современный буддизм Республики Корея, несмотря на заметное снижение числа формальных верующих, продолжает играть значительную роль в культурной, социально-идеологической и духовной

¹⁶ Ли Санхёк, служитель храма Понгынса, ответственный за программу Templestay (г. Сеул, Республика Корея). Интервью взято авторами 05.12.2025 г. Личный архив.

жизни общества. Его устойчивость объясняется способностью адаптироваться к быстро меняющимся условиям постиндустриального общества, где ценность религии все чаще измеряется не столько принадлежностью к институту, сколько личным духовным опытом и практиками саморазвития. Буддизм в Южной Корее успешно трансформируется из традиционной конфессиональной системы в форму жизненной философии, объединяющую элементы духовности, психологии и культуры.

Сочетание этих факторов обеспечивает особую привлекательность буддизма для молодого поколения, которое рассматривает его возможности как пространство для личного роста, эмоциональной стабилизации и социального участия без необходимости религиозной идентификации. Благодаря ориентации на ценности осознанности, сострадания и внутренней гармонии буддизм становится важным элементом современной этики и культуры повседневности.

В этом контексте программы наподобие Templestay играют особую роль как инструмент практического приобщения к духовному опыту региона. Их формат объединяет медитативную и образовательную компоненты, выступая моделью интеграции буддийских ценностей в жизнь современного общества. Успех программы, закрепленный в опыте десятков миллионов участников, свидетельствует о потенциале буддизма как инструмента нравственного воспитания, социальной адаптации и культурной дипломатии.

В социальном измерении корейский буддизм демонстрирует высокий уровень вовлеченности в решение общественных проблем. Деятельность ордена Чоге, общества Чонтхо и других организаций подтверждает, что буддийские институты функционируют как активные агенты гражданского общества, развивая волонтерские движения, благотворительные программы и гуманитарные инициативы, ориентированные на внутреннюю и внешнюю помощь. Эти формы активности позволяют рассматривать буддизм не только как религиозную традицию, но и как механизм социальной интеграции и гражданской ответственности.

В культурно-идеологическом аспекте буддизм выступает одним из столпов национальной идентичности. Через образовательные, художественные и медиа-проекты он участвует в формировании позитивного образа «корейского пути к счастью», связывающего духовную гармонию с социальной этикой. В рамках международной культурной дипломатии буддизм становится выразителем «мягкой силы» Республики Корея, укрепляя ее культурный престиж и создавая платформу для диалога между Востоком и Западом.

Таким образом, буддизм в современной Южной Корее можно рассматривать как гибридную систему духовности, объединяющую монашеские традиции, социальную практику и культурную миссию. Его способность сочетать традиционные формы религиозного опыта с современными моделями самореализации, общественного служения и культурной коммуникации делает его устойчивым и социально востребованным.

Дальнейшие исследования данной проблематики могут быть связаны с анализом трансформации буддийских институтов в цифровую эпоху – прежде всего, каким образом тотальная цифровизация, внедрение технологий искусственного интеллекта в онлайн-обучение и виртуальные формы медитации влияют на восприятие буддизма молодежью. Не менее важным направлением представляется изучение того, как религиозные и культурные инициативы, подобные программе Templestay, воздействуют на ценностные установки поколения Z¹⁷ и способствуют формированию новых форм светской духовности.

Наконец, особый интерес представляет сравнительный анализ южнокорейского буддизма с другими региональными моделями – японской, вьетнамской, тайской и даже северокорейской. Несмотря на общие исторические корни и идеологические принципы махаянской традиции, эти формы демонстрируют различную степень институционализации и адаптации к социальным изменениям.

Так, в Японии буддизм существует в тесном сосуществовании с синтоизмом, образуя устойчивую модель религиозного дуализма, при котором *синто* выполняет обрядовые и национально-идентификационные функции, а буддизм отвечает за ритуалы памяти, похоронные практики и этическое воспитание. Во Вьетнаме со второй половины XX в. усилился социально-этический компонент буддизма, связанный с постколониальным опытом и движением за «вовлеченный буддизм», акцентирующим общественную ответственность монашества. В Таиланде, напротив, буддизм сохраняет статус религии большинства, но сталкивается с кризисом доверия к монашеским структурам и необходимостью обновления образовательных и социальных функций сангхи.

Сравнение этих моделей с ситуацией в Южной Корее позволяет выявить и общие механизмы адаптации буддизма к вызовам модернизации, и уникальные особенности его интеграции в сферу культурной дипломатии и формирования национальной идентичности в Восточной Азии.

¹⁷ Имеются в виду т. н. «зумеры» в теории поколений американских экономистов и социологов Уильяма Штрауса и Нила Хоува (Strauss-Howe generational theory).

Проведенный анализ свидетельствует, что буддизм в Республике Корея не только сохраняет религиозную и культурную преемственность, но и служит индикатором более широких процессов культурной эволюции общества, в котором традиция и инновация соединяются в динамичную систему духовных, социальных и гуманистических практик. Таким образом, современный южнокорейский буддизм представляет собой сложное явление, где религиозные институты, культурные практики и социальные инициативы, адаптируясь к изменениям в обществе и новым духовным запросам населения, тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Благодарности

Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки №FSUS-2024-0028 «Аксиологический потенциал буддизма в контексте международных отношений России со странами Восточной Азии: история и современность».

Acknowledgment

This study was conducted as part of the state assignment of the Ministry of Education and Science No. FSUS-2024-0028 “Axiological potential of Buddhism in the context of international relations of Russia with the countries of East Asia: history and modernity”.

Литература

- Квак 2018 – *Квак Ира*. Хангук сачхаль-ый тхемпхыльстей конганбэчхи-э кванхан ёнгу [한국 사찰의 템플스테이 공간배치에 관한 연구]. Исследование пространственной планировки программ Templestay в корейских храмах: Магистерская диссертация Сеул: Университет Сонгюнган, 2018. 142 с.
- Кравцова и др. 2025 – *Кравцова А.Д., Войтишек Е.Э., Шмакова А.С.* Буддизм в Корейской Народно-Демократической Республике: наследие, политика и дипломатия // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24. № 10: Востоковедение. С. 41–52.
- Ламажапов 2018 – *Ламажапов Э.Л.* Публичная дипломатия и корейский буддизм // Буддизм и традиционные религии народов России, внутренней и восточной Азии: Сб. статей. Улан-Удэ, 2018. С. 236–243.
- Прыгункова 2021 – *Прыгункова А.С.* Публичная дипломатия Республики Корея // Кореистика в России: направление и развитие. 2021. Т. 2. № 3. С. 116–121.

- О, Чхве 2021 – О Минджэ, Чхве Мисон. Тхемпхыльстей чхамгаджа-ый чхехом-донги... [템플스테이 참가자의 체험동기, 지각된 가치, 몰입, 만족 간 구조적 관계]. Структурная взаимосвязь между мотивацией, ценностью, погружением и удовлетворенностью участников Templestay // Кванван ёнгу чоноль (Journal of Tourism Research). 2021. Vol. 35. № 11. P. 159–172.
- Ю 2018 – Ю БИнсу. Тхемпхыльстей чхехом-и чинджонсон-гва чхунсондо-э мичхинын ёнхян ёнгу [템플스테이 체험이 진정성과 충성도에 미치는 영향 연구]. Исследование влияния опыта Templestay на лояльность и подлинность. Сеул: Университет Кёнхи, 2018. 106 с.
- Юн 2016 – Юн Сонён. Тхемпхыльстей чхехомгвангван чхамгадонги-ва сонтхэкёин-и манджок... [템플스테이 체험관광 참가동기와 선택요인이 만족 및 재방문의도에 미치는 영향]. Влияние мотивации участия в Templestay и факторов выбора на удовлетворенность и намерение повторного визита // Собисы ёнгу (Journal of Service Research). 2016. Т. 6. № 2. С. 1–21.
- Kang 2024 – Kang M.Y. Korean Templestay as a Sustainable Global Cultural Product: The Case of Manggyeongsansa // Sustainability. 2024. Vol. 16. № 22. URL: www.mdpi.com (дата обращения: 10.02.2026).
- Kim 2016 – Hyun Mee Kim. Becoming a City Buddhist among the Young Generation in Seoul // International Sociology. 2016. Vol. 31. № 4. P. 450–466.
- Kim, Choi 2016 – Hyun Mee Kim, Si Hyun Choi. Engaged Buddhism for the Curative Self among Young Jungto Buddhist Practitioners in South Korea // Journal of Korean Religions. 2016. Vol. 7. № 2. P. 11–36.
- Somers 2024 – Somers B.D. Korean Buddhism in the Era of “Spiritual, but Not Religious”: Adapting to Contemporary Society // Religions. 2024. Vol. 15. № 11. Ст. 1305. 16 p.
- Tedesco 2002 – Tedesco F.M. Socially Responsive Buddhism in Contemporary Korea // The Review of Korean Studies. 2002. Vol. 5. № 1. P. 133–157.
- Hwang 2022 – Yi-hwa Hwang. An Exploratory Study on the Temple Stay Experience of Foreign University Students [외국인 대학생의 템플스테이 경험에 대한 탐색적 연구] // Journal of Buddhist Thought and Culture. 2022. Vol. 14. № 2. P. 52–84.
- Valieva 2018 – Valieva J. Cultural Soft Power of Korea // Journal of History Culture and Art Research. 2018. Vol. 7. № 4. P. 207–213.

References

- Gwag, I.R. (2018), *Hanguk sachhal-ui tempeulseutei gongganbaechi-e gwanhan yeongu* [A Study on the Spatial Layout of Templestay Facilities in Korean Temples], Master's Thesis, Seonggyungwan Daehakgyo, Seoul, Republic of Korea.
- Hwang, Y.H. (2022), “An Exploratory Study on the Temple Stay Experience of Foreign University Students”, *Journal of Buddhist Thought and Culture*, vol. 14, no. 2, pp. 52–84.

- Kang, M.Y. (2024), "Korean Templestay as a Sustainable Global Cultural Product: The Case of Manggyeongsansa", *Sustainability*, vol. 16, no. 22, available at: www.mdpi.com (Accessed 10 February 2026).
- Kim, H.M. (2016), "Becoming a City Buddhist among the Young Generation in Seoul", *International Sociology*, vol. 31, no. 4, pp. 450–466.
- Kim, H.M. and Choi, S.H. (2016), "Engaged Buddhism for the Curative Self among Young Jungto Buddhist Practitioners in South Korea", *Journal of Korean Religions*, vol. 7, no. 2, pp. 11–36.
- Kravtsova, A.D., Voytishek, E.E. and Shmakova, A.S. (2025), "Buddhism in the Democratic People's Republic of Korea: Heritage, Politics, and Diplomacy", *Vestnik NGU. Series: History and Philology*, vol. 24, no. 10, pp. 41–52.
- Lamazhapov, E. L. (2018), "Public Diplomacy and Korean Buddhism", *Buddizm i traditsionnye religii narodov Rossii, vnutrennei i Vostochnoi Azii* [Buddhism and Traditional Religions of the Peoples of Russia, Inner and Eastern Asia], Ulan-Ude, pp. 236–243, available at: www.imbt.ru (Accessed 10 February 2026).
- Oh, M.J. and Choi, M.S. (2021), "The structural relationship among motivation, perceived value, flow, and satisfaction of temple stay participants", *Gwangwang yeongu jeoneol* [Journal of Tourism Research], vol. 35, no. 11, pp. 159–172.
- Prygunkova, A.S. (2021), "Public Diplomacy of the Republic of Korea", *Koreevedenie v Rossii: napravlenie i razvitie = The journal of direction and development of Korean studies in Russia*, vol. 2, no. 3, pp. 116–121.
- Somers, B.D. (2024), "Korean Buddhism in the Era of 'Spiritual, but Not Religious': Adapting to Contemporary Society", *Religions*, vol. 15, no. 11, art. 1305, 16 p.
- Tedesco, F.M. (2002), "Socially Responsive Buddhism in Contemporary Korea", *The Review of Korean Studies*, vol. 5, no. 1, pp. 133–157.
- Valieva, J. (2018), "Cultural Soft Power of Korea", *Journal of History Culture and Art Research*, vol. 7, no. 4, pp. 207–213.
- Yoo, E.S. (2018), *Examining the relationships among temple-stay experience, authenticity, and loyalty*, Master's Thesis, Gyeonghui Daehakgyo, Seoul, Republic of Korea.
- Yoon, S.Y. (2016), "The Effects of Temple-stay Experienced Tourism Motivation of Participation and Choice Factors on Satisfaction and Revisit Intention", *Seobiseu yeongu* [Journal of Service Research], vol. 6, no. 2, pp. 1–21.

Информация об авторах

Елена Э. Войтишек, доктор исторических наук, профессор, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия; 630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1; e.voitishek@g.nsu.ru

Мария А. Шутова, кандидат исторических наук, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия; 630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1; m.vitchenko@g.nsu.ru

Антон С. Шамрин, кандидат филологических наук, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия; 630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1; a.shamrin@g.nsu.ru

Information about the authors

Elena E. Voytishek, Dr. of Sci. (History), professor, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia; bld. 1, Pirogova Street, Novosibirsk, Russia, 630090; e.voitishek@g.nsu.ru

Mariya A. Shutova, Cand. of Sci. (History), Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia; bld. 1, Pirogova Street, Novosibirsk, Russia, 630090; m.vitchenko@g.nsu.ru

Anton S. Shamrin, Cand. of Sci. (Philology), Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia; bld. 1, Pirogova Street, Novosibirsk, Russia, 630090; a.shamrin@g.nsu.ru

Подношение чая как элемент буддийского ритуала поминовения памяти усопших

Алина В. Зинченко

*Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия
Университет Цукуба, Цукуба, Япония, alinazin1998@gmail.com*

Руслан М. Сеитов

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия, seito furuslan@gmail.com*

Аннотация. В статье исследуется подношение чая в японских чайных школах как часть буддийских ритуалов поминовения усопших. Подобные ритуалы занимают важное место в японском буддизме, поскольку в современном японском обществе именно буддийская обрядность взяла на себя функции, связанные со смертью, посмертным существованием и памятью об ушедших. В работе подробно рассматриваются примеры поминальных практик в школах Ура-сэнкэ и Омотэ-сэнкэ, выявляются особенности наименования поминальных церемоний и их структура. Сакральный смысл подношения чая подчеркивается также тесной связью чая с буддийскими представлениями о спасении и концепцией «десяти добродетелей чая» и «семи внутренних и внешних дел».

Ключевые слова: буддийские церемонии поминовения памяти, японский буддизм, чайная церемония, Ура-сэнкэ, Омотэ-сэнкэ, комплекс «Семь ритуалов», ситидзи-сики

Для цитирования: Зинченко А.В., Сеитов Р.М. Подношение чая как элемент буддийского ритуала поминовения памяти усопших // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2026. № 2. С. 30–40. DOI: 10.28995/2686-7648-2026-2-30-40

The role of tea offering in Buddhist memorial services

Alina V. Zinchenko

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

The University of Tsukuba, Tsukuba, Japan, alinazin1998@gmail.com

Ruslan M. Seitov

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russia, seitoofuruslan@gmail.com

Abstract. This study examines the role of tea offering in Buddhist memorial services within Japanese tea schools. Memorial services occupy a central position in Japanese Buddhism, since Buddhist ritual practice has traditionally played a key role in Japanese society in matters related to death, the afterlife, and the commemoration of the deceased. The paper provides a detailed analysis of memorial practices in the Urasenke and Omotesenke schools, highlighting the naming structure and distinctive features of each memorial service. The sacred significance of tea offering is further underscored by its close connection with Buddhist ideas of salvation and the concept of the ‘Ten Virtues of Tea’ and the ‘Seven Internal and External Deeds’.

Keywords: Buddhist memorial services, Japanese Buddhism, Japanese tea ceremony, Urasenke, Omotesenke, the ‘Seven Rituals’ tea complex

For citation: Zinchenko, A.V. and Seitov, R.M. (2026), “The role of tea offering in Buddhist memorial services”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series*, no. 2, pp. 30–40, DOI: 10.28995/2686-7648-2026-2-30-40

Introduction

Memorial services occupy a central position in Japanese Buddhism. Their particular significance is explained by the fact that Buddhism and Shintō, while coexisting in a form of religious syncretism, nonetheless perform distinct functions in Japanese society. Joyful life-cycle events, such as birth (初宮参り, *Hatsu-miya-mairi*), coming of age (百手式, *Momote-shiki*), or marriage (神前式, *Shinzen-shiki*), generally fall under the scope of Shintō ritual practice, while Buddhist practices focus on matters of death, the afterlife, and the remembrance of the deceased [Фролова 2024, с. 95].

Although Shinto funeral rites (神葬祭, *Shinsō-sai*) have existed in Japan since ancient times, they were gradually supplanted by Buddhist

practices. This process, which began during the Nara period (710–794) with the spread of Buddhism, was completed in the Edo period (1603–1868) with the implementation of the temple registration system (寺請制度, *terauke seido*), requiring all citizens to affiliate with Buddhist temples¹.

Nevertheless, Shinto funeral practices continued to be performed during the Edo period with special permission and regulation². In 1665, the document 'The Ordinance for Shrine Priests' (諸社禰宜神主法度, *Shosha Negi Kannushi Hatto*) was issued as part of early Edo-period policies aimed at strengthening Shinto administration and promoting the separation of Shinto from Buddhism by regulating shrines and their priests. The ordinance consisted of five articles governing the conduct, duties, and organization of shrine personnel, including regulations on ritual practice and priestly attire.

Earlier this year the shogunate mandated the countrywide inspection of religious affiliation by ordering all *daimyō* to install magistrates of temples and shrines (寺社奉行, *jisha bugyō*) or magistrates for religious affairs (宗門奉行, *shūmon bugyō*). Officially, these orders did not instruct Buddhist temples to inspect religious affiliation, but in practice it was mostly temples that took on this task [Pickl-Kolaczia 2024, p. 81].

However, Shintō funeral practices still survive today, although they are considerably less common than Buddhist rite³.

The kanji *ki* (忌) is used to denote memorial services and has several meanings, among them 'abstinence' and 'mourning' (忌み, *imi*). For naming the ceremony, this kanji is added either to the Buddhist name (戒名, *kaimyō*) of the deceased or to a symbolic combination associated with them⁴.

¹ This also entailed the necessity of burials in accordance with the Buddhist tradition.

² Motegi, S. (2022), «Shinsōsai (Shinto Funeral Rites)» in Digital Encyclopedia of Shinto of Kokugakuin University Digital Museum, available at: <https://d-museum.kokugakuin.ac.jp/eos/detail/?id=8905> (Accessed 20 November 2025).

³ According to a 2016 survey conducted by the All-Japan Ceremonial Mutual Aid Association, nearly 90% of funerals in Japan follow Buddhist funeral practices. See: Sōgi ni kansuru ankēto kekka [葬儀に関するアンケート結果]. Survey Results on Funeral // All-Japan Ceremonial Mutual Aid Association. 2016. URL: <https://www.zengokyo.or.jp/10000resalt/resa3/> (Accessed 1 September 2025).

⁴ As an example, the posthumous name of the writer Dazai Osamu (太宰治, 1909–1948) is *Bunsai-in Daiyū Jitsū Koji* (文綵院大猷治通居士),

Kaimyō is a Buddhist name given upon taking vows. Although it is primarily associated with a posthumous name, a *kaimyō* can also be received during one's lifetime. Moreover, a Buddhist may be granted multiple *kaimyō*. There are several types of Buddhist names. The most common type for monks consists of two kanji characters that symbolically reflect their life path and ideals: *dōgō* (道号) [Фролова 2024, с. 99].

For the heads of tea schools, an honorary title called *saigō* (斎号) is also chosen. The title combines two kanji characters with the element *sai* (斎, literally 'purification'), reflecting a connection to Buddhism. For example, the *saigō* of the 7th head of the Omotesenke school was Joshinsai (如心斎, 1705–1751), while that of the 8th head of the Urasenke school was Yūgensai (又玄斎, 1719–1771).

Both *dōgō* and *saigō* (with the element *sai* omitted) can be used in naming memorial ceremonies. For example, the memorial ceremony for the 13th head of the Urasenke school is called *Ennō-ki* (圓能忌), derived from his *saigō* title Ennōsai (圓能斎). In contrast, the memorial for the 7th head of the Omotesenke school, *Tennen-ki* (天然忌), takes its name from his *dōgō*, Tennen (天然).

Each memorial service is unique in its nature and reflects the legacy of the deceased. For example, on the memorial day for the writer Dazai Osamu, visitors bring cherries to his grave to honor his memory⁵, while during the memorial ceremony for the poet Kobayashi Issa (小林一茶, 1763–1828) *haiku* are recited⁶. However, some elements of memorial services remain consistent: the chanting of sutras (読経, *dokyō*) is obligatory, and often a special meal (お斎, *otoki*) is served⁷.

a name of the *inkoji* type (院居士). In this name, *Bunsai-in* reflects respect for the writer's literary activity, *Daiyū Jitsū* constitutes the name itself, and *Koji* is the layperson's title. However, the memorial service in his honor is known as 'Cherry Mourning' (桜桃忌, *ōtō-ki*), named after one of the writer's last novels – 'Cherries' (桜桃, *ōtō*).

⁵ *Ōtō-ki* [桜桃忌]. Cherry Mourning // Mitaka city. URL: <https://www.city.mitaka.lg.jp/dazai/dazaitomitaka/outouki.html> (Accessed 30 August 2025).

⁶ Kobayashi Issa Hyaku Kyūjū Nana Kaiki Zenkoku Haiku Taikai [小林一茶 1979 回忌全国俳句大会]. The 197th Memorial National *Haiku* Convention for Kobayashi Issa // Issa Memorial Museum. URL: <https://www.issakinenkan.com/taikai/> (Accessed 29 December 2025).

⁷ Isshūki hōyō no nagare [一周忌法要の流れ]. The flow of the first anniversary memorial service // Palmo Funeral Services Company. URL: <https://palmo-sosai.jp/knowledge/036.html> (Accessed 20 August 2025).

Tea Offering as a Part of Buddhist Memorial Services in Japanese Schools of Tea

In Japanese schools of tea, tea offerings serve as a central symbolic element of annual memorial services.

In Urasenke school, a major memorial service called ‘Seichū, Ennō and Mugen’ (精中・圓能・無限忌, *Seichū, Ennō, Mugen-ki*) takes place every July. It commemorates three notable tea masters: the 11th head of the school, Gengensai Seichū (玄々斎精中, 1810–1877), who made significant efforts to adapt the art of tea to modernity, the 13th head, Ennōsai Tetchū (圓能斎鉄中, 1872–1924), who incorporated tea practice into school education, and the 14th head, Mugensai Sekisō (無限斎碩叟, 1893–1964), who developed new variations of the ‘Seven Rituals’ ceremonies⁸.

The 2024 ceremony serves as a representative example of this memorial service⁹.

It began with a welcome address by the grand master Sen Genshitsu (千玄室, 1923–2025)¹⁰. As he recited the Four Great Bodhisattva Vows¹¹, the current head of the school, Sen Sōshitsu XVI (16代千宗室, born in 1956)¹², prepared tea, and his son, the young master Sen Sōshi (千宗史, born in 1990), offered the tea bowls to the portraits of the deceased masters. The attendees subsequently paid their respect with a moment of silence.

Following this, the head of the school prepared thick tea (濃茶, *koicha*), which was served to the guests. The memorial service concluded with performances of variations of the ‘Seven Rituals’

⁸ ‘Seven Rituals’ is a set of game-like tea exercises designed to train the spirit and skills required for the way of tea (茶の湯, *cha-no yu*) (see: [Зинченко 2024]). It was developed in the mid-Edo period (1603–1868) and consists of seven ceremonies: *kagetsu* (花月, lit. ‘flowers–moon’), *shaza/saza* (且座, lit. ‘sitting for a while’), *mawari-bana* (廻り花, lit. ‘flowers in a circle’), *mawari-zumi* (廻り炭, lit. ‘charcoal in a circle’), *ichi-ni-san* (一二三, lit. ‘one-two-three’), *cha-kabuki* (茶カブキ, lit. ‘tea kabuki performance’), and *kazu-cha* (数茶, lit. ‘tea for a large number of people’) [Horinouchi 1989, p. 4].

⁹ Seichū, Ennō, Mugen-ki [精中・圓能・無限忌]. Memorial service ‘Seichū, Ennō, Mugen’ // Urasenke School. July 11, 2024. URL: <https://www.urasenke.or.jp/soke-koyomi/79847.html> (Accessed 30 November 2025).

¹⁰ The 15th head of the Urasenke school, also known as Hōunsai (鵬雲斎) and Sen Sōshitsu XV (15代千宗室).

¹¹ A fundamental set of principles in Mahayana Buddhism and Zen practice, expressing a Bodhisattva’s commitment to liberation for all beings and the pursuit of enlightenment.

¹² Also known as Zabōsai (坐忘斎).

ceremonies¹³, *hana-yose* (花寄せ, lit. 'flower gathering'), *shōwa* (唱和, lit. 'chant together'), and *san'yū* (三友, lit. 'three friends'), were performed¹⁴. These ceremonies pay tribute to the legacy of the 14th head of the Urasenke school, who was their creator. It highlights that each memorial ceremony is unique and reflects the legacy of the individual tea master.

As an example of a memorial tea offering in the Omotesenke school, the author describes the annual *Tennen-ki* service, held on September 13 to honor Joshinsai¹⁵, the 7th head of the school and creator of the Seven Rituals complex.

As mentioned above, the central element of memorial ceremonies in tea schools is tea offering to the portrait of the deceased. Since Joshinsai did not allow anyone to depict him¹⁶, the ceremony begins with a tea offering to a wooden staff engraved with his Buddhist name – *Tennen*. After this, *hana-yose* ceremony is performed in the *Zangetsu-tei* tea pavilion (残月亭), and *shaza* ceremony is performed in the *Kujō* tearoom (九畳).

In the *Shinseki* tearoom (新席), the ceremonies alternate: one year features *hana-yose* and *shaza*, while the following year presents *ichi-ni-san* and *kazu-cha* ceremonies.

On the Memorial Day, a white hibiscus, the flower traditionally associated with Joshinsai's legacy¹⁷, is also displayed. In this way, the ceremonies take on a memorial-ritual character and constitute a unique form of honoring the memory of a particular tea master.

The use of tea in Buddhist memorial services carries deep symbolic significance. On the one hand, tea was central to the lives of past tea masters, who devoted themselves to the art of the tea ceremony

¹³ Throughout its history, the complex has experienced significant changes, and currently there are over thirty variations of the seven original ceremonies.

¹⁴ The ceremonies were conducted in the kinin kiyotsugu style (貴人清次, lit. 'serving tea to distinguished guests'), in which a different tea bowl is used for each preparation. The choice of this serving method further underscores respect for the memory of the deceased masters (see: [Sen 1976]).

¹⁵ Although Joshinsai passed away on August 13, his memorial service has been held annually on September 13 since Japan adopted the Gregorian calendar in 1873.

¹⁶ The only exception is believed to be a portrait by Joshinsai's student, Kawakami Fuhaku (川上 不白, 1719–1807) [Зинченко 2024, с. 132]. The current whereabouts of the portrait is unknown; however, the 5th head of the Horinouchi (堀之内) family, Fuzakusai (不識斎, 1780–1854), made a copy of it [Kawakami 1991, p. 136].

¹⁷ Shichi-dai iemoto Joshinsai Tennen So:sa Koji [7代家元如心斎天然宗左居士]. The seventh head of the school Joshinsai Tennen So:sa // Omotesenke school. URL: https://www.omotesenke.jp/chanoyu/7_3_4_ph01.html (Accessed 25 July 2025).

throughout their lifetime. On the other, from the earliest stages of the development of tea culture in Japan, the tea practice was understood as being inseparably linked with Buddhism.

The deep connection between tea and Buddhism in Japan dates to the earliest introduction of tea. However, it was in the Kamakura period (1185–1333) that this connection was first explicitly articulated and justified by Japanese authors. In the Kamakura period, the monk Eisai (榮西, 1141–1215), in his treatise 'Notes on Drinking Tea and Maintaining Health' (喫茶養生記, *Kissa Yōjō-ki*), developed the idea that tea could bring healing, and guide one to salvation in the Last Age of the Dharma era¹⁸.

Eisai emphasized the importance of taste, as it directly influences the functioning of the 'five principal human organs' – the heart, liver, lungs, kidneys, and spleen. Reflecting on the dangers of the Last Age of the Dharma, he noted that the Japanese diet lacked bitterness and regarded tea as the best source of this flavor [Игнатович 1997, с. 28].

During the Kamakura period, key ideological aspects of the tea ceremony also emerged, including the concept of the 'Ten Virtues of Tea' (茶の十徳, *cha no jittoku*). Various tea masters proposed different versions of this list; here, the version presented by the 5th head of the Omotesenke school, Zuiryūsai (随流斎, 1650–1691), is cited¹⁹. The 'Ten Virtues of Tea' demonstrate that tea drinking was not merely a recreational activity but carried deep religious meaning.

During the Edo period, many other concepts, such as the 'Seven Internal and External Deeds,' were also incorporated into the system of the Japanese tea ceremony.

It is believed that the idea of the 'Seven Deeds' was originally presented in the work *The Blue Cliff Record* (碧巖錄, *Bìyán Lù* /

¹⁸ A Buddhist concept of the three stages of the Dharma: the Age of the Right Dharma (正法, *Shōbō*), the Age of the Semblance Dharma (像法, *Zōbō*), and the Last Age of the Dharma (末法, *Mappō*). These stages are understood to represent a gradual degeneration of social order and harmony.

¹⁹ 1. Buddha protects you in all things (諸仏加護, *shobutsu kago*).
 2. Your major organs are in harmony (五臓調和, *gozō chōwa*).
 3. You treat your parents well (孝養父母, *kōyō fubo*).
 4. Your worldly attachments disappear (煩惱自在, *bonnō jizai*).
 5. You are free from sickness and harm, and live a long life (寿命長遠, *jumyō chōen*).
 6. You stay healthy without sleep (睡眠自在, *suimin jizai*).
 7. You live longer (息災延命, *sokusai enmei*).
 8. You are in sync with the will of Heavenly gods (天魔随心, *temma zuishin*).
 9. Heaven protects you in all things (諸天加護, *shoten kago*).
 10. You die in peace (臨終不乱, *rinjū furan*).

Hekiganroku), compiled by the monk Xuedou Chongxian (雪竇重顯, 980–1052) and later transmitted in its modern form by the monk Yuanwu Keqin (圓悟克勤, 1063–1135) at the beginning of the Song dynasty (960–1279). This work is a collection of *kōans* that convey the knowledge and experience of Chinese Chan (Zen) masters.

In *The Blue Cliff Record*, this concept is repeatedly presented in the form of the “Seven Deeds to Carry with You” (七事隨身, *Shichiji Zuishin*), which constitute the seven fundamental qualities of a Chan teacher. However, the text itself does not provide a detailed specification of what exactly these ‘Seven Deeds’ include, which has resulted in various interpretations.

The most widely cited interpretation was first presented in a commentary on ‘The Hastily Compiled Comments on the Blue Cliff Record’ (碧岩錄種電抄, *Hekiganroku Tanedenshō*), written by the monk Daichi Jittō (大智實統, dates unknown) in 1739. In this commentary, the ‘Seven Deeds to Carry with You’ are presented in the form of ‘Seven Internal and External Deeds’.

The commentary on *The Blue Cliff Record* consisted of twelve volumes. According to Sen Sōshitsu, in volume two (article 15) of this commentary, there is a rule stating: “By Having the Seven Deeds with You, One Can Live and Die” (具七事隨身可以同生同死, *Shichiji-wo gusute mi-ni zuete, motte dōshō dō shisubeshi*) [Sen 1977, pp. 10–11]. This rule implies that both in life and in death, one must follow the ‘Seven Deeds’ and keep them within oneself.

Following the concept of Daichi Jittō, Sen Sōshitsu writes that there are two types of these Seven Matters: internal (内ノ七事, *uchi-no Shichiji*)²⁰ and external²¹ deeds (外ノ七事, *soto-no shichiji*) [Sen 1977,

²⁰ 1. Great capacity, great use (大机大用/大機大用, *dàjī dàyòng / daiki daiyū*).

2. Act swiftly at the decisive moment (機弁迅速/机辯迅速, *jībiàn xùnsù / kiben jinsoku*).

3. Words and phrases beyond understanding / special spiritual quality of speech (语句妙灵/語句妙靈, *yǔjù miàolíng / goku myorei*).

4. Apply decisive argument in life and death (语句妙灵/語句妙靈, *shāhuó jīfēng / sakkatsu kihō*).

5. Broad learning / wide perspective (博学广览/博学広覧, *bóxué guǎnlǎn / hakugaku kōran*).

6. Awareness and awakening should not be obscured (鉴觉不昧/鑒覺不昧, *jiànjué bùmèi / kankaku fumai*).

7. Manifestation of hidden and visible freely (显隐自在/隱顯自在, *xiǎnyǐn zìzài / onken jizai*).

²¹ 1. Buddhist walking staff (挂杖, *guàzhàng / shujō*).

2. Animal-hair brush (拂子, *fúzi / hossu*).

3. Zen board (禅板, *chánbǎn / zempan*).

pp. 10–11]. This idea was later incorporated into the ‘Seven Rituals’ tea complex described above.

These lists highlight the sacred significance of tea, as the protection of all Buddhas and the attainment of peace during the ritual symbolize the complete acceptance of one’s life path which is a central principle in Buddhism.

Conclusion

Despite the differences between the tea schools Omotesenke and Urasenke²², the sacred meaning and the general order of Buddhist memorial services remain relatively consistent. Memorial ceremonies demonstrate respect of tea school practitioners for their predecessors, as well as their commitment to preserving the traditions of the art of tea. In this context, the performance of the tea ritual is entirely devoid of entertainment, as the preparation and offering of tea are fully integrated into the structure of the memorial ceremony.

Thus, the tea ceremony within the framework of memorial services acquires a ritual significance, retaining its sacred character and emphasizing its role as a cultural mediator between the past and the present. These ceremonies also illustrate the close connection between tea and Buddhism and underscore the importance of symbolic elements, such as the tea offering and the use of specific flowers, in honoring the memory of individual masters. Moreover, the concept of the ‘Ten Virtues of Tea’, as discussed in this study, further highlights the moral and spiritual dimensions embedded in tea practice, reinforcing the ritual’s role as a medium for reflection and remembrance.

Acknowledgments

This study was conducted as part of the state assignment of the Ministry of Education and Science No. FSUS-2024-0028 ‘Axiological potential of Buddhism in the context of international relations of Russia with the countries of East Asia: history and modernity’.

4. Low table (几案, *jiǎn / kian*).

5. Wish-fulfilling scepter (如意, *rúyì / nyoi*).

6. Bamboo stick (竹篾, *zhúbì / shippē*).

7. Wooden snake (木蛇, *mùshé / mokuda*).

²² E. g. the fact that the Urasenke school is generally more open to experimentation and often develops new variations of existing tea practices

Благодарности

Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки № FSUS-2024-0028 «Аксиологический потенциал буддизма в контексте международных отношений России со сторонами Восточной Азии: история и современность».

References

- Frolova, E.L. (2024), "Posthumous Buddhist Names in Modern Japan, *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, vol. 23, no. 10: Oriental Studies, pp. 94–103, <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2024-23-10-94-103>.
- Horinouchi, S. (1989), *Shichiji-shiki ue* [Seven Rituals. P. 1]. Shufu to seikatsu sha, Tokyo, Japan.
- Ignatovich, A.N. (1997), *Filosofskie, istoricheskie i esteticheskie aspekty sinkretizma: na primere «chainogo deistva»* [Philosophical, Historical, and Aesthetic Aspects of Syncretism: The Case of the Japanese Tea Ceremony], Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo, Moscow, Russia.
- Kawakami, K. (1991), *Kawakami Fuhaku-no cha* [Tea Ceremony of Kawakami Fuhaku], Kodansha, Tokyo, Japan.
- Pickl-Kolaczia, B. (2024), "Domain Shinto in Early Modern Mito: Impacts on Village Populations and Rural Networks, *Japan Review*, vol. 39, pp. 77–98.
- Sen, S. (1976), *Konaraigoto zenden ue* [Complete Guide to Minor Exercises], part 1, Tankōsha, Tokyo, Japan.
- Sen, S. (1977), *Shiji-shiki naka* [Seven Rituals], part 2, Tankōsha, Tokyo, Japan.
- Zinchenko, A.V. (2024), "The formation of the 'Seven Rituals' tea complex and the mentorship system in the Japanese tea school Omotesenke", *Nations and Religions of Eurasia*, vol. 29, no. 4, pp. 125–140, [https://doi.org/10.14258/nreur\(2024\)4-07](https://doi.org/10.14258/nreur(2024)4-07)

Литература

- Зинченко 2024 – Зинченко А.В. Формирование чайного комплекса «Семь ритуалов» и система наставничества в японской чайной школе Омотэ-сэнкэ // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29. № 4. С. 125–140. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2024\)4-07](https://doi.org/10.14258/nreur(2024)4-07).
- Игнатович 1997 – Игнатович А.Н. Философские, исторические и эстетические аспекты синкретизма: на примере «чайного действия». М: Русское феноменологическое общество, 1997. 288 с.
- Фролова 2024 – Фролова Е.Л. Посмертные имена в современной Японии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23. № 10: Востоковедение. С. 94–103.

- Kawakami 1997 – *Каваками Кансэцу*. Каваками Фухаку-но тя [川上 不白の茶]. Чай-ная церемония Каваками Фухаку. Токио: Коданся, 1997. 195 с.
- Pickl-Kolaczia 2024 – *Pickl-Kolaczia B.* “Domain Shinto in Early Modern Mito: Impacts on Village Populations and Rural Networks //Japan Review. 2024. Vol. 39. P. 77–98.
- Sen 1976 – *Сэн Со:сицу*. Конараигото дзэндэн уэ [小習事全伝上]. Полная инструкция к малым упражнениям. Ч. 1. Токио: Танко:ся, 1976. 262 с.
- Sen 1977 – *Сэн Со:сицу*. Ситидзи-сики нака [七事式中]. Семь ритуалов. Ч. 2. Токио: Танко:ся, 1977. 246 с.
- <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2024-23-10-94-103>
- Horinouchi 1989 – *Хориноутти Со:жан*. Ситидзи-сики уэ [七事式上]. Семь ритуалов. Ч. 1. Токио: сёфу-то сэйкацуся, 1989. 215 с.

Information about the authors

Alina V. Zinchenko, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia; bld. 1, Pirogova Street, Novosibirsk, Russia, 630090; University of Tsukuba, Tsukuba, Japan; 1-1-1 Tennodai, Tsukuba, Japan, 305-8577; alinazin1998@gmail.com

Ruslan M. Seitov, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia; bld. 1, Pirogova Street, Novosibirsk, Russia, 630090; seitofuruslan@gmail.com

Информация об авторах

Алина В. Зинченко, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия; 630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1; Университет Цукуба, Цукуба, Япония; 305-8577, Япония, Цукуба, 1-1-1 Тэннодай; alinazin1998@gmail.com

Руслан М. Сеитов, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия; 630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1; seitofuruslan@gmail.com

Исламская Республика Иран в системе международных отношений

УДК 341(262.81)

DOI: 10.28995/2686-7648-2026-2-41-57

Раздел Каспийского моря: позиция Ирана как фактор задержки ратификации Конвенции о правовом статусе Каспия

Ольга В. Алексеева

*Научный проект «Ломоносов»,
Москва, Россия, olgaleks@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируется влияние позиции Ирана на процесс ратификации Конвенции о правовом статусе Каспийского моря 2018 г. и формирование конвенционного режима Каспия. Показано, что сочетание исторических представлений о «совместной собственности», требования минимальной 20-процентной доли и географических особенностей южного участка побережья предопределяет жесткость иранского подхода к делимитации дна и недр. Особое внимание уделено правовому значению исходных линий и их увязке с внутривнутриполитической дискуссией в Иране. Анализируются персоязычные источники, раскрывающие позицию иранских экспертов и медиа. Подчеркивается приоритет для Тегерана военно-политических аспектов безопасности, включая недопущение присутствия НАТО в регионе, над экономическими интересами доступа к углеводородным ресурсам. Делается вывод, что отказ от ратификации со стороны Ирана превратился в ключевой фактор задержки вступления Конвенции в силу и поддерживает фрагментарность правового режима Каспия. Обосновывается необходимость «пакетных» решений, сочетающих юридические и политические элементы, для преодоления нынешнего тупика. Рассматривается возможность изменения иранской позиции при трансформации государственного строя и конфигурации власти в Иране.

Ключевые слова: Каспийское море, международно-правовой статус, Конвенция о правовом статусе Каспийского моря 2018 г., Иран, делимитация дна и недр, исходные линии, суверенитет, региональная безопасность

© Алексеева О.В. 2026

Для цитирования: Алексеева О.В. Раздел Каспийского моря: позиция Ирана как фактор задержки ратификации Конвенции о правовом статусе Каспия // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2026. № 2. С. 41–57. DOI: 10.28995/2686-7648-2026-2-41-57

Division of the Caspian Sea: Iran's position as a factor in delaying ratification of the Convention on the Legal Status of the Caspian Sea

Olga V. Alekseeva

*Lomonosov Research Project,
Moscow, Russia, olgaleks@yandex.ru*

Abstract. The article analyzes the influence of Iran's position on the ratification process of the 2018 Convention on the Legal Status of the Caspian Sea and the formation of the Caspian conventional regime. It is shown that the combination of historical ideas about "joint ownership," the requirement of a minimum 20 percent share, and the geographical features of the southern coastal area predetermine the rigidity of the Iranian approach to the delimitation of the seabed and subsoil. Special attention is paid to the legal significance of baselines and their connection with the domestic political discussion in Iran. Persian-language sources revealing the position of Iranian experts and media are analyzed. The priority for Tehran of military-political security aspects, including preventing NATO presence in the region, over economic interests of access to hydrocarbon resources is emphasized. It is concluded that the refusal to ratify the Convention by Iran is a key factor in delaying its entry into force and maintains the fragmentation of the Caspian legal regime. The necessity of "package" solutions combining legal and political elements to overcome the current impasse is substantiated. The possibility of changing Iran's position with a change of political system is considered.

Keywords: Caspian Sea, international legal status, Convention on the Legal Status of the Caspian Sea 2018, Iran, delimitation of seabed and subsoil, baselines, sovereignty, regional security

For citation: Alekseeva, O.V. (2026), "Division of the Caspian Sea: Iran's position as a factor in delaying ratification of the Convention on the Legal Status of the Caspian sea", *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series*, no. 2, pp. 41–57, DOI: 10.28995/2686-7648-2026-2-41-57

Введение

Проблема международно-правового статуса Каспийского моря на протяжении трех десятилетий остается одной из ключевых для прибрежных государств, затрагивая вопросы суверенитета, доступа к ресурсам и региональной безопасности¹. Подписание в 2018 г. в Актау Конвенции о правовом статусе Каспийского моря стало кульминацией многолетнего переговорного процесса и было воспринято как шаг к комплексному урегулированию накопившихся противоречий. Однако отсутствие ратификации Конвенции Ираном не позволяет ей вступить в силу и поддерживает переходный характер правового режима Каспия².

Настоящее исследование опирается на сформировавшийся корпус работ, посвященных правовому режиму Каспийского моря и месту Ирана в нем. В российской литературе подробно анализируются эволюция договорного оформления статуса Каспия и содержание Конвенции 2018 г., а также политико-правовые аспекты иранской политики в каспийском направлении [Медушевский и др. 2024]. Отдельного внимания заслуживает статья А.С. Кузнецова, опубликованная в «Вестнике РГГУ», где акцент делается на внутривнутриполитических ограничениях ратификации Конвенции в Иране и их увязке с региональной архитектурой безопасности [Кузнецов 2025]. В ряде недавних российских и зарубежных исследований обсуждаются возможные сценарии трансформации правового режима Каспия в условиях затянувшейся ратификации, включая влияние внешнеполитического курса Тегерана и потенциальной смены политического режима на параметры участия Ирана в конвенционном режиме [Вахшитех, Лапенко 2023]. В последних статьях по данной проблематике рассматривается также аспект кибербезопасности на Каспии и возможного принятия нормативных документов в этой области [Говердовская, Старкова 2025]. Настоящая статья развивает эти подходы, фокусируясь на роли иранской позиции как ключевого фактора задержки вступления Конвенции в силу и формирования целостной договорно-правовой системы Каспия.

¹ Конвенция о правовом статусе Каспийского моря от 12 августа 2018 г. // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5328> (дата обращения 20 февраля 2026).

² МИД РФ предложил Ирану решения для ратификации Конвенции о статусе Каспия // Парламентская газета. 2025. 18 февраля. URL: <https://www.pnp.ru/politics/mid-rf-predlozhit-iranu-resheniya-dlya-ratifikacii-konvencii-o-statuse-kaspiya.html> (дата обращения 20 февраля 2026).

Цель статьи – показать, каким образом именно позиция Ирана по разделу Каспия препятствует завершению ратификационного процесса и функционированию конвенционного режима. Задачи исследования включают: краткую реконструкцию эволюции правового статуса Каспия, выявление основных параметров иранских интересов, анализ отношения Ирана к ключевым положениям Конвенции и оценку последствий задержки ее ратификации, а также факторы, на нее влияющие.

Методологически работа опирается на формально-юридический анализ текста Конвенции и прежних договоров о Каспии, сравнительно-правовой подход к двусторонним соглашениям по разграничению дна, а также на анализ дискурса в иранском политико-правовом поле, включая персоязычные источники. В работе использованы как национальные иранские академические и экспертные публикации, так и материалы зарубежных персоязычных медиа (BBC Persian, Deutsche Welle и др.), что позволяет проследить различия между национальным и диаспоральным дискурсом. При анализе учитывались различия между академическими, официальными, экспертными и журналистскими текстами, а также между консервативными и реформаторскими площадками. Для реконструкции иранского дискурса были использованы материалы ведущих академических и экспертных журналов по международной политике и безопасности, а также публикации аналитических центров (IRAS, IPIS, SCFR и др.).

Эволюция правового режима Каспия в контексте интересов Ирана

До распада СССР правовой режим Каспия определялся двусторонними советско-иранскими договорами 1921 и 1940 гг., закреплявшими принцип равноправного пользования Каспийским морем между двумя прибрежными державами и исключавшими участие третьих государств³. Эти договоры не устанавливали делимитацию дна и недр и не решали вопрос о юридической классификации Каспия как моря или озера, но фактически оформляли особый

³ Договор между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Персией от 26 февраля 1921 г. // Документы внешней политики СССР. М.: Госполитиздат, 1958. Т. 3. С. 565–575; Договор между СССР и Ираном о торговле и мореплавании от 25 марта 1940 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М.: Госполитиздат, 1960. Вып. XVIII. С. 95–102.

закрытый режим [Момтаз 1995]. В иранской правовой и политической мысли на этой основе сформировались представления о «совместной собственности» на Каспий между СССР и Ираном, которые позднее были экстраполированы на ситуацию постсоветского периода.

Формирование советско-иранской границы и закрепление специфического режима Каспия рассматривались в классических исследованиях российских исследователей Е.В. Кулагиной и Е.В. Дунаевой [Кулагина, Дунаева 2007], показавших, как договорные практики XIX–XX вв. задали долгосрочный контекст восприятия Каспийского моря в Тегеране. Эти работы позволяют лучше понять устойчивость представлений о «совместной собственности» и чувствительность иранской стороны к вопросам суверенитета и доступа к ресурсам.

После 1991 г. число прибрежных государств увеличилось до пяти, что поставило вопрос о трансформации прежнего двустороннего режима в многосторонний [Janusz-Pawletta 2015]. Россия, Казахстан и Азербайджан в 1990–2000-е гг. заключили ряд двусторонних соглашений о разграничении дна и недр, исходя из модифицированной срединной линии и фактически институционализовав секторальный подход в северной и центральной частях Каспия. Иран последовательно оспаривал легитимность этих практик, апеллируя к советско-иранским договорам и утверждая, что любые соглашения, затрагивающие его возможную долю, не могут считаться окончательными без участия Тегерана [Вахшитех, Лапенко 2023].

В иранском дискурсе параллельно закрепились идея «20-процентной квоты» как минимально приемлемой доли Ирана в условиях пяти прибрежных государств, что значительно превышает результат расчетов по срединной линии. Эта установка, опирающаяся одновременно на историческую аргументацию и политические ожидания, во многом предопределила непримиримость иранской позиции на переговорах по новому договорному режиму [Hosseini 2015]. Важной составляющей иранского дискурса традиционно является геополитический аспект, а именно необходимость создания на Каспии нейтральной зоны, свободной от присутствия военных сил других государств. В этом ключе рассматриваются не только интересы стран, граничащих с Каспием, но и третьих сил, пытающихся нарастить присутствие в регионе. Под таковыми подразумеваются такие страны как США, Турция, Китай, а также транснациональные корпорации, работающие в регионе [Аль-Эслами и др. 2014]. Необходимо отметить, что иранские исследователи отдельно выделяют экологический фактор, а именно обмеление Каспия, в качестве значимого в контексте решения проблемы и совместных действий

приграничных стран вокруг Каспия. Обмеление Каспийского моря происходит с середины 1990-х гг. В 2025 г., по данным Каспийского научно-исследовательского института рыбного хозяйства, уровень воды оказался на минимальной отметке за весь период наблюдений – ниже минус 29 м по балтийской системе высот. Этот фактор может оказывать непосредственное влияние на политические процессы вокруг Каспия [Kalaji 2023]. Иранские эксперты в своих работах указывают на экологические, экономические и геополитические последствия падения уровня Каспия и подчеркивают, что изменение водного баланса может изменить морские границы и вызвать новые споры⁴; ими предлагается комплекс региональных мер по мониторингу климата, управлению водными ресурсами и совместным экологическим программам [Madadi 2024].

Важными смежными аспектами для формирования иранской позиции в контексте раздела Каспия являются транспортный и логистический⁵. В этом ключе иранские исследователи рассматривают новые возможности для иранско-российской морской торговли на Каспии в контексте санкций и перегруженности сухопутных маршрутов; анализируются порты обеих стран, логистические и правовые барьеры и предлагаются шаги по наращиванию роли каспийского участка международного транспортного коридора «Север–Юг»⁶.

Конвенция 2018 г.: основные положения и механизм вступления в силу

Конвенция о правовом статусе Каспийского моря закрепляет уникальный режим Каспия, выводя его из-под прямого действия

⁴ شورای راهبردی روابط استراتژی // یادداشتها در باره کاهش تراز آب و همکاریهای زیست محیطی دریای خزر [Материалы о снижении уровня воды и экологическом сотрудничестве в Каспийском море // SCFR, тематическое досье по тегу «Каспийское море», 2019–2025 гг.]. URL: <https://www.scfr.ir/fa/tag/خزر-دریای> (дата обращения 20 февраля 2026).

⁵ مرکز مطالعات سیاسی و بین المللی // از شبه قاره تا اوراسیا؛ کریدورها، ژئواکونومی، باز کردن قفل ظرفیتها [От Индийского субконтинента до Евразии: коридоры, геоэкономика, раскрытие потенциалов // IPIS: отчет/обзор круглого стола, 2023 г.]. URL: <https://ipis.ir/portal/newsview/767176> (дата обращения 20 февраля 2026).

⁶ توسعه تجارت دریایی بین ایران و روسیه در دریای خزر: ظرفیتها، چالشها و رویکردها [Развитие морской торговли между Ираном и Россией в Каспийском море: потенциал, вызовы и подходы] IRAS. 19.02.2023. URL: <https://www.iras.ir/رویکردها-و-چالشها-ظرفیت-خزر-دریای-در-روسیه-و-ایران-بین-دریایی-تجارت-سابقه-بی-رونق> (дата обращения 20 февраля 2026).

универсальных конвенций по морскому праву⁷. Согласно Конвенции, поверхностная часть моря предназначена для общего пользования прикаспийских государств, тогда как дно и недра подлежат разграничению между сторонами. Конвенция фиксирует общие принципы делимитации, но выносит конкретное проведение линий разграничения дна и недр в сферу будущих двусторонних и многосторонних соглашений [Гулиева 2019].

Особое значение для Ирана имеет закрепление в Конвенции понятий нормальных и прямых исходных линий, от которых зависят ширина прибрежных зон и конфигурация возможных линий разграничения⁸. Учитывая вогнутую форму иранского побережья и близость глубоководной части Каспия, выбор методики установления исходных линий непосредственно влияет на потенциальную долю Ирана в дне и недрах [Кузнецов 2025].

Статья о вступлении Конвенции в силу предусматривает, что она начнет действовать после сдачи на хранение всех пяти ратификационных грамот⁹. На сегодняшний день документ ратифицирован Россией, Казахстаном, Азербайджаном и Туркменистаном; Иран остается единственной страной, не завершившей ратификационные процедуры¹⁰. Таким образом, именно иранская позиция объективно блокирует превращение Конвенции в полноформатный многосторонний договор.

Национальные интересы Ирана и персязычный дискурс о Конвенции

Иранская политика на Каспии обусловлена сочетанием географических, экономических, экологических и символических факторов. Южный участок побережья, принадлежащий Ирану, имеет вогнутую форму и примыкает к наиболее глубоководной и ресурсно перспективной части Каспия, что усиливает для Тегерана значимость условий делимитации дна и недр [Медушевский и др. 2024]. При этом расчеты на основе модифицированной срединной

⁷ Конвенция о правовом статусе Каспийского моря. Ст. 1–4.

⁸ دیپلماسی ایرانی // بیاعتمادی به کنوانسیون رژیم حقوقی خزر از کجا میاید؟ [Откуда берется недоверие к Конвенции о правовом режиме Каспия? Иранская дипломатия]. 11.08.2018. URL: <http://irdiplomacy.ir/fa/news/1978392/> (дата обращения 20 февраля 2026).

⁹ Конвенция о правовом статусе Каспийского моря. Ст. 22.

¹⁰ МИД РФ предложил Ирану решения для ратификации Конвенции о статусе Каспия.

линии дают Ирану порядка 13–14% площади дна, то есть существенно меньше желаемой 20-процентной [Мохаммади Аль-Мути 2006]. Отсюда стремление Ирана либо изменить методику делимитации, либо компенсировать неблагоприятную конфигурацию за счет политических и экономических договоренностей.

Важнейший для ИРИ стратегический геополитический и военный интерес увязывается со спорами о принадлежности нефтегазовых месторождений на Каспии, чьи доказанные запасы нефти составляют 33 млрд баррелей, а газа – 5 трлн кубометров¹¹. Хотя с учетом запасов ресурсов ИРИ в Персидском заливе, этот фактор кажется не столь важным для Ирана, в подходах к разделу Каспия он неизменно играет свою роль. Экономическое измерение каспийской политики Ирана связано прежде всего с доступом к нефтегазовым месторождениям в южной части моря. В отличие от России, Казахстана и Азербайджана, которые уже давно эксплуатируют крупные офшорные месторождения в своих секторах, активно привлекая при этом транснациональные компании, такие как ВР, Иран, с одной стороны, сталкивается с неопределенностью границ юрисдикции и, как следствие, с юридическими и политическими ограничениями для полномасштабной разработки шельфа, а с другой – текущей нерентабельностью разработки своих шельфовых месторождений. Наибольшую напряженность вызывают споры с Азербайджаном и Туркменистаном вокруг расположения и принадлежности ряда структур, традиционно обозначаемых в иранском дискурсе как часть «исторической» доли Ирана¹². В частности, речь идет о нефтегазовом месторождении «Сардар Джангал» (содержит 7% разведанных запасов нефти Ирана). В этой логике требование минимальной 20-процентной доли фактически предполагает перераспределение уже сложившегося секторального деления в пользу Тегерана, то есть «оттягивание» недостающих 6–7% за счет соседей. При этом иранская сторона, как правило, избегает прямого указания, за счет какого именно государства должна быть достигнута компенсация, предпочитая говорить о «пересмотре методики делимитации» и «учете особенностей южной части Каспия». Такая формулировка позволяет сохранять пространство для маневра, но одновременно затрудняет достижение конкретных

¹¹ Винник Е. Сколько нефти и газа в Каспийском море? // Вестник Кавказа. 14.11.2025. URL: <https://vestikavkaza.ru/articles/skolko-nefti-i-gaza-v-kaspijskom-more.html> (дата обращения 20 февраля 2026).

¹² شورای راهبردی روابط خارجی // فعال شدن همکاریهای ایران و جمهوری آذربایجان در دریای خزر [Активизация сотрудничества Ирана и Азербайджана в Каспийском море // SCFR. 23.06.2019]. URL: <https://www.scfr.ir/fa/100/9369/> خزر-دریای-در-آذربایجان - جمهوری-و-ایران-های-همکاری-شدن-فعال (дата обращения 20 февраля 2026).

соглашений и делает экономический компонент еще одним фактором задержки ратификации Конвенции [Abilov, Mahmudlu 2020].

Значимым источником понимания иранской позиции являются персоязычные материалы – как официальные публикации, так и экспертные и медийные комментарии. В иранских академических и экспертных текстах подчеркивается, что закрепление в Конвенции исходных линий и базовых принципов делимитации может ограничить пространство для последующих переговоров, если Иран ратифицирует документ без предварительного урегулирования технических вопросов. Одним из центральных сюжетов становится проблема *خط مبدا*, *khatte mabda* (исходной линии): иранские авторы указывают, что ее выбор при вогнутой конфигурации побережья критичен для объема национальной юрисдикции [Мусави 2009].

Необходимо отметить, что медийные и аналитические материалы, выходящие в персоязычных СМИ, носящих либеральный характер и отчасти ориентированных на иранскую диаспору, фиксируют существенный уровень недовольства и недоверия части иранского общества к Конвенции. BBC Persian и Deutsche Welle на фарси в серии публикаций 2018–2021 гг. подробно освещали критику со стороны парламентариев и экспертов, утверждавших, что в результате многолетних переговоров Иран фактически оказался в положении стороны, вынужденной согласиться с уже сложившимся между другими прикаспийскими государствами распределением дна и недр¹³. Отсюда возникают обвинения в «уступках» и «продаже Каспия», активно тиражируемые оппозиционными и критически настроенными медиаресурсами. Впрочем, стоит увязывать этот политический дискурс с более сложным корпусом внутривнутриполитических процессов и элитных противоречий внутри ИРИ.

Иран и ратификация Конвенции: правовые, внутривнутриполитические и геополитические аргументы

Официально Иран не отвергает Конвенцию и признает необходимость специального правового режима Каспия. В то же время представители иранских органов власти подчеркивают, что вопрос о ратификации не может быть вынесен на голосование в меджлисе до завершения технических переговоров по исходным линиям

¹³ [Иран] بی بی سی فارسی // ایران و کنوانسیون حقوقی دریای خزر: داده و ستانده چیست؟ [Иран и Конвенция о правовом режиме Каспийского моря: издержки и выгоды? // BBC на фарси. 07.10.2018]. URL: <https://www.bbc.com/persian/iran-features-45776734> (дата обращения 20 февраля 2026).

и связанным с ними аспектам делимитации. Такой подход позволяет Тегерану использовать ратификацию как рычаг давления на партнеров и как средство добиваться более выгодных для себя параметров договоренностей [Кузнецов 2025].

Внутриполитический контекст и общая внешнеполитическая обстановка усиливают осторожность иранского руководства. Ужесточение санкционного режима, периодические обострения военного противостояния с США и Израилем, а также повторяющиеся волны протестов делают для элиты крайне чувствительными любые шаги, которые могут интерпретироваться как уступка внешнему давлению [Медушевский и др. 2024]. На этом фоне Каспийское море воспринимается как относительно безопасное северное направление с важным ресурсным и транзитным потенциалом, а формальное согласие на неблагоприятную конфигурацию разграничения дна и недр представляется политически рискованным. В результате нерешенность вопроса о ратификации Конвенции отражает не только правовой спор о статусе Каспия, но и стремление режима сохранить максимум стратегического пространства для маневра в условиях внешнего и внутреннего давления [Гудев 2022].

Существенное значение для Ирана имеет закрепление в Конвенции принципа недопустимости нахождения в Каспийском море вооруженных сил государств, не являющихся прибрежными, и запрета предоставления своей территории для агрессии против других сторон¹⁴. Для Тегерана сохранение Каспия как «закрытого» в военном отношении бассейна снижает риски появления инфраструктуры США и НАТО в непосредственной близости от северных границ Ирана и ограничивает возможности военно-политического давления через азербайджанское и туркменское направления [Kouchaki et al. 2020]. В этом контексте позиция Ирана по Конвенции сочетается с установкой на контроль над военно-политическим режимом Каспия и поддержание формата «прибрежной пятерки» как единственного легитимного инструмента обеспечения безопасности в регионе¹⁵.

Вместе с тем, отметим некоторую противоречивость позиции Ирана в этом отношении. Так, когда на побережье и в акватории Каспийского моря были проведены совместные азербайджано-турецкие учебно-тренировочные занятия групп подводного

¹⁴ Конвенция о правовом статусе Каспийского моря. Ст. 3.

¹⁵ Caspian Convention barred NATO: Rouhani // Tehran Times. 15.08.2018. URL: <https://www.tehrantimes.com/news/426690> (дата обращения 20 февраля 2026); Kuchins A.C., Sanderson T.M., Gordon D. Russia and Iran lock NATO out of the Caspian Sea // The Diplomat. 15.11.2014. URL: <https://thediplomat.com> (дата обращения 20 февраля 2026).

нападения и обороны, в МИД Ирана лишь осторожно отметили, что «проведенные учения противоречат Конвенции о правовом статусе Каспийского моря, где говорится о недопустимости военного присутствия на Каспии любого государства, кроме России, Азербайджана, Казахстана, Ирана и Туркменистана». Таким образом, Иран, не ратифицировав до сих пор Конвенцию, сам попадает в заложники сложившейся ситуации¹⁶. В иранском парламенте и общественном пространстве тема Конвенции стала объектом оживленной дискуссии: критики утверждают, что документ закрепляет неблагоприятный для Ирана статус-кво, тогда как сторонники подчеркивают его значение для предотвращения милитаризации Каспия и укрепления региональной безопасности [Кузнецов 2025]. Для руководства страны ратификация Конвенции несет политические риски, поскольку может быть интерпретирована как окончательное согласие на меньшее, чем 20%, участие в ресурсах Каспия. Это повышает внутреннюю цену любого компромисса и стимулирует стремление увязывать правовые решения с более широкими пакетами политических и экономических договоренностей [Kınık, Erkan 2020].

С юридической точки зрения задержка ратификации означает сохранение фрагментарного режима, при котором двусторонние соглашения между другими прикаспийскими государствами продолжают действовать, а Конвенция остается на уровне подписанного, но не вступившего в силу документа. Такая ситуация де-факто позволяет Ирану сохранять возможность оспаривать сформировавшуюся практику разграничения и добиваться пересмотра отдельных ее элементов [Вахшитех, Лапенко 2023]. Вместе с тем она ограничивает потенциал для реализации крупных многосторонних проектов в южной части Каспия, где правовой режим остается неопределенным.

Иран как камень преткновения конвенционного режима Каспия

Позиция Ирана превращается в центральный «узел» проблемы по нескольким причинам. Во-первых, именно от решения вопроса о ратификации Конвенции в Тегеране зависит ее формальное вступление в силу и трансформация всего массива договоренностей

¹⁶ Официальная реакция России и Ирана на азербайджано-турецкие учения на Каспии // Каспийский вестник. 27.09.2021. URL: <https://casp-geo.ru/ofitsialnaya-reaktsiya-rossii-i-irana-na-azerbajdzhan-oturetskie-ucheniya-na-kaspii/> (дата обращения 20 февраля 2026).

о Каспии в стройную конвенционную систему [Гулиева 2019]. Пока этого не произошло, многие положения Конвенции сохраняют преимущественно политико-декларативный характер. Во-вторых, Иран активно сопротивляется легитимации де-факто сложившегося секторального режима, сформированного на основе двусторонних соглашений между другими прибрежными государствами [Вахшитех, Лапенко 2023]. С точки зрения Тегерана, эти соглашения закрепили распределение значительной части ресурсной базы без учета его интересов и без соответствующей компенсации. Отсутствие ратификации Конвенции позволяет Ирану сохранять аргумент о незавершенности правового оформления и о необходимости нового «справедливого» перераспределения. В-третьих, отказ от ратификации делает Иран необходимым участником любых сценариев дальнейшего урегулирования: ни один вариант окончательной делимитации дна и недр, ни одна модель региональной энергетической и транспортной инфраструктуры не могут игнорировать иранскую позицию. Тем самым Тегеран превращает юридический вопрос о статусе Каспия в элемент широкой политической повестки, включая вопросы санкций, транзита и сотрудничества в сфере безопасности [Pietkiewicz 2021].

Заключение

Позиция Ирана по разделу Каспийского моря и ратификации Конвенции 2018 г. определяет судьбу всего конвенционного режима Каспия. Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, иранский подход к правовому статусу Каспия формируется под воздействием как минимум шести взаимосвязанных факторов. Первым фактором можно назвать исторические представления о «совместной собственности», унаследованные от советско-иранских договоров 1921 и 1940 гг. и требования минимальной 20-процентной (а иногда – и 50-процентной) доли в ресурсах Каспия, закрепившегося в политическом дискурсе; вторым – географические особенности южного участка побережья с его вогнутой конфигурацией и близостью к глубоководной зоне. Третий фактор – геополитический, а именно – необходимость обеспечить безопасность и свободу от присутствия «третьих сил» в регионе, четвертый – экономический (спору за природные ресурсы Каспийского моря). В качестве пятого значимого фактора можно назвать экологический, который включает в себя вопросы взаимодействия по проблемам обмеления Каспия и сложностей с биологическими

ресурсами моря. Последний важный аспект – проблемы транспортно-логистического характера во взаимодействии с соседями, в частности, вопрос транспортного коридора «Север-Юг». Эти факторы в совокупности предопределяют жесткость иранской позиции и нежелание ратифицировать Конвенцию без предварительного урегулирования технических вопросов делимитации.

Во-вторых, необходимо отметить, что для Тегерана военно-политические аспекты безопасности имеют приоритет над экономическими интересами доступа к углеводородным ресурсам. Закрепление в Конвенции принципа недопустимости присутствия вооруженных сил некаспийских государств и сохранение формата «прибрежной пятерки» как единственного легитимного механизма обеспечения региональной безопасности рассматриваются Ираном как ключевые достижения документа. Доступ к дополнительным энергетическим ресурсам южной части Каспия, хотя и остается значимым мотивом, играет вторичную роль по отношению к задачам обеспечения национальной безопасности и стратегического сдерживания.

В-третьих, внутривнутриполитический контекст Ирана – санкционное давление, социальные протесты и чувствительность элит к обвинениям в уступках – превращает вопрос о ратификации Конвенции из юридического в политический. Любой шаг, который может быть интерпретирован как согласие на неблагоприятную конфигурацию разграничения дна и недр, несет для иранского руководства высокие внутривнутриполитические риски. В результате, отсутствие ратификации становится средством сохранения пространства для маневра и инструментом давления на партнеров. Особую значимость этот вывод приобретает в контексте текущего политического и военного конфликта в регионе.

В-четвертых, отказ Ирана от ратификации объективно блокирует вступление Конвенции в силу и поддерживает фрагментарность правового режима Каспия. Это делает Иран не просто одной из прибрежных сторон, но центральным «узлом» проблемы: ни один сценарий окончательного правового урегулирования, ни одна модель региональной энергетической и транспортной инфраструктуры не могут игнорировать иранскую позицию. Тегеран превращает юридический вопрос о статусе Каспия в элемент широкой политической повестки, увязывая его с вопросами санкций, транзита и сотрудничества в сфере безопасности.

Перспективы выхода из нынешнего тупика связаны с «пакетными» решениями, которые сочетали бы юридические договоренности по делимитации с политическими и экономическими уступками, учитывающими комплексные интересы Ирана. Без такого

комплексного подхода и без вовлечения Тегерана в качестве полноправного участника устойчивый правовой режим Каспийского моря сформирован быть не может. Вместе с тем нельзя исключать, что возможная смена политического режима в Иране в долгосрочной перспективе способна кардинальным образом изменить его позицию по вопросу Каспия и параметрам участия в конвенционном режиме.

Литература

- Аль-Эслами и др. 2014 – شیخ الاسلامی، محمدحسین، سیدمحمد حسین حسینی، صارم شیراوند. [Аль-Эслами Ш., Хоссейн М., Хоссейни С.М.Х., Шираванд С.] بر امنیت ملی جمهوری اسلامی ایران تأثیر نظامی کردن حوزه دریای خزر [Влияние военной деятельности внерегиональных элементов Каспийского моря на национальную безопасность Исламской Республики Иран] // فصلنامه آسیای مرکزی و قفقاز [Ежеквартальный журнал исследований Центральной Азии и Кавказа]. 2014. № 89. С. 124–150.
- Вахшитех, Лапенко 2023 – *Вахшитех А.А., Лапенко М.В.* Пятилетие Конвенции о правовом статусе Каспийского моря и позиция Исламской Республики Иран // Постсоветские исследования. 2023. Т. 6. № 4. С. 25–42.
- Говердовская, Старкова 2025 – *Говердовская Т.В., Старкова Л.М.* Правовое регулирование противодействия киберрискам в морском пространстве Каспийского региона в рамках обеспечения региональной безопасности // Московский журнал международного права. 2025. № 2. С. 86–98. DOI: 10.24833/0869-0049-2025-2-86-98
- Гудев 2022 – *Гудев П.А.* Правовой статус Каспийского моря: пробелы конвенционного режима. Проблемы постсоветского пространства. 2022. № 9 (2). С. 168–182.
- Гулиева 2019 – *Гулиева М.Э.* Долгожданная Конвенция о правовом статусе Каспийского моря: правовой анализ содержания // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 134–148.
- Кузнецов 2025 – *Кузнецов А.С.* О российско-иранском взаимодействии в рамках формирования парламентского измерения сотрудничества стран «каспийской пятерки» // Вестник РГГУ. Серия: Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения. 2025. № 3. С. 150–170.
- Кулагина, Дунаева 2025 – *Кулагина Л.М., Дунаева Е.В.* Россия и Иран: исторические судьбы (к 500-летию дипломатических отношений России и Ирана). М.: Институт востоковедения РАН, 2007. 400 с. URL: <https://book.ivran.ru/f/kulagina-dunayeva---russia-and-iran-m-2007.pdf> (дата обращения 28 февраля 2026).
- Медушевский и др. 2024 – *Медушевский Н.А., Филин Н.А., Кокликов В.О., Самойлова Е.Е.* Политика Ирана в области безопасности в Каспийском регионе //

- Вестник РУДН. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 4. С. 502–519. URL: <https://journals.rudn.ru/political-science/article/view/41734> (дата обращения 6 марта 2026).
- Момтаз 1995 – ممتاز جمشید [Момтаз Д.] وضعیت حقوقی دریای خزر [Правовой статус каспийского моря] // فصلنامه آسیای میانه و قفقاز [Ежеквартальный журнал исследований Центральной Азии и Кавказа]. 1995. № 10. С. 123–130.
- Мохаммади Аль-Мути 2006 – محمدی الموتی محسن [Мохаммади Аль-Мути М.] عوامل تأثیرگذار بر سیاست خارجی جمهوری اسلامی در تعیین رژیم حقوقی دریای خزر [Факторы, влияющие на внешнюю политику Исламской Республики при определении правового статуса Каспийского моря] // فصلنامه دین و سیاست [Ежеквартальный журнал «Религия и политика»]. 2006. № 10. С. 81–109.
- Мусави 2009 – موسوی رسول [Мусави Р.] آینده دریای خزر [Будущее Каспийского моря] // فصلنامه آسیای مرکزی و قفقاز [Ежеквартальный журнал исследований Центральной Азии и Кавказа]. 2009. № 65. С. 10–12.
- Abilov, Mahmudlu 2020 – *Abilov S., Mahmudlu C.* Contested Waters: Implications of the 2018 Convention on the Legal Status of the Caspian Sea and the Future of the Trans-Caspian Pipeline // *Insight Turkey*. 2020. Vol. 22. № 4. P. 229–250.
- Hosseini 2015 – *Hosseini A.* ابعاد نظامی سازی دریای خزر و تأثیر آن بر امنیت ملی جمهوری اسلامی ایران [Aspects of the Militarization of the Caspian Sea and its Impact on the National Security of the Islamic Republic of Iran] // فصلنامه مطالعات راهبردی دفاعی [Quarterly Journal of Strategic Defense Studies]. 2015. Vol. 15. № 57. P. 7–34.
- Janusz-Pawletta 2015 – *Janusz-Pawletta B.* Current Challenges and Prospects for the Legal Status of the Caspian Sea // Janusz-Pawletta B. (ed.). *The Legal Status of the Caspian Sea*. Berlin; Heidelberg: Springer, 2015. P. 1–22.
- Kalaji 2023 – *Kalaji V.* دریای خزر به نقطه کم عمق بحرانی رسیده است [The Caspian Sea Has Reached a Critical Shallow Point] // IRAS [Iranian Regional Affairs Studies]. URL: <https://www.iras.ir/دریای-خزر-به-نقطه-کم-عمق-بحرانی-رسیده-است> (дата обращения 11 марта 2026).
- Kınık, Erkan 2020 – *Kınık H., Erkan S.* The legal status of the Caspian Sea: an Iranian perspective // *Ekonomik ve Sosyal Araştırmalar Dergisi (Journal of Economic and Social Research)*. 2020. Vol. 16. № 2. P. 443–459.
- Kouchaki et al. 2020 – *Kouchaki H., Kareemi H., Moradian M., Roumina E., Mohseni R.* The Consequences of the Militarization of the Caspian Sea on Iran's Security // *Defensive Strategic Studies (DFSR)*. 2020. Vol. 20. № 77. P. 93–118. URL: https://www.dfsr.ir/article_725260_en.html (дата обращения 11 марта 2026).
- Madadi 2024 – *Madadi J.* پیامدها و راهکارهای جلوگیری از کاهش سطح آب دریای خزر [Consequences and Ways to Prevent the Decline of the Caspian Sea Water Level] // Strategic Council on Foreign Relations (SCFR). 5 January 2024. URL: <https://www.scfr.ir/fa/300/30101/251672/پیامدها-و-راهکارهای-جلوگیری-از-کاهش-سطح-آب-دریای-خزر> (дата обращения 11 марта 2026).
- Pietkiewicz 2021 – *Pietkiewicz M.* Legal status of Caspian Sea – problem solved? // *Marine Policy*. 2021. Vol. 123. Article 104321.

References

- Abilov S., Mahmudlu C. (2020), "Contested Waters: Implications of the 2018 Convention on the Legal Status of the Caspian Sea and the Future of the Trans-Caspian Pipeline", *Insight Turkey*, vol. 22, no 4, pp. 229–250.
- Al-Eslami, S., Hossein, M., Hosseini, S.M.H. and Shiravand, S. (2014), "تأثیر نظامی کردن حوزه دریای خزر بر امنیت ملی جمهوری اسلامی ایران [The impact of the military activities of extra-regional actors in the Caspian Sea on the national security of the Islamic Republic of Iran]", *فصلنامه آسیای مرکزی و قفقاز [Central Asia and the Caucasus]*, no. 89, pp. 124–150.
- Goverdovskaya, T.V. and Starkova, L.M. (2025), "Legal Regulation of Countering Cyber Risks in the Maritime Space of the Caspian Region within the Framework of Ensuring Regional Security", *Moscow Journal of International Law*, no. 2, pp. 86–98.
- Gudev, P.A. (2022), "Legal status of the Caspian Sea: gaps in the convention regime", *Post-Soviet Issues*, no. 9 (2), pp. 168–182.
- Gulieva, M.E. (2019), "The long-awaited Convention on the legal status of the Caspian Sea: legal analysis of the content", *Journal of Russian Law*, no. 9, pp. 134–148.
- Hosseini, A. (2015), "ابعاد نظام‌سازی دریای خزر و تأثیر آن بر امنیت ملی جمهوری اسلامی ایران [Aspects of the militarization of the Caspian Sea and its impact on the national security of the Islamic Republic of Iran]", *فصلنامه مطالعات راهبردی دفاعی [Quarterly Journal of Strategic Defense Studies]*, no. 15 (57), pp. 7–34.
- Janusz-Pawletta, B. (2015), "Current challenges and prospects for the legal status of the Caspian Sea", Janusz-Pawletta, B. (ed.), *The Legal Status of the Caspian Sea*, Springer, Berlin, Heidelberg, pp. 1–22.
- Kalaji, V. (2023), "دریای خزر به نقطه کم عمق بحرانی رسیده است" [The Caspian Sea has reached a critical shallow point], *Iranian Regional Affairs Studies (IRAS)*, available at: <https://www.iras.ir/است-رسیده-بحرانی-عمق-کم-نقطه-به-خزر-دریای> (Accessed 11 March 2026).
- Kınık, H. and Erkan, S. (2020), "The legal status of the Caspian Sea: an Iranian perspective", *Journal of Economic and Social Research*, no. 16 (2), pp. 443–459.
- Kouchaki, H., Kareemi, H., Moradian, M., Roumina, E. and Mohseni, R. (2020), "The consequences of the militarization of the Caspian Sea on Iran's security", *Defensive Strategic Studies (DFSR)*, no. 20 (77), pp. 93–118, available at: https://www.dfsr.ir/article_725260_en.html (Accessed 11 March 2026).
- Kulagina, L.M. and Dunaeva, E.V. (2007), *Rossiia i Iran: istoricheskie sud'by (k 500-letiyu diplomaticheskikh otnoshenii Rossii i Irana)* [Russia and Iran: historical destinies (on the 500th anniversary of diplomatic relations between Russia and Iran)], Institut vostokovedeniya RAN, Moscow, Russia.
- Kuznetsov, A.S. (2025), "On Russian–Iranian interaction within the framework of forming the parliamentary dimension of cooperation the countries of the "Caspian Five", *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series*, no. 3, pp. 150–170.
- Madadi, J. (2024), "پیامدها و راهکارهای جلوگیری از کاهش سطح آب دریای خزر" [Consequences and ways to prevent the decline of the Caspian Sea water level], *Strategic Council*

- on *Foreign Relations (SCFR)*, 5 January, available at: <https://www.scfr.ir/fa/300/30101/251672/سفر-خزر-دریای-اب-سطح-کاهش-از-جلوگیری-راهنمای-و-پیامدها> (Accessed 11 March 2026).
- Medushevskii, N.A., Filin, N.A., Koklikov, V.O. and Samoilova, E.E. (2024), "Iran's security policy in the Caspian region," *RUDN Journal of Political Science*, no. 26 (4), pp. 502–519, available at: <https://journals.rudn.ru/political-science/article/view/41734> (Accessed 6 March 2026).
- Mohammadi Al-Muti, M. (2006), "عوامل تأثیرگذار بر سیاست خارجی جمهوری اسلامی در تعیین [Factors influencing the foreign policy of the Islamic Republic in determining the legal status of the Caspian Sea]", *خزر [Religion and Politics]*, no. 10, pp. 81–109.
- Momtaz, J. (1995), "فصلنامه دین و سیاست [The legal status of the Caspian Sea]", *فصلنامه آسیای میانه و قفقاز [Central Asia and the Caucasus]*, no. 10, pp. 123–130.
- Mousavi, R. (2009), "آینده دریای خزر [The future of the Caspian Sea]", *فصلنامه آسیای مرکزی [Central Asia and the Caucasus]*, no. 65, pp. 10–12.
- Pietkiewicz, M. (2021), "Legal status of Caspian Sea – problem solved?", *Marine Policy*, vol. 123, article 104321.
- Vakhshitekh, A.A. and Lapenko, M.V. (2023), "Fifth anniversary of the Convention on the Legal Status of the Caspian Sea and the position of the Islamic Republic of Iran", *Post-Soviet Studies*, no. 6 (4), pp. 25–42.

Информация об авторе

Ольга В. Алексеева, Научный проект «Ломоносов», Москва, Россия; 109443, Россия, Москва, ул. Юных Ленинцев, д. 65/47, стр. 1, помещение 014П; olgaleks@yandex.ru

Information about the author

Olga V. Alekseeva, Lomonosov Scientific Project, Moscow, Russia; room 014P, bldg. 1, bld. 65/47, Yunikh Lenintsev Street, Moscow, Russia, 109443; olgaleks@yandex.ru

Развитие и взаимодействие общества, политики, истории и религии в Китайской Народной Республике

УДК 908(510)

DOI: 10.28995/2686-7648-2026-2-58-74

Целуя цепи: драма «спора о китайских ритуалах» в «Джорнале» Маттео Рипы

Мария С. Круглова

*Государственный академический университет гуманитарных наук
Москва, Россия, mashakruglova999@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена анализу фрагмента мемуарно-дневникового сочинения «Giornale» («Джорнале») итальянского миссионера Маттео Рипы (1682–1746) как исторического источника по одному из ключевых этапов «спора о ритуалах» при дворе императора Канси. Автор рассматривает уникальность документа, созданного представителем Конгрегации пропаганды веры – структуры, оппозиционной иезуитам. В центре исследования – записи, охватывающие ноябрь–декабрь 1716 г., когда после прибытия апостольской конституции *Ex illa die* («С того дня») в Пекине разворачивается драматический кризис: арест папского делегата Карло Касторано, суд и придворные интриги. В статье выявляется жанровая специфика «Giornale» (хроника, исповедь, апология), анализируется образ императора Канси как верховного арбитра и знатока традиции, а также роль миссионеров (Теодорико Педрины, иезуитов) в конфликте. Делается вывод, что субъективное свидетельство Рипы, несмотря на его полемическую заостренность, позволяет реконструировать механизмы принятия решений при дворе, атмосферу страха и доносительства, а также увидеть «спор о ритуалах» не только как богословскую дискуссию, но и как столкновение политических амбиций, зафиксированное «глазами очевидца».

Ключевые слова: Маттео Рипа, «Джорнале», «спор о китайских ритуалах», император Канси, Конгрегация пропаганды веры, миссия иезуитов в Китае, источниковедение

Для цитирования: Круглова М.С. Целуя цепи: драма «спора о китайских ритуалах» в «Джорнале» Маттео Рипы // Вестник РГГУ. Серия

© Круглова М.С. 2026

«Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2026. № 2. С. 58–74. DOI: 10.28995/2686-7648-2026-2-58-74

Kissing the fetters: The drama of the Chinese rites controversy in Matteo Ripa's «Giornale»

Mariya S. Kruglova

*State Academic University for the Humanities
Moscow, Russia, mashakruglova999@gmail.com*

Abstract. This article analyzes a fragment of the memoir-diary work “Giornale” by the Italian missionary Matteo Ripa (1682–1746) as a historical source pertaining to a pivotal phase of the Chinese Rites Controversy at the court of the Kangxi Emperor. The author examines the document’s unique nature, originating from a representative of the Congregation for the Evangelization of Peoples – an institution whose stance was oppositional to that of the Jesuits. The study focuses on the entries covering November–December 1716. During this period, following the arrival in Beijing of the papal constitution *Ex illa die*, a dramatic crisis unfolded, marked by the arrest of the papal legate Carlo Castorano, subsequent legal proceedings, and intricate court intrigues. The article delineates the generic specificity of the “Giornale” (functioning as a chronicle, confession, and apology), analyzes the portrayal of the Kangxi Emperor as the supreme arbiter and connoisseur of tradition, and scrutinizes the roles of various missionaries (Teodorico Pedrini, the Jesuits) within the conflict. The author concludes that despite its polemical bias, Ripa’s subjective testimony enables a reconstruction of the mechanisms of decision-making at the imperial court and the prevailing atmosphere of fear and denunciation. Furthermore, it allows for an interpretation of the Rites Controversy not merely as a theological disputation, but also as a clash of political ambitions, documented “through the eyes of a contemporary witness”.

Keywords: Matteo Ripa, «Giornale», Chinese Rites Controversy, Kangxi Emperor, Congregation for the Propaganda of Faith (Propaganda Fide), Jesuit mission in China, source study (historical source criticism)

For citation: Kruglova, M.S. (2026), “Kissing the fetters: The drama of the Chinese rites controversy in Matteo Ripa’s ‘Giornale’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series*, no. 2, pp. 58–74, DOI: 10.28995/2686-7648-2026-2-58-74

*Введение.**Личность автора и контекст создания источника*

Маттео Рипа (Matteo Ripa, 1682–1746) занимает особое место в истории католической миссии в Китае и в истории европейского востоковедения. Родившийся 29 марта 1682 г. в Эболи, в дворянской семье, он после обучения в Неаполе под руководством отца Антонио Торреса из Конгрегации Благочестивых Работников (Pii Operaî) был в 1705 г. рукоположен в священники. В 1707 г. он получил поручение от Конгрегации пропаганды веры (Propaganda Fide): доставить кардинальскую шапку папскому легату Шарль Тома Майард де Турнону (Charles Thomas Maillard de Tournon), который находился в Китае в разгар острого конфликта, известного как «спор о ритуалах».

«Спор о китайских ритуалах» (XVII–XVIII вв.) был затяжным богословским и политическим конфликтом внутри Католической церкви по вопросу о допустимости адаптации китайских традиционных обрядов (почитания Конфуция и предков) христианскими миссионерами и их новообращенными китайцами. Суть проблемы заключалась в следующем: основная масса миссионеров-иезуитов (Маттео Риччи и его последователи) рассматривали эти обряды как гражданские, светские церемонии, выражающие уважение к культуре и традициям и потому совместимые с христианством. Доминиканцы, францисканцы и миссионеры Конгрегации пропаганды веры (включая Парижское общество иностранных миссий) видели в этих обрядах элементы суеверия, идолопоклонства и языческой религии, несовместимые с чистотой христианской веры. Конфликт имел ряд этапов: запрет обрядов папой Климентом XI (декрет 1704 г., конституция *Ex illa die* 1715 г.¹), неудачная миссия папского легата де Турнона (1705–1710), осужденного императором Канси и умершего в португальском заключении, и, наконец, окончательный запрет ритуалов папой Бенедиктом XIV (булла *Ex quo singulari*, 1742), что привело к гонениям на христианство в Китае.

Маттео Рипа оказался вовлечен в эту борьбу практически сразу после прибытия в Китай. Прибыв в Макао в 1710 г., Рипа, однако, уже не застал легата в живых. Вместе с двумя другими миссионерами,

¹ С того дня (лат.). Название апостольской конституции папы Климента XI, изданной в 1715 г. Этот документ официально запретил католическим миссионерам, новообращенным китайским христианам в Китае участвовать в традиционных китайских обрядах, связанных с почитанием предков и Конфуция, что стало ключевым моментом в затяжном «споре о китайских обрядах» и серьезно повлияло на деятельность иезуитов в регионе.

не принадлежавшими к Обществу Иисуса – Теодорико Педрини (Teodorico Pedrini) и Гульельмо Фабром-Бонжуром (Guglielmo Fabre-Bonjour), – он был вызван ко двору императора Канси (康熙, Kangxi). С февраля 1711 г. и вплоть до своего отъезда в 1723 г. Рипа, получивший китайское имя Ма Госянь (Ma Guoxian, 馬國賢), служил художником при императорском дворе в том числе работал гравером по меди. Именно он впервые познакомил Китай с технической европейской глубокой печати, создав, в частности, знаменитые гравюры с видами императорского летнего дворца в Жэхэ (Jehol). Однако его миссия не ограничивалась этим. Будучи представителем Конгрегации пропаганды веры, Рипа оказался в эпицентре жесточайшего конфликта, разгоревшегося между сторонниками и противниками адаптации китайских обрядов, и достигшего своего апогея к 1710-м гг.

Находясь при дворе императора Канси (с 1711 г.), Рипа стал свидетелем и участником событий, последовавших за тем, как в 1716 г. в Пекин был привезен экземпляр апостольской конституции *Ex illa die*. Вместе с другим представителем Конгрегации пропаганды веры – Теодорико Педрини – он оказался в оппозиции к пекинским иезуитам, которые, формально приняв документ, фактически саботировали его исполнение и использовали свое влияние при дворе, чтобы представить действия Рипы и Педрини как подрывные. Рипа стал одним из главных свидетелей и хронистов этого конфликта. Его «*Giornale*» фиксирует не только официальные события (арест Касторано, суд императора), но и подковерную борьбу, интриги и доноительство, жертвой которых стал он сам и его ближайшие соратники. Он выступает здесь не как богослов-полюс, а как непосредственный участник событий, пытающийся в своих записях восстановить справедливость и защитить собственную позицию перед лицом будущих обвинений.

Главным трудом его жизни, помимо основания в Неаполе в 1732 г. «Китайского колледжа» (Collegio dei Cinesi) – первого в Европе учебного заведения для подготовки восточных миссионеров и прародителя будущего Восточного университета, – стали его обширные мемуары-дневник «*Giornale*» (1705–1724). Этот документ уникален. Как мы писали ранее [Круглова 2023], судьба текста Рипы сложна: изданный через столетие после смерти автора иезуитами, он подвергся серьезной правке, что привело к искажению исходных смыслов, и лишь современные издания позволяют восстановить подлинный замысел автора.

Несмотря на то, что фигура Маттео Рипы и его «*Giornale*» представляют собой исключительный источник по истории международных отношений, католической миссии и культурного

взаимодействия между Европой и Китаем в XVIII в., в российской историографии эта тема остается неразработанной. Несмотря на то, что в общем тема христианских миссий в Китае в мировой и отечественной науке изучена более подробно [Дубровская 2020; Cohen 2013; Cousins, Jacques 2022; Latourette 1929; Mungello 2009; Fatica 2012], на протяжении длительного времени исследователи обращались лишь к деятельности иезуитов в Китае [Дубровская 2000; 2018; Dunne 1962; Menegon 2008; Rule 1986] и давали общее описание «спора о ритуалах» [Criveller 2012; Cummins 1993; Minamiki 1985; Mungello 1994; Rule 2009; Standaert 2018], тогда как роль миссионеров, представлявших Конгрегацию пропаганды веры и находившихся в оппозиции к ордену иезуитов, оставалась на периферии научного интереса. Ранее мы [Круглова 2017a; 2017b; 2017c; 2018; 2019a; 2019b; 2021; 2023], как и некоторые итальянские и китайские исследователи [Cirillo 2010; Di Fiore 1985; Fatica, Carpentiero 1989; Fatica 2006; Liu 2008] уже затрагивали некоторые аспекты деятельности Маттео Рипы, тем не менее тема все еще не исчерпана.

Настоящая статья представляет собой попытку рассмотреть конкретный фрагмент «*Giornale*», связанный с кризисными событиями ноября-декабря 1716 г., с точки зрения его источниковедческого потенциала для реконструкции придворных интриг и механизмов принятия решений в императорском окружении. Предоставленный для анализа фрагмент охватывает переломный момент – ноябрь-декабрь 1716 г. Это не просто сухой отчет, а живое, эмоциональное, подчас страстное свидетельство очевидца и непосредственного участника событий, развернувшихся после прибытия в Китай папской конституции *Ex illa die*. Ценность «*Giornale*» – в его «взгляде изнутри»: он фиксирует не только последовательность событий (прибытие делегата, арест, допросы, императорский суд), но и ту атмосферу страха, интриг, доносительства и невероятного давления, в которой находились европейские миссионеры при императорском дворе. Цель данной статьи – проанализировать этот фрагмент как исторический источник, выявить его структуру, основные темы, информационный потенциал, а также субъективные особенности авторского взгляда, который сам по себе является важным фактом истории.

«Giornale» ноября-декабря 1716 г. – хроника и исповедь

Анализируемый текст представляет собой классический образец мемуарно-дневникового жанра (*giornale* – ит. дневник, журнал). Строгая хронологическая сетка (погодные записи: «Alli 3», «Alli 5»,

«Alli 7» и т. д.) является его композиционным стержнем. Эта форма создает эффект документальности и сиюминутности записей, хотя очевидно, что перед нами – более поздняя обработка черновых заметок, включающая не только описание событий, но и пространственные комментарии, сделанные автором *post factum* (например, указание на то, что некий миссионер, о котором идет речь в записи 1716 г., к моменту написания этих строк, «в 1744 г., еще жив» («*correndo l'anno 1744, ancor vive*»)² (р. 36]). Это указывает на то, что Рипа работал над своим текстом на протяжении многих лет, осмысливая пережитое и встраивая его в более широкий контекст.

«Giornale» полифункционален. Это и личный дневник, фиксирующий переживания автора («*я чувствовал себя совершенно измученным и разбитым*» («*mi sentii io colla vita tutta addolorata e lassa*»)) (р. 15)), и историческая хроника, подробно описывающая события «спора о ритуалах». Но, что особенно важно, это еще и апология – документ, призванный оправдать позицию самого Рипы и его соратников (прежде всего, Педрины) перед лицом обвинений, которые выдвигали против них иезуиты. Рипа постоянно ссылается на другие документы, включая выдержки или целые фрагменты из них в свой текст: письма (например, письмо аббата Фаттинелли (р. 19, 20, 26)), официальные императорские эдикты, протоколы допросов и, что крайне важно, на печатный памфлет иезуитов «*Informatio pro veritate*»³, который он называет не иначе как «пресловутая бесчестная книжонка» («*infame libello*») (р. 4). Таким образом, «Giornale» становится не просто повествованием, а ареной полемики, где Рипа шаг за шагом опровергает аргументацию своих оппонентов.

Центральное событие: миссия Касторано и кризис ноября 1716 г.

Стержнем повествования в данном фрагменте является прибытие в Пекин отца Карло Орацио Касторано (Carlo Orazio Castorano), викария епископа Бернардино делла Кьеза (Bernardino Della Chiesa). Цель его визита – публикация папской конституции *Ex illa die*, осудившей китайские обряды. Рипа с драматической напряженностью описывает цепь событий, которая ведет к аресту Касторано и едва не приводит к полному разгрому миссии.

² Ripa M. *Giornale / Introduzione, testo critico e appendice documentaria di M. Fatica*. Napoli: UniorPress, 2021. (Collana Matteo Ripa, XXII). Далее отсылки на страницы этого издания даны в тексте в круглых скобках.

³ Сведения в защиту истины (лат.).

Прибыв в Пекин 5 ноября, Касторано первым делом отправляется в Португальский иезуитский колледж. Рипа фиксирует знаменательную деталь: иезуиты (Суареш, Гозани, Магальяйнш) отказываются принять его, предлагая поселиться в другом доме. Когда Касторано начинает зачитывать им текст папского документа, Гозани и Магальяйнш демонстративно покидают помещение (р. 2). Лишь иезуит Суареш выслушивает текст до конца, заявляя о почтении к Папе, но объявляя себя «отстраненным от апостольского служения» (*«sospeso dall'apostolico ministero»*) (р. 3). Эти детали – ключ к пониманию стратегии иезуитов: формально не отвергая папский документ, они отказываются от его исполнения.

Далее действие перемещается в резиденцию французских иезуитов. Здесь Рипа становится свидетелем и участником событий, которые он подробно анализирует, пытаясь установить, кто же донес на Касторано мандарину Чжао Чану (Ciao Ciang, Zhao Chang 趙昌). Иезуиты в своем памфлете утверждали, что Касторано был случайно замечен мандарином, когда проходил мимо комнаты отца Паррена. Рипа с негодованием отвергает эту версию. Он приводит логический аргумент: мандарин не мог знать цели визита Касторано, если ему кто-то не сообщил. Используя метод исключения (*«ex enumeratione partium»*), Рипа доказывает, что это не мог быть ни он сам, ни Педрини, ни слуги Касторано, не знавшие цели его приезда. Следовательно, вывод один – донесли иезуиты (р. 5). Он подкрепляет это свидетельствами брата Броккара (Broccard), иезуита, симпатизировавшего Рипе. В описании Рипы этот эпизод звучит особенно пронзительно:

...этот добрый брат, в то время как сообщал мне известия, чтобы я от его имени передал их папе, как я уже сказал, что сделал это с клятвенным заверением, плача, говорил и повторял многократно, с величайшей своей скорбью, что эти его отцы-иезуиты – словно столько же Иуд, потому что предали нашего начальника, отца-викария Касторано: они были словно столько же иудейских первосвященников, которые тайно обвинили его (р. 11).

Рипа реконструирует цепочку: Гозани и Магальяйнш, покинув Касторано, бегут к немецкому иезуиту Килиану Штумпфу (Kilian Stumpf), который немедленно сообщает обо всем мандарину Чжао Чану. Штумпф даже специально подзывает чиновника к окну, чтобы тот увидел проходящего Касторано. После этого гонцы с известиями отправляются к императору и к отцу португальцу-иезуиту Морану (Mourão), находившемуся в свите императора (р. 11). Так, шаг за шагом, Рипа создает детективное полотно, обнажающее механизм придворной интриги.

Сцена ареста, произошедшего в ночь на 7 ноября, описана Рипой с исключительной силой и явными библейскими аллюзиями. Он прямо сравнивает арест Касторано с арестом Христа в Гефсиманском саду: ночь, тайный сбор стражников с фонарями и факелами («*cum lanternis et facibus*»), появление предателя (р. 11–12). Вот как Рипа описывает этот ключевой момент:

Признаюсь по правде, никогда не видел я столь живого изображения взятия под стражу Господа нашего благословенного и божественного, как в этом случае заключения Касторано в темницу. Сей отец, будучи генеральным викарием пекинского епископа и его делегатом по опубликованию апостольской конституции, был нашим начальником, представлявшим личность Иисуса Христа. Был обвинен и предан своими же подчиненными, апостольскими миссионерами из Общества Иисуса; и посему вышеупомянутым братом Броккаром были упомянутые иезуиты уподоблены стольким же Иудам, так как предали своего начальника, и уподоблены стольким же иудейским первосвященникам, потому что тайно обвинили его (р. 11).

Чжао Чан громко вызывает «Кан Хэцзы» (*Csan-ho-zu*, Carlo Castorano), и Касторано, выйдя, произносит сакраментальное «*Ego sum*» («Это я») (р. 11). Его заковывают в тяжелые цепи. В этот драматический момент Рипа совершает публичный жест: он бросается на колени и целует цепи арестанта:

...когда все присутствующие иезуиты молчали, заговорил я, оправдывая мудрейшее поведение Папы и отца Касторано; затем, дабы показать этим язычникам, сколь славны эти цепи, встав перед всеми на колени, я публично поцеловал их («*poscitomi avanti tutti in ginocchioni, pubblicamente le baciai*») (р. 10).

Когда изумленный мандарин спрашивает у иезуитов о значении этого поступка, те объясняют это простым европейским обычаем («*è una cerimonia o sia costume di Europei*») (р. 10), чем, по мысли Рипы, вновь искажают истину и принижают духовный смысл его действия.

Образ императора Канси

«*Giornale*» Рипы – один из ценнейших источников для понимания фигуры императора Канси в последние годы его жизни, но не с парадной, а с «кулуарной» стороны. Император в описании Рипы

предстает как верховный арбитр, чья воля абсолютна и не подлежит обсуждению. Он разгневан самим способом доставки конституции – тайно, частным лицом, а не через официальных послов, которых он безуспешно ждал из Рима уже много лет. В уста Канси Рипа вкладывает риторический вопрос, обращенный к Педрини:

Прислал ко мне Папа важную особу [кардинала Турнона]... и я не пожелал согласиться... Соглашусь ли я теперь, когда он прислал свою конституцию с каким-то частным лицом, которое публикует ее тайком? Скажите мне, в Европе есть такой обычай? (р. 38).

Это не просто гнев деспота, а обида монарха, чьи дипломатические правила были грубо нарушены. Однако позиция императора сложна и внутренне противоречива. Он демонстрирует глубокое понимание китайской традиции и защищает ее от посягательств. Его пространные рассуждения о почитании предков как о проявлении сыновней почтительности, а не суеверном ожидании помощи от мертвых, являются ключевыми для понимания сути конфликта с точки зрения китайской стороны. Вот как Рипа передает эти слова Канси:

Не желают позволять поминальные таблички умерших, ни совершать перед ними обычных церемоний, на том основании, что китайцы надеются получить счастье от своих предков. Что за нелепости это такие! Я в своем правлении приговорил к смерти многих преступников; дети их, сколь бы бедны ни были, не переставали воздвигать таблички и совершать перед ними обычные церемонии. Думаете ли вы, что они настолько глупы, что надеялись получить счастье от столь несчастных предков? Если родители не имели счастья для себя самих, как могут они дать его своим детям? Эти вещи, что делаются в Китае, делаются единственно в знак сыновней почтительности (привязанности), которую должно питать к родителям даже после их смерти, а вовсе не потому, что от них ожидают какого-либо счастья (р. 38).

Он приводит яркую аналогию с лошадьёю, которую хозяин кормит до смерти не из корысти, а из благодарности и привязанности, и с ритуальными надписями на балках дворца, которые никто не воспринимает буквально (р. 38–39). Эти пассажи показывают Канси не просто как разгневанного владыку, но как философа и тонкого знатока национальной психологии.

Вместе с тем Рипа неоднократно подчеркивает, что император находится под сильным влиянием иезуитов. Он прямо заявляет: «...то, что Его Величество говорил и делал по вопросу о ритуалах,

он говорил и делал по внушению то одного, то другого иезуита» (р. 15). Устами иезуитов император говорит о том, что папская конституция запрещает почитать родителей («*pu-hiao-szu-sien*», *bu xiao zu xian* 不孝祖先 (р. 38)), что было грубым упрощением текста документа. Рипа фиксирует и сцены открытой лести со стороны иезуитов, как, например, реакцию отца Суареша, который, «сияя от радости», благодарит императора за его «превосходное учение» («*brillando per l'allegrezza, ringraziò la Maestà Sua per l'eccellente dottrina che insegnato li aveva*») (р. 39).

Фигуры миссионеров: Педрины и иезуиты

«*Giornale*» дает яркие портреты главных действующих лиц драмы. Образ соратника Рипы, Теодорико Педрины, выписан с огромной симпатией, но не идеализирован. Он представлен как человек прямолинейный, даже неосторожный, который стал жертвой собственного рвения и происков врагов. Его главная ошибка – подача императору обширного мемориала с обвинениями в адрес мандаринов и иезуитов, который, по выражению Рипы, «плохо посоветовавшись сам с собой... обвинил самого себя» («*mal consigliato dal suo proprio parere... accusò se stesso*») (р. 19). Сцены унижения Педрины, когда он на коленях вынужден выслушивать гневные тирады императора, описаны с неподдельной болью:

...евнух Цзян Килинь [*Zhang Guilin*]... велел синьору Педрины опуститься на колени публично, не скажу перед всеми мандаринами и европейцами, но перед многочисленными писцами и слугами, христианами и язычниками, и укорял его от имени Его Величества... сурово за то, что он в этом мемориале... употребил многие идолопоклоннические и суеверные выражения... затем евнух добавил, все более смущая его: «Сколько раз я увещевал вас покончить с этим? Рипа знает, сколько раз я вас к этому призывал. (Я, однако, ничего об этом не знаю). Какова же причина, что при этом разборе, учиненном Его Величеством, обнаружилось столько ваших прегрешений и ни одного у Рипы?» (р. 27).

Рипа защищает его, молит о снисхождении для него и для его слуги, рискуя собственной репутацией. В своем ответе епископу делла Кьеза, который обрушился на Педрины с гневными обвинениями, Рипа вступается за собрата по Конгрегации, напоминая о всеобщей греховности:

Что касается поручения, данного мне Вашим Преосвященством, сообщить синьору Педрини и мандарину синьору Чжао вышеупомянутое письмо... по многим причинам... я не могу его исполнить... Если же Ваше Преосвященство, находясь вдали, полагает, что синьор Педрини заслуживает каторги и т.д., то я, находясь при этом дворе уже шесть лет и будучи очевидцем и свидетелем стольких скандалов и беспорядков, частью известных и Вашей досточтимой особе, говорю, что в день Суда многие из тех, о ком в Вашем письме не упоминается (говорится лишь об одном синьоре Педрини, будто он один – виновник всех зол), будут строжайше наказаны Богом, праведным Судией, и наказанием гораздо большим (р. 55).

Иезуиты в изображении Рипы – главные антагонисты. Это не просто оппоненты в богословском споре, а коварные интриганы, действующие в союзе с мандаринами и использующие свое влияние на императора для сведения счетов. Рипа тщательно фиксирует любые проявления их «нелояльности» по отношению к Святому Престолу. Он вкладывает в уста брата Броккара объяснение их упорства:

Мне кажется, что эти наши отцы решили во что бы то ни стало добиться одобрения ритуалов отца Маттео Риччи, а в случае, если не смогут этого добиться, желают лучше потерять миссию; и в этом полагают свою честь (р. 49).

Это наблюдение раскрывает глубинный мотив – защиту корпоративной чести и репутации, которая для них оказалась важнее послушания папе.

Авторская позиция и формирование нарратива

Образ самого Маттео Рипы, выстраиваемый на страницах дневника, не менее важен. В тесте он – человек осторожный, благочестивый и, что самое главное, руководствующийся в своих действиях исключительно любовью к Богу и ближнему. Он многократно подчеркивает, что, в отличие от Педрини, всегда ищет совета – у людей, у Бога в молитве, у собственной совести. Это позволяет ему избежать ошибок и сохранить доброе имя. В сцене, где он просит разделить с ним наказание Педрини, или в эпизоде с целованием цепей, он предстает как носитель активной, действенной любви, готовый к самопожертвованию.

Особое место занимает мотив чудесного спасения молитвами. Рипа подробно рассказывает о том, как, получив известие о смерти

своего духовного наставника отца Торреса и его изображение, он дал обет отслужить десять месс в честь Святой Троицы. В тот момент, когда буря, казалось, достигла апогея, император неожиданно сменил гнев на милость:

...когда опасались величайших бедствий, и этот Монарх был разгневан более, чем когда-либо, вот, в ночь на 13-е, он простил синьора Педрини, освободил из темницы отца Касторано и, по моим мольбам, отца Черу в Кантоне, которого он решил было отослать обратно в Европу (р. 18).

Рипа прямо связывает это чудесное избавление с заступничеством отца Торреса. Этот фрагмент переводит повествование из сугубо исторической плоскости в плоскость личной духовной драмы и демонстрирует средневековое еще по духу мировоззрение автора, для которого политические события неотделимы от Промысла Божия и действенности молитвы.

Заключение

Фрагмент «Giornale» Маттео Рипы за ноябрь-декабрь 1716 г. – исключительный по ценности исторический источник. Это не просто мемуары, а многомерный текст, позволяющий исследователю реконструировать события кульминационного этапа «спора о ритуалах» с точки зрения миссионера, чуждого иезуитскому ордену, но находящегося в самом центре придворной жизни Пекина.

Источник дает богатый материал для изучения нескольких ключевых аспектов. Во-первых, это детальная хронология событий, связанных с имплементацией *Ex illa die*, включая механизмы донесений, ареста, допросов и суда при императорском дворе. Во-вторых, это свидетельства о фигуре императора Канси, его взглядах на ритуалы и его отношениях с европейцами, которые позволяют скорректировать как апологетические, так и критические образы этого правителя. В-третьих, это яркая картина внутренних конфликтов в католической миссии, где богословские разногласия тесно переплелись с политическими интригами, личными амбициями и борьбой за влияние на императора.

Субъективность Рипы, его открытая неприязнь к иезуитам и стремление оправдать себя и Педрини не снижают ценности текста, а делают его важнейшим свидетельством эпохи. Это голос одной из враждующих сторон, который позволяет понять, не только *что* произошло, но и *как* это переживалось участниками. Исследуя

«Giornale», исследователь получает уникальную возможность увидеть «стереоскопическую» картину прошлого, понять механизмы создания исторических мифов и восстановить подлинную сложность и драматизм тех событий, которые на десятилетия определили судьбу христианства в Китае.

Благодарности

Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2026-0003 «Взаимодействие историко-культурных традиций и глобальных тенденций: устойчивость и трансформации ценностей в мировой истории»)

Acknowledgements

The article was prepared at the State Academic University for the Humanities in the framework of a government research assignment funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic № FZNF2026-0003 “Interaction of Historic-Cultural Traditions and Global Trends: Sustainability and Transformations of Values in World History”).

Источник

Ripa M. *Giornale* / Introduzione, testo critico e appendice documentaria di M. Fatica. Napoli: UniorPress, 2021. (Collana Matteo Ripa, XXII).

Литература

- Дубровская 2020 – Дубровская Д.В. Все пути ведут из Рима: Христианские миссии в Поднебесной империи от несториан (VII в.) до папы Франциска. М., 2020. 371 с.
- Дубровская 2018 – Дубровская Д.В. Лан Шинин. Джузеппе Кастильоне при дворе Сына Неба. М., 2018. 139 с.
- Дубровская 2000 – Дубровская Д.В. Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие (1552–1775). М., 2000.
- Круглова 2017а – Круглова М.С. Посольство посла Измайлова в Китае Перевод с итальянского фрагмента мемуаров Маттео Рипы // Вестник Московской международной академии. 2017. № 1–2. С. 46–53.

- Круглова 2017b – *Круглова М.С.* «Джорнале» Маттео Рипы как исторический источник // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-5 (86). С. 111–114.
- Круглова 2017с – *Круглова М. С.* Маттео Рипа: миссионер при дворе императора Канси // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2017. № 3. С. 61–75.
- Круглова 2018 – *Круглова М.С.* «Спор о ритуалах» как пример культурного конфликта Востока и Запада // Манускрипт. 2018. № 5 (91). С. 34–38. DOI: 10.30853/manuscript.2018-5.7.
- Круглова 2019a – *Круглова М.С.* Маттео Рипа и его путешествие в Китай: выдержки из бортового журнала // Восточный курьер. 2019. № 1-2. С. 138–149. DOI: 10.18254/S268684310007906-9-1.
- Круглова 2019b – *Круглова М.С.* «Джорнале» Маттео Рипы как источник по истории деятельности христианских миссионеров в Китае в начале XVIII в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2019. 278 с.
- Круглова 2021 – *Круглова М.С.* Потерянный в переводе: Маттео Рипа и его роль в Споры о китайских ритуалах // Вестник Института востоковедения РАН. 2021. № 4 (18). С. 117–130. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-4-117-130.
- Круглова 2023 – *Круглова М.С.* Маттео Рипа. История человека. Судьба книги. Миссионер при дворе императора Канси / Отв. ред. Д.В. Дубровская. М.: ИВ РАН, 2023. 232 с.
- Cirillo 2010 – *Cirillo L.* Il Vangelo secondo Matteo Ripa. La Vita del Missionario che Conquistò la Cina. Napoli, 2010.
- Cohen 2013 – *Cohen P. A.* China and Christianity: The Missionary Movement and the Growth of Chinese Antiforeignism, 1860–1870. Cambridge, Mass., 2013.
- Cousins, Jacques 2022 – *Cousins M., Jacques D.* On the Influence of Views of China // Garden History. 2022. Vol. 50. № 1. P. 101–105.
- Criveller 2012 – *Criveller G.* La Controversia dei Riti Cinesi, Storia di una Lunga Incompresione. Milano, 2012.
- Cummins 1993 – *Cummins J. S.* A Question of Rites: Friar Domingo Navarrete and the Jesuits in China. Aldershot, 1993.
- Di Fiore 1985 – *Di Fiore G.* Un Cinese a Castel Sant'Angelo. La Vicenda di un Alunno del Collegio di Matteo Ripa fra Trasgressione e Reclusione // La Conoscenza dell'Asia e dell'Africa in Italia nei Secoli XVIII e XIX / Ed. U. Marazzi. Napoli, 1985. P. 219–286.
- Dunne 1962 – *Dunne G. H.* Generation of Giants: The Story of the Jesuits in China in the Last Decades of the Ming Dynasty. Notre Dame, Indiana, 1962.
- Fatica, Carpentiero 1989 – *Fatica M., Carpentiero V.* Per una Storia del Processo di Canonizzazione di Matteo Ripa: Problemi di Filologia e di Agiografia // La Conoscenza dell'Asia e dell'Africa in Italia nei Secoli XVIII e XIX / Eds. M. Fatica, V. Carpentiero. Napoli, 1989. P. 73–110.
- Fatica 2006 – *Fatica M.* Маттео Рипа и il Collegio dei Cinesi di Napoli (1682–1869). Percorso Documentario e Iconografico. Napoli, 2006.

- Fatica 2012 – *Fatica M.* Richiesta di Misure Restrittive e di Espulsione di Mercanti e Missionari Occidentali dal Paese di Mezzo in un Memoriale dell' A.D. 1717 Conservato da Matteo Ripa // *Scritture di Storia*. 2012. № 6. P. 175–212.
- Latourette 1929 – *Latourette K. S.* A History of Christian Missions in China. New York, 1929.
- Liu 2008 – *Liu Y.* Transplanting a Different Gardening Style into England: Matteo Ripa and His Visit to London in 1724 // *Diogenes*. 2008. Vol. 55. № 2. P. 83–96. DOI: 10.1177/0392192108090742.
- Menegon 2008 – *Menegon Eu.* Jesuit-Dominican Controversies over Chinese Rituals: European and Chinese Textual Strategies. Boston, 2008.
- Minamiki 1985 – *Minamiki G.* The Chinese Rites Controversy: from its Beginning to Modern Times. Chicago, 1985.
- Mungello 1994 – *Mungello D.E.* The Chinese Rites Controversy: Its History and Meaning. Nettetal, 1994.
- Mungello 2009 – *Mungello D.E.* The Great Encounter of China and the West 1500–1800. Lanham, MD, 2009.
- Rule 1986 – *Rule P.* Kung-tzu or Confucius. The Jesuit Interpretation of Confucianism. Sydney; London; Boston, 1986.
- Rule 2009 – *Rule P.* The Chinese Rites Controversy: Confucian and Christian Views on the Afterlife // *Studies in Church History*. 2009. № 45. P. 280–300.
- Standaert 2018 – *Standaert N.* Chinese Voices in the Rites Controversy: The Role of Christian Communities // *The Rites Controversies in the Early Modern World* / Eds. I. G. Županov, P. A. Fabre. Leiden, 2018. P. 50–67.

References

- Cirillo, L. (2010), *Il Vangelo secondo Matteo Ripa. La Vita del Missionario che Conquistò la Cina*, Napoli, Italy.
- Cohen, P.A. (2013), *China and Christianity: The Missionary Movement and the Growth of Chinese Antiforeignism, 1860–1870*, Harvard University Press, Cambridge, USA.
- Cousins, M. and Jacques, D. (2022), “On the Influence of Views of China”, *Garden History*, vol. 50, no. 1, pp. 101–105.
- Criveller, G. (2012), *La Controversia dei Riti Cinesi, Storia di una Lunga Incompresione*, Milano, Italy.
- Cummins, J.S. (1993), *A Question of Rites: Friar Domingo Navarrete and the Jesuits in China*, Aldershot, UK.
- Di Fiore, G. (1985), “Un Cinese a Castel Sant’Angelo. La Vicenda di un Alunno del Collegio di Matteo Ripa fra Trasgressione e Reclusione”, Marazzi, U. (ed.), *La Conoscenza dell’Asia e dell’Africa in Italia nei Secoli XVIII e XIX*, Napoli, Italy, pp. 219–286.
- Dubrovskaya, D.V. (2000), *Missiya iezuitov v Kitae. Matteo Richchi i drugie (1552–1775)* [The Jesuit Mission in China. Matteo Ricci and Others (1552–1775)], Moscow, Russia.

- Dubrovskaya, D.V. (2018), *Lan Shinin. Dzhuzeppe Kastil'one pri dvore Syna Neba* [Lang Shining, or Giuseppe Castiglione at the Court of the Son of Heaven], Moscow, Russia.
- Dubrovskaya, D.V. (2020), *Vse puti vedut iz Rima* [All Roads Lead from Rome], Moscow, Russia.
- Dunne, G.H. (1962), *Generation of Giants: The Story of the Jesuits in China in the Last Decades of the Ming Dynasty*, University of Notre Dame Press, Notre Dame, USA.
- Fatica, M. (2006), *Matteo Ripa e il Collegio dei Cinesi di Napoli (1682–1869). Percorso Documentario e Iconografico*, Napoli, Italy.
- Fatica, M. (2012), “Richiesta di Misure Restrittive e di Espulsione di Mercanti e Missionari Occidentali dal Paese di Mezzo in un Memoriale dell’ A.D. 1717 Conservato da Matteo Ripa”, *Scritture di Storia*, no. 6, pp. 175–212.
- Fatica, M. and Carpentiero, V. (1989), “Per una Storia del Processo di Canonizzazione di Matteo Ripa: Problemi di Filologia e di Agiografia”, Fatica, M. and Carpentiero, V. (eds.), *La Conoscenza dell’Asia e dell’Africa in Italia nei Secoli XVIII e XIX*, Napoli, Italy, pp. 73–110.
- Kruglova, M.S. (2017a), “Izmailov’s Embassy in China of Ambassador. Fragment from the Matteo Ripa’s Memoirs. Translation from Italian “, *Bulletin of the Moscow International Academy*, no. 1–2, pp. 46–53.
- Kruglova, M.S. (2017b), “‘Giornale’ by Matteo Ripa as a Historical Source”, *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art History. Issues of Theory and Practice*, no. 12-5 (86), pp. 111–114.
- Kruglova, M.S. (2017c), “Matteo Ripa: Missionary at the Court of the Emperor Kangxi”, *Moscow University Bulletin. Series 13: Oriental Studies*, no. 3, pp. 61–75.
- Kruglova, M.S. (2018), “‘The rites controversy’ as an example of cultural conflict of the east and the west”, *Manuscript*, no. 5 (91), pp. 34–38, DOI: 10.30853/manuscript.2018-5.7.
- Kruglova, M.S. (2019a), “Matteo Ripa and His Travel to China: extracts from the logbook”, *Oriental Courier*, no. 1-2, pp. 138–149, DOI: 10.18254/S268684310007906-9-1.
- Kruglova, M.S. (2019b), *Matteo Ripa’s ‘Giornale’ as a Source on the History of Christian Missionaries in China in the Early 18th Century*, Ph.D. dissertation, Moscow, Russia.
- Kruglova, M.S. (2021), “Lost in Translation: Matteo Ripa and His Role in the Chinese Rites Controversy”, *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*, no. 4 (18), pp. 117–130, DOI: 10.31696/2618-7302-2021-4-117-130.
- Kruglova, M.S. (2023), Dubrovskaya, D.V. (ed.), *Matteo Ripa. Istoriya cheloveka. Sud’ba knigi. Missioner pri dvore imperatora Kansi* [Matteo Ripa. The Story of a Man. The Fate of a Book. A Missionary at the Court of the Kangxi Emperor], IV RAN, Moscow, Russia.
- Latourette, K.S. (1929), *A History of Christian Missions in China*, The Macmillan Company, New York, USA.
- Liu, Y. (2008), “Transplanting a Different Gardening Style into England: Matteo Ripa and His Visit to London in 1724”, *Diogenes*, vol. 55, no. 2, pp. 83–96, DOI: 10.1177/0392192108090742.

- Menegon, E. (2008), *Jesuit-Dominican Controversies over Chinese Rituals: European and Chinese Textual Strategies*, Working paper, Fudan University, Shanghai, China. URL: https://www.google.com/url?sa=t&source=web&rct=j&opi=89978449&url=https://iahs.fudan.edu.cn/__local/E/EE/A1/30CE5814382CA57737468321345_8E3540F6_2C600.doc&ved=2ahUKEwjCsJfipu2TAxVFHxAlHcH_CnQQFn_oECBcQAQ&usg=AOvVaw09wUN_9T3dEjvOwapLLU_y
- Minamiki, G. (1985), *The Chinese Rites Controversy: from its Beginning to Modern Times*, Loyola University Press, Chicago, USA.
- Mungello, D.E. (ed.) (1994), *The Chinese Rites Controversy: Its History and Meaning*, Steyler Verlag, Nettetal, Germany.
- Mungello, D.E. (2009), *The Great Encounter of China and the West, 1500–1800*, Rowman & Littlefield Publishers, Lanham, USA.
- Rule, P. (1986), *Kung-tzu or Confucius. The Jesuit Interpretation of Confucianism*, Allen & Unwin, Sydney, Australia / London, UK / Boston, USA.
- Rule, P. (2009), “The Chinese Rites Controversy: Confucian and Christian Views on the Afterlife”, *Studies in Church History*, no. 45, pp. 280–300.
- Standaert, N. (2018), “Chinese Voices in the Rites Controversy: The Role of Christian Communities”, Županov, I.G. and Fabre, P.A. (eds.), *The Rites Controversies in the Early Modern World*, Brill, Leiden, The Netherlands, pp. 50–67.

Информация об авторе

Мария С. Круглова, кандидат исторических наук, доцент, Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия; 119049, Россия, Москва, Мароновский переулок, д. 26; mashakruglova999@gmail.com

Information about the author

Maria S. Kruglova, Cand. of Sci. (History), associate professor, State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 26, Maronovsky Lane, Moscow, Russia, 119049; mashakruglova999@gmail.com

Примеры казусов на чиновничьей службе по данным *бицзи* – «блогам» сунских интеллектуалов

Елена Д. Афанасьева

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, aflena144@gmail.com*

Аннотация. Эпоха Сун, помимо богатого культурного наследия, интересна системой управления государством. В это время реализуется набор кадров по результатам экзаменов, образуется бюрократический аппарат, на столетия опередивший другие государства. «Идеальная картина» просуществовала недолго, практически сразу после становления государства возникло множество сложностей, связанных с чиновничьей службой. Проблемы постепенно накапливались, что, вкупе со слабеющей армией и усилением кочевников на севере, привело к фатальным последствиям. В российской синологии государственный аппарат Сун рассматривается в основном как цельная система, при этом, исследования повседневной жизни чиновников отсутствуют. Мы можем узнать о подробностях их службы, о частных ситуациях, произошедших с конкретными людьми, благодаря запискам современников – *бицзи*. Такие записные книжки оставили после себя многие интеллектуалы. *Бицзи* предоставляют уникальные данные по микроистории, они могут показать жизнь эпохи с неформальной стороны. Благодаря им возможно детально реконструировать многие аспекты повседневной жизни Сун, в том числе, повседневной жизни чиновников. В работе выбран для анализа сборник «Записки Жун-чжая», написанный крупным сунским чиновником. Данный текст изобилует записями о различных служебных казусах, произошедших с автором сборника, Хун Маем, и с его знакомыми.

Ключевые слова: эпоха Сун, государственный аппарат, чиновники, *бицзи*, Хун Май, Записки Жун-чжая

Для цитирования: Афанасьева Е.Д. Примеры казусов на чиновничьей службе по данным *бицзи* – «блогам» сунских интеллектуалов // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2026. № 2. С. 75–91. DOI: 10.28995/2686-7648-2026-2-75-91

© Афанасьева Е.Д. 2026

Examples of incidents in public service according to the *biji* – “blogs” of Song intellectuals

Elena D. Afanas`eva

*Russian State University of the Humanities
Moscow, Russia, aflena144@gmail.com*

Abstract. The Song Era, in addition to its rich cultural heritage, is interesting for its system of government. At this time, recruitment based on exam results, led to the formation of a bureaucratic apparatus that was centuries ahead of other states. The “ideal picture” did not last long, almost immediately after the formation of the state, many difficulties arose related to the bureaucratic service. The problems gradually accumulated, which, coupled with a weakening army and the strengthening of the nomads in the north, led to fatal consequences. In Russian sinology, the Song state apparatus is considered mainly as unified system, while there is no research on the daily lives of officials. We can learn about the details of their service, about private situations that happened to specific people, thanks to the notes of *biji*. Many intellectuals have left such notebooks behind. *Biji* provide unique data on microhistory, they can show the life of an era from an informal perspective. Thanks to them, it is possible to reconstruct in detail many aspects of the Song daily life, including the daily lives of officials. The collection “Notes of Rong-zhai”, written by a major Song official, is selected for analysis in the work. This text is replete with records of various official incidents that occurred with the author of the collection, Hong Mai, and his acquaintances.

Keywords: Song era, the State apparatus, officials, *biji*, Hong Mai, Notes of Rong-zhai

For citation: Afanas`eva, E.D. (2026), “Examples of incidents in public service according to the *biji* – ‘blogs’ of Song intellectuals”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series*, no. 2, pp. 75–91, DOI: 10.28995/2686-7648-2026-2-75-91

Введение

Империя Сун (宋, 960–1276 гг.) из-за богатого культурного наследия признана китайским «серебряным веком» («золотым веком» в этой системе считается эпоха Тан 唐 (618–907)): поэзия и проза, одежда и фарфор, живопись, архитектура и многие другие аспекты до сих пор влияют на современные тенденции. Государственный аппарат Сун был довольно развит, активно формировалась система

экзаменов на должности. При этом, исторические источники показывают, что система также имела множество недостатков.

Мы имеем возможность довольно подробно узнать о жизни сунских чиновников, благодаря сборникам *бицзи* 筆記 («записи кистью», «записки»), в которых многие интеллектуалы описывали окружающую их действительность. Сборники *бицзи* вели многие сунские чиновники и интеллектуалы, в них можно найти описания различных казусов, необычных событий, произошедших с авторами сборников или с их знакомыми. Такие записки могут проиллюстрировать общегосударственный процесс на уровне микроистории. Тексты современников, написанные в более свободной форме, могли бы проиллюстрировать общую картину, дополнить или опровергнуть официальную информацию.

Данная работа ставит цель реконструировать жизнь государственного служащего эпохи Сун, опираясь на один из сборников *бицзи*, оставленный крупным чиновником и составителем официальных хроник Хун Маем (洪邁, 1123–1202 гг.) – «Заметки Жун-чжая» (容齋隨筆, Жун чжай суй би).

В работе сделано небольшое допущение. Эпоха Сун длилась почти 300 лет, за это время государственный аппарат, пройдя этап формирования, претерпел множество крупных реформ. Данная работа сосредоточена не на развитии госаппарата, а на жизни чиновников, поэтому общая картина будет подвержена некоторому упрощению. В сборнике «Заметки Жун-чжая», выбранном для исследования, описываются события разных периодов Сун, между которыми происходили значительные изменения.

В России и на Западе проблема сунского чиновничества редко исследуется специально. Как правило, данная тема рассматривается вместе с общими политическими процессами эпохи. Среди наиболее значимых российских исследований, которые затрагивают жизнь чиновников средневекового Китая, можно назвать «Китайский этнос в Средние века VII–XIII вв.» под авторством М.В. Крюкова, В.В. Малявина и М.В. Софронова [Крюков и др. 1984] и монографию З.Г. Лапиной «Политическая борьба в средневековом Китае (40–70-е гг. XI в.)» [Лапина 1970]. Стоит упомянуть «Танскую бюрократию» В.М. Рыбакова. Автор, помимо прочего, предлагает цельную систему русских переводов названий должностей и административных учреждений, многие из которых актуальны и для Сун [Рыбаков 2009]. В Европе также отсутствуют специальные исследования о повседневной жизни чиновников Сун, при этом фундаментальные труды об истории Китая, такие, как «Кембриджская история Китая», затрагивают рассматриваемую проблему [Twitchett, Smith 2009]. Также данной

темы касаются монографии, посвященные реформам Ван Аньши, например, «Реформы в сунском Китае» [Liu 1959]. В Китае же данная проблема исследована весьма глубоко. Например, «Политика отбора и назначения чиновников эпохи Сун» (宋代文官选任制度诸层面) авторства Дэн Сяонань (邓小南) [Дэн Сяонань 1993] описывает принцип отбора кадров, порядок проведения экзаменов и карьерный рост. Мяо Шумэй (苗书梅) в работе «Политика отбора и назначения чиновников и принципы контроля за их службой в эпоху Сун» (宋代官员选任和管理制度) затрагивает похожие проблемы [Мяо Шумэй 1996]. «Словарь государственного аппарата эпохи Сун» (宋代官制辞典) авторства Гун Яньмина (龚延明) дает подробное описание и классификацию всех многочисленных должностей [Гун Яньмин 2017]. «Исследование механизмов сдерживания власти чиновников Северной Сун» (北宋官僚权力制约机制研究) Ван Чжили (王志立) подробно описывает не только роли каждой должности, но и происходившие с каждой должностью изменения [Ван Чжили 2014]. Данные работы сосредоточены именно на бюрократической системе Сун, на функциях каждого чиновника, принципе отбора на должности и на изменениях – но не на частной жизни чиновников.

Поскольку в работе уделено значительное внимание сборниками *бицзи*, следует упомянуть, что в Китае рассмотрением *бицзи* занимаются, например, исследователи Лю Ецю (刘叶秋), Чжан Хуэй (张晖) и Шэнь Люйвэй (沈履伟) [Лю Ецю 2011; Чжан Хуэй 1993; Шэнь Люйвэй 2004]. Европейские исследователи начали выделять *бицзи сяошо* как отдельный жанр относительно недавно, хотя многие знаменитые западные синологи, такие как Я.Я.М. де Гроот и Жак Жерне, ссылались в своих работах на *бицзи*. [Gernet 1962; де Гроот 2018] «Записи из бесед в Мэнси» («Мэн си би тань» 夢溪筆談, автор Шэнь Ко 沈括, 1031–1095гг.) полностью переведен на английский язык [Zuo Ya 2018]. В России исследованием *бицзи* активно занимается И.А. Алимов, благодаря ему на русском языке изданы переводы фрагментов многих сборников. Он занимается не только переводом *бицзи*, но и анализом *бицзи* как жанра. В «Истории китайской литературы» И.А. Алимова и М.Е. Кравцовой отдельный раздел посвящен *бицзи* [Алимов, Кравцова 2014, с. 1244–1296].

Чиновники эпохи Сун

Империя Сун в свое время была самой богатой страной в мире за счет огромного и быстро растущего населения, а также передового сельского хозяйства; население постоянно росло, активно шла урбанизация.

Первые сунские императоры Тай-цзу (太祖, личное имя Чжао Куаньинь 趙匡胤, у власти в 960–976 гг.) и Тай-цзун (太宗, личное имя Чжао Куаньи 趙匡義, у власти в 976–997 гг.) заложили в новую административную систему уклон на отстранение от власти военных, создание гражданской бюрократии и наделения ее большей властью, а также на централизацию власти и на создание системы противовесов [Комаров 2013]. Новая администрация отчасти строилась на существовавших в Тан государственных органах, отчасти использовала опыт государств, возникших в период раздробленности после падения Тан [История Китая 2016]. Эта огромная бюрократическая машина пополнялась благодаря системе государственных экзаменов. Получившаяся система просуществовала, почти не изменяясь, всю эпоху Сун. С самого начала заметны некоторые проблемы, которые не решаются, а лишь усугубляются со временем и, в итоге, становятся одной из причин захвата Сун монголами [Васильев 2021].

Одна из проблем заключалась в том, что многие должности дублировали друг друга. Например, помимо Центрального секретариата (中書省, чжун шу шэн), существовавшего в предыдущие эпохи, был введен институт придворных ученых мужей *ханьлинь-сюэши*. Оба этих отдела занимались отбором талантов, восстановлением классических трудов и документов, написанием императорских эдиктов и летописей. Высшая финансовая комиссия (計省, цзи шэн) и Министерство работ (將作, цзян цзо) – обе отвечали за распределение природных и человеческих ресурсов и за земледельческие поселения. Для управления округами из столицы присылали нескольких эмиссаров с разными, но зачастую пересекающимися полномочиями. В самом начале правления Сун было введено 25 тыс. должностей, при этом со временем бюрократический аппарат увеличивался. Из-за роста количества чиновников приходилось уменьшать жалование, возникла жесткая конкуренция среди служащих. Со времен правления Тай-цзуна, вопреки духу системы государственных экзаменов, становится допустимым устройство на службу родственников и автоматическое продвижение по карьерной лестнице за выслугу лет, постепенно возникают «чиновничьи кланы» [Алаев, Ашрафян 2022]. Заметно упал уровень подготовки армии – чиновники сторонились воинской службы, считая ее уделом маргиналов [Шан Юэ 1959]. Армия Китая ослабевает, страна была вынуждена платить огромную дань государствам кочевников на севере [Дэн Сяонань 2015].

Все вышеперечисленное не могло не беспокоить сунскую интеллигенцию, однако она была бессильна что-либо изменить. Впрочем, в тот момент Китай еще оставался самой богатой страной

в мире, несмотря на напряженную обстановку на севере и выплату большой дани, китайцы могли продолжать жить так, как прежде, игнорируя проблемы [Gernet 1962].

Описанные вопросы требуют детального рассмотрения на конкретных примерах. К счастью, мы имеем возможность подробно узнать о жизни чиновников империи Сун из «первых уст», благодаря сборникам *бицзи сяошо*, которые оставили после себя многие интеллигенты.

Бицзи сяошо – записная книжка интеллектуала

Бицзи сяошо (筆記小説, досл. новеллы в формате записок), также именуемые просто *бицзи* (筆記) – это особый жанр художественной литературы. Дословный перевод данного слова – «заметки, записки». *Бицзи* всегда является сборником разнообразных историй, фрагментов стихотворений, анализом событий прошлых эпох, путевых заметок и т. д., тексты, включенные в сборник, не связаны единой темой. Авторы записывали то, что им самим было субъективно интересно. При этом, составитель сосредотачивается не на событиях, происходящих лично с ним, а на историях в его окружении или наблюдениями за окружающим миром [Алимов 2023].

В сборниках нередко можно найти описания городов, локальных традиций, истории о знаменитых современниках, описание проблем на службе, мнение о произведениях искусства и т. д. В настоящее время сборники *бицзи*, помимо литературной, представляют историческую ценность, они богаты сведениями по микроистории.

Бицзи издавались сборниками, одно произведение писал один автор, как правило, для своего круга друзей. Авторы *бицзи* чаще всего не являлись профессиональными писателями, составление подобных сборников для них было способом проведения досуга, хотя иногда *бицзи* писались для продажи. Тексты в сборниках могут быть связаны тематически, например, «Лес записей Дун-по» («Дун по чжи линь» 東坡志林¹, также известный как «Самолично отобранное Дун-по», «Дун по шоу цзэ» 東坡手澤, автор Су Ши 蘇軾, 1037–1101 гг.) разделен на следующие разделы: «Записи о путешествиях», «Вспоминаю древность», «Совершенствование и пестование», «Недуги и болезни», «Сны и грезы» и др. [Алимов 2022]. Также тексты могут быть расположены в хронологическом

¹ Переводы названий текстов, упомянутых в работе, даны по И.А. Алимову.

порядке и иметь четкую датировку, как, например, «Разные записи из Вэньчан» («Вэнь чан цза лу», 文昌雜錄), автор Пан Юаньин 龐元英, XI в.) [Алимов 2023]. Все тексты в сборнике *бицзи сяошо* претендуют на то, чтобы считаться реальными событиями, в сборниках нет декларированного вымысла.

Время возникновения *бицзи* определить сложно, так как в китайской средневековой литературе в принципе затруднительно определять границы жанров. Сборники коротких текстов существовали до Сун, их можно разделить на две большие группы – «Записки об удивительном»², то есть о духах, оборотнях и загробном мире (誌怪小說, чжигуай сяошо) и «Записки о людях и событиях» (誌人小說, чжижэнь сяошо), а также новеллы. При этом, одно и то же произведение могло иметь признаки всех трех жанров, что стало благодатной почвой для развития *бицзи* как литературного жанра, который может включать в себя тексты самых разных типов. Считается, что *бицзи* существовали до Сун, например, к ним причисляют «Краткие речения из Бэймэн» («Бэй мэн со янь» 北夢瑣言, автор Сун Гуансянь 孫光憲, X в.), хотя данный текст сосредотачивается в основном на дополнении официальных хроник и описывает жизнь известных исторических лиц. Само слово *бицзи* в названии сборника первые использует Сун Ци (宋祁, 998 г. – 1061 г.) в своем произведении «Заметки господина Сун Цзинь-вэня» («Сун цзин вэнь гун би цзи» 宋景文公筆記) [Алимов 1996]. В настоящее время принято мнение, что *бицзи* как жанр достигает расцвета в Сун.

В дальнейшие эпохи *бицзи* как жанр продолжал развиваться. Несмотря на то, что не всегда сборники последующих эпох можно причислить именно к *бицзи*, многие из них являются прямыми «наследниками» жанра и обладают всеми отличительными чертами оного. Например, «Миниатюры за колыхающей занавеской» («Юн чжуан сяо пинь» 湧幢小品, автор Чжу Гочжэнь 朱國禎, 1558–1632гг.) или «Записки [за] тремя стенами» («Сань юань би цзи» 三垣筆記, автор Ли Цин 李清, 1602–1683гг.) эпохи Мин; «Записки из южной деревни» («Нань цунь суй би» 南村隨筆, автор Лу Тинцань 陸廷燦, 1670–1738 гг.) эпохи Цин [Алимов, Серебряков 2004].

На многих современных китайских интернет-ресурсах можно увидеть раздел «*бицзи*». «Блог *бицзи*» одного автора может содержать, например, рецепты блюд и лекарств, цитаты из фильмов, путеводитель по родному городу и методы поддержания чистоты в доме. Такой блог не будет содержать информации личного

² В работе использованы устоявшиеся названия жанров. Такие переводы присутствуют, например, в «Истории китайской классической литературы».

характера, при этом будет касаться самого широкого круга тем. Поэтому, можно сказать, что *бицзи* в обновленном виде существует до сих пор.

«Записки Жун-чжая»

Автор сборника, который будет рассмотрен далее, Хун Май (洪邁, 1123–1202 гг.)³ – выдающийся ученый Южной Сун. Он на протяжении всей жизни занимал многие высокие посты, принимал государственные экзамены и, в целом, пользовался большим доверием императора. Поэтому в его *бицзи* также присутствуют многочисленные записи о различных казусах среди чиновников. Таким образом, «Жун чжай суй би» хорошо подходит для изучения бюрократического аппарата эпохи Сун. Хун Май оставил после себя многочисленное литературное наследие, составляющее более 30 сочинений. Он составил несколько династийных хроник Сун, например, «История сунского государства при четырех правлениях» («Сун сы чао го ши» 宋四朝國史) и «Основные записи о Тай-цзу и Тай-цзуне» («Тай цзу тай цзун бэнь цзи» 太祖太宗本紀) – сборник стихов и антологию поэзии Тан, а также сборник рассказов о необычайном (чжигуай сяошо, 志怪小說), под названием «Записи И-цзяня» («И цзянь чжи» 夷堅志) [Алимов 2022]. Рассматриваемый сборник является одним из крупнейших *бицзи*, когда-либо написанных. Хун Май трудился над ним в течение 40 лет, значительная его часть посвящена изучению истории, уточнению названий и имен прежних правителей, комментарии к философским трактатам и авторская оценка стихотворений династий Тан и Сун.

Сборник состоит из пяти частей – «Вслед за кистью» (Суй би 隨筆), «Следующая кисть» (Цзи би 繼筆), «Третья кисть» (Сань би 三筆), «Четвертая кисть» (Сы би 四筆), «Пятая кисть» (У би 五筆)⁴. В первых четырех частях по 16 цзюаней, в пятой – 10. Автор работал над сборником в течение 40 лет. Последнюю часть автор не успел закончить, поэтому в ней на 6 цзюаней меньше, чем в других

³ Биография Хун Мая дана в Хрониках эпохи Сун (宋史).

卷三百七十三 [цзюань 373] // 宋史 [Сун Ши] // 识典古籍 [Интернет-архив «Изучение классической древней литературы»] // URL: https://www.shidianguji.com/book/LS0020/chapter/1kma2wd2x5u05?page_from=searching_page&version=82&refreshId=1769704504559¶graphId=LS0020_2_11422&contentMatch=0 (дата обращения 29 февраля 2026).

⁴ Названия частей даны автором работы. Также можно перевести как «Следующая запись», «Третья запись», «Четвертая запись», «Пятая запись».

частях. В каждом цзюане 17–18 пассажей объемом 300–400 знаков. Иногда встречаются заметки менее 100 или более 1000 знаков.

Сборник издавался два раза во время эпохи Сун, в 1212 г. и в 1228–1233 гг. Каждая часть содержит авторское предисловие. В дальнейшем, сочинение переиздавалось во времена Мин и Цин, до наших дней дошло четыре варианта данного текста [Алимов 2022]. Для дальнейшего анализа выбрана версия из «Сводного издания [текстов] по [всем] четырем частям» («Сы бу цун кань» 四部叢刊, издавался в 1919–1936 г.), доступная на сайте «Изучение классической древней литературы» (Ши дян гу цзи 识典古籍). Далее разбор текстов из первой и второй части.

Примеры казусов на службе

Хун Май часто описывает проблемы и казусы, возникавшие на чиновничьей службе. Например, «Потеря [возможности] выйти в отставку»⁵ («Чжи ши чжи ши» 致仕之失) рассказывает том, как чиновникам запретили уходить в отшельники, так как некоторые из них зарабатывали с помощью взяток. А затем, притворившись, что ушли в отшельники, растрачивали незаконно добытое богатство.

Очерк «Старые столичные чиновники»⁶ («Цзин ши лао ли» 京師老吏) содержит две истории о том, как внимание чиновников к формулировкам мешало работе государства. Первая описывает то, как чиновник хотел отчитаться о первом бритье головы императорскому наследнику. Первое бритье головы младенцу – важный ритуал, существующий до сих пор. В докладе он использовал пословицу «克长克君» (Кэ чжан кэ цзюнь), означающую «мог бы быть наставником, мог бы быть владыкой». Ученый из академии Ханьлинь отклонил отчет, обосновав решение следующим образом. Он ответил, что вместо 克 «мог бы быть» правильно использовать синонимичное выражение «堪为» (кань вэй «способен стать»), потому что оно более соответствует официальному стилю.

⁵ 卷十 [цзюань 10] // 容斋随笔 [записки Жун-чжая] // 识典古籍 [Интернет-архив «Изучение классической древней литературы»]. URL: https://www.shidianguji.com/book/SK1794/chapter/1kg1t9ynqozka?page_from=searching_page&version=3 (дата обращения 27 января 2026).

⁶ 卷十五 [цзюань 15] // 容斋随笔 [записки Жун-чжая] // 识典古籍 [Интернет-архив «Изучение классической древней литературы»]. URL: https://www.shidianguji.com/book/SK1794/chapter/1kg1ta2o3cg85?page_from=searching_page&version=3 (дата обращения 27 января 2026).

Вторая – о том, как в 1126 г. во время осады столицы кочевниками у войска кончились доспехи. Военачальники хотели взять старые доспехи из храма на окраине, но министерство церемоний три раза отклоняло просьбу из-за некорректных формулировок. В результате, как известно из исторических хроник, кочевники захватили в плен императора.

«Подбор чиновников по результатам экзаменов»⁷ («Гао кэ дэ жэнь» 高科得人) о том, как в различные периоды Сун чиновникам, сдавшим экзамены, стало все сложнее получить высокие должности. Прежде, во времена правления Тай-цзуна, книжники, занявшие первые места на экзаменах, за десять лет могли дослужиться до должности императорского советника. В начале правления Жэнь-цзуна (1056–1063 гг.) из 39 человек, занявших 1–3-е места на экзаменах, только пятеро не получили высокие посты. Постепенно, с конца правления Жэнь-цзуна, ученый, занявший первое место, получал только должность помощника правителя области. Ко времени правления Ин-цзуна (1064–1067 гг.) для победителя на экзаменах занять высокую придворную должность уже считалось редкостью. На все посты назначали родственников высокопоставленных чиновников.

«Департамент церемоний ошибся в службе»⁸ («Ли сы ши чжи» 禮寺失職) содержит две истории об изменении географических названий. Первая – после захвата северной половины страны император приказал разделить южную провинцию Вандан (王當) на четыре региона. Чиновники, решив, что император приказал поменять название области, просто добавили названия новых областей к старой. Получилось длинное название, состоящее из шести иероглифов. После устранения путаницы ошибочное название закрепили как альтернативное. Вторая история о том, как во время постройки канала, объединяющего четыре уже существующих, министерство ритуалов решало, кто будет духом этого нового канала. Изначально хотели «назначить» нового духа канала, образовав имя от названий четырех каналов. Но первый министр сказал, что, когда кидани захватывали северную часть страны, только один из каналов шел

⁷ 卷九 [цзюань 9] // 容斋随笔 [записки Жун-чжая] // 识典古籍 [Интернет-архив «Изучение классической древней литературы»]. URL: https://www.shidianguji.com/book/SK1794/chapter/1kg1t9xhaimgi?page_from=searching_page&version=3 (дата обращения 27 января 2026).

⁸ 卷十 [цзюань 10] // 容斋随笔 [записки Жун-чжая] // 识典古籍 [Интернет-архив «Изучение классической древней литературы»]. URL: https://www.shidianguji.com/book/SK1794/chapter/1kg1t9ynqozka?page_from=searching_page&version=3 (дата обращения 27 января 2026).

волнами и мешал кочевникам продвигаться. Вода в других трех каналах, несмотря на все жертвоприношения местным духам, была спокойна и не представляла собой препятствия войскам. Поэтому «главным» стоит назначить именно духа первого канала.

В «Неофициальной истории господина Куна»⁹ («Кун ши е ши» 孔氏野史) Хун Май оспаривает запись из частных исторических хроник авторства Кун И-фу (孔毅甫, XI в.) о том, как чиновника эпохи Северная Сун Чжао Цинсяня (趙清獻) поймал городской¹⁰ на улице с певичками, из-за этого Чжао Цинсяня лишили должности. Потом из-за этого Чжао Цинсянь разругался с женой. Хун Май сомневается в этом, поэтому приводит в качестве примера многих известных чиновников, которые открыто развлекались с певичками и при этом сохраняли должности. Хун Май также демонстрирует примеры того, как чиновники после ночных гулянок не могли правильно составлять документы.

«Чжан Тяньцзюэ как человек»¹¹ («Чжан Тяньцзюэ вэй жэнь» 張天覺為人) – о карьере чиновника Чжан Шаньина (張商英). Автор приводит цитату из стихотворения, описывающую закономерность ухода в отставку или увольнения чиновников вместе с концом девиза правления. Однако, Чжан Шаньиню удавалось сохранять должность при четырех девизах правления, поскольку он не имел четких моральных ориентиров и потакал текущей политике, какова бы она ни была.

«От государственной службы осталось только название»¹² («Гуань чжи мин цунь» 館職名存) – о проблемах на пути карьерного роста талантливых чиновников. Хун Май сообщает, что в начале эпохи Сун должности в императорском книгохранилище занимали

⁹ 卷十五 [цзюань 15] // 容斋随笔 [записки Жун-чжая] // 识典古籍 [Интернет-архив «Изучение классической древней литературы»]. URL: https://www.shidianguji.com/book/SK1794/chapter/1kg1ta2o3cg85?page_from=searching_page&version=3 (дата обращения 27 января 2026).

¹⁰ В оригинале используется слово 邑尉 (Ба Вэй), оно означает служащего, отвечающего за безопасность в городе. Наиболее близкое слово в русском языке – «городовой».

¹¹ 卷十五 [цзюань 15] // 容斋随笔 [записки Жун-чжая] // 识典古籍 [Интернет-архив «Изучение классической древней литературы»]. URL: https://www.shidianguji.com/book/SK1794/chapter/1kg1ta2o3cg85?page_from=searching_page&version=3 (дата обращения 27 января 2026).

¹² 卷十六 [цзюань 16] // 容斋随笔 [записки Жун-чжая] // 识典古籍 [Интернет-архив «Изучение классической древней литературы»]. URL: https://www.shidianguji.com/book/SK1794/chapter/1kg1ta3cwtgl?page_from=searching_page&version=3 (дата обращения 27 января 2026).

достойные мужи, но постепенно чиновники начинают строить козни своим сослуживцам, докладывавать об их оплошностях, чтобы на место уволенного назначить своего сына. В годы Юаньфэн (元丰, 1078–1085 гг.) добавили девять новых должностей для того, чтобы решить эту проблему, но в результате талантливые книжники получили новое препятствие на карьерном пути. Новые должности были ниже старых, они лишь удлиняли путь по карьерной лестнице. С началом правления под девизом Чжэнхэ (правление императора Хуэй-цзуна, 1111–1118 гг.) подтасовка результатов экзаменов происходит уже открыто, на высокие должности назначают родственников высокопоставленных чиновников, даже если те плохо сдали экзамен.

«Смешные документы чиновников»¹³ («Ли вэнь кэ сяо» 吏文可笑) содержит несколько историй о том, как клише и формализмы оказывались важнее здравого смысла. Например, в отчете о храмовых служащих пишут «никогда не отпрашивались с работы», хотя монахи живут в монастыре постоянно. Чиновник, сдавший экзамен на должность, при общении со старшим по чину говорит «никогда не сдавал экзамен» для того, чтобы выказать свой невысокий статус и таким образом проявить уважение. Затем Хун Май рассказывает историю, произошедшую с ним во время службы. Один чиновник, для того чтобы забрать у конкурента должность, оклеветал его и отправил в тюрьму. В данном тексте Хун Май описывает, как он лично обнаружил несоответствие в документах, приказал освободить из заключения и начать расследование. Чиновники четко следовали предписаниям закона, которые гласили, в том числе, опросить всех родственников обвиняемого, занимали ли они государственные должности и были ли отстранены, сидели ли в тюрьме. В результате чиновники опрашивали годовалого ребенка, занимал ли он должность и бывал ли под стражей. Хун Май считает смешным допрос младенца.

«Увольнение с сохранением должности»¹⁴ («Дай чжи чжи ши» 帶職致仕) сообщает, что до годов правления под девизом Синин (правление Шэнь-цзуна, 1068–1077 гг.) если чиновник просился в отставку, его переводили на низкую должность, вероятно, для сохранения жалования. Обычно назначали на должность работника

¹³ 卷十六 [цзюань 16] // 容斋随笔 [записки Жун-чжая] // 识典古籍 [Интернет-архив «Изучение классической древней литературы»]. URL: https://www.shidianguji.com/book/SK1794/chapter/1kg1ta3czwtgl?page_from=searching_page&version=3 (дата обращения 27 января 2026).

¹⁴ 卷九 [цзюань 19] // 容斋随笔 [записки Жун-чжая] // 识典古籍 [Интернет-архив «Изучение классической древней литературы»]. URL: https://www.shidianguji.com/book/SK1794/chapter/1kg1t9xhaimgi?page_from=searching_page&version=3 (дата обращения 27 января 2026).

в книгохранилище. Название должности менялось несколько раз. Данный текст демонстрирует, что в Сун люди, не выполняющие никаких обязанностей, могли получать должность и жалование.

«Тайгуань и тайцзянь не видятся»¹⁵ («Тай цзянь бу сян цзянь» 台諫不相見) содержит несколько историй о том, как чиновникам, занимающим должности в министерствах, отвечающих за надзор (тайгуань 台官 и цзяньгуань 諫官, сокращенно именовавшиеся 台諫), запрещалось видеться друг с другом. В шестой год Цзяю (嘉祐, 1056–1063 гг.) Сыма Гуан (司馬光, 1019–1086 гг.) и Чэнь Чжу (陳洙, XI в.) оба занимали такие должности. При этом, прежде они вместе работали толкователями (直講, чжи цзян). Сыма Гуан организовал званый ужин для Хань Ци (韓琦, 1008–1075 гг.), на ужине присутствовал Чэнь Чжу. Хань Ци спросил у Чэнь Чжу, дружил ли тот прежде с Сыма Гуаном, тот ответил утвердительно. Затем Хань Ци спросил, общаются ли он теперь. Чжэнь Чжу ответил, что теперь им по должности запрещено общаться. Сыма Гуан запомнил произошедшую ситуацию как опасную для своей карьеры. Хун Май пишет, что тайгуаню и тайцзяню запрещено видиться с самого начала империи Сун. В годы Юаньфэн (元豐, 1078–1085 гг.) запрет распространялся также на Центральный секретариат (中書省, чжун шу шэн) и Совет двора (門下省, мэн ся шэн), но его отменили по просьбе Вэй Сяна (韋諷 1033–1105). В годы Юанью (元祐, 1086–1094 гг.) чиновников, которые только упоминали имена коллег при разговоре, могли уволить без разъяснения обстоятельств. На момент написания текста тайгуань и тайцзянь располагались в одном здании, но чиновникам по-прежнему было нельзя видиться и разговаривать друг с другом. Данный пассаж иллюстрирует превосходство формализма над практичностью. Чиновники, чтобы соответствовать правилам, вынуждены делать вид, что незнакомы со старыми друзьями и не общаться с сослуживцами, с которыми работают в одном здании.

Вывод

Как можно заметить из описанных примеров, бюрократический аппарат эпохи Сун имел множество недостатков. Избыток

¹⁵ 卷三 [цзюань 3] // [容斋续笔] [следующая кисть] // 识典古籍 [Интернет-архив «Изучение классической древней литературы»]. URL: https://www.shidianguji.com/book/SK1794/chapter/1kg1ta637s5ye?page_from=searching_page&version=3&refreshId=1769771483899¶graphId=7429498118854459443&contentMatch=1&keywords=%E8%87%BA%E8%AB%E4%B8%8D%E7%9B%B8%E8%A6%8B%2C%E8%AB%AB (дата обращения 30 января 2026).

должностей с похожими функциями; назначение на должности по принципу родства, а не за заслуги на экзаменах; безусловное превосходство гражданских чиновников над военными; превышение чиновниками своих полномочий и давление формализма над здравым смыслом; взяточничество. Всем вышеупомянутым проблемам можно найти подтверждение в «Записках Жун-чжая». Таким образом, можно сделать вывод, что недостатки государственного аппарата, описанные в хрониках, имели место быть на самом деле. С другой стороны, данная работа показывает, что тексты *бицзи* могут проиллюстрировать множество исторических процессов, так как являются не историческими документами, не официальными хрониками, а просто заметками о жизни. Они показывают жизнь прошлых лет с новой, «неформальной», стороны, дополняя уже имеющуюся информацию и иллюстрируя общеизвестные факты.

Литература

- Алаев, Ашрафян 2022 – История Востока. Т. 2: История Востока в средние века / Гл. ред. Л.Б. Алаев, К.З. Ашрафян. М.: Восточная литература, 2022. 716 с.
- Алимов 1996 – Алимов И.А. Вслед за кистью: Материалы к истории сунских авторских сборников бицзи: Исследования, переводы. Часть I. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. 267 с.
- Алимов 2022 – Алимов И.А. Опыт составления словаря сборников бицзи X–XIII. Часть 1 // Петербургское востоковедение: Альманах: юбилейный выпуск. СПб.: Петербургское востоковедение, 2022. С. 270–302.
- Алимов 2023 – Алимов И.А. Опыт составления словаря сборников бицзи XXIII в. Часть 2 // Петербургское востоковедение: альманах: Festschrift в честь М.Е. Кравцовой. СПб.: Петербургское востоковедение, 2023. С. 288–341.
- Алимов – Алимов И.А. Сунские авторские сборники бицзи: предварительные наблюдения. URL: <https://alimov.pvost.org/pages/txt/misc/biji.html> (дата обращения 27 января 2026).
- Алимов, Кравцова 2014 – Алимов И.А., Кравцова М.Е. История китайской классической литературы с древности и до XIII в.: поэзия, проза: в 2 ч. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014. 2 т. 1408 с.
- Алимов, Серебряков 2004 – Алимов И.А., Серебряков Е.А. Вслед за кистью: Материалы к истории сунских авторских сборников бицзи: Исследования, переводы. Часть II. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 448 с.
- Васильев 2021 – Васильев С.А. Реформаторское движение в Китае в эпоху династии Северной Сун // Вопросы теоретической экономики. 2021. №. 4. С. 121–137.
- Де Гроот 2018 – Гроот. Я.Я.М. де. Война с демонами и обряды экзорцизма в Древнем Китае / Пер. с англ. Р.В. Котенко. СПб.: Евразия, 2018. 352 с.

- История Китая 2016 – История Китая с древнейших времен до начала XXI в.: В 10 т. Т. 4: Период Пяти династий, Империя Сун, государство Ляо, Цзинь, Си Ся (907–1279) / Отв. ред. И.Ф. Попова. М.: Восточная литература. 2016. 942 с.
- Комаров 2013 – *Комаров Д.А.* Чиновничество в период Северная Сун: формирование элиты нового типа и смена парадигм развития // Общество и государство в Китае. 2013. №. 43. С. 205–221.
- Крюков и др. 1984 – *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). М.: Наука, 1984. 336 с.
- Лапина 1970 – *Лапина З.Г.* Политическая борьба в средневековом Китае (40–70-е гг. XI в.). М.: Наука, Гл. ред. восточной лит., 1970. 307 с.
- Рыбаков 2009 – *Рыбаков В.М.* Танская бюрократия. Часть 1: Генезис и структура. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009. 304 с.
- Ван Чжили 2014 – *Ван Чжили.* Сдерживание власти чиновников в Северной Сун (北宋官僚权力制约机制研究): Дис. ... д-ра ист. наук. Чжэнчжоу, 2014. 181 с.
- Гун Яньмин 2017 – *Гун Яньмин.* Словарь государственного аппарата династии Сун. Дополненное издание (宋代官制辞典 增补本). Китайское книгоиздательство (中华书局), 2017. 1028 с.
- Дэн Сяонань 1993 – *Дэн Сяонань.* Политика отбора и назначения чиновников эпохи Сун (宋代文官选任制度诸层面). Изд-во образования провинции Хэбэй (河北教育出版社), 1993. 254 с.
- Дэн Сяонань 2015 – *Дэн Сяонань.* Исследования истории Сун (宋代历史探求) // Изд-во Столичного пед. ун-та (首都师范大学出版社), 2015. 525 с.
- Лю Ецю 2011 – *Лю Ецю.* Обзор *бицзи* в хронологическом порядке (历代笔记概述). Пекинское изд-во (北京出版社), 2011. 244 с.
- Мяо Шумэй 1996 – *Мяо Шумэй.* Политика отбора и назначения чиновников и принципы контроля за их службой в эпоху Сун (宋代官员选任和管理制度). Изд-во Хэнаньского университета (河南大学出版社), 1996. 575 с.
- Чжан Хуэй 1993 – *Чжан Хуэй.* Исследование *бицзи* эпохи Сун (宋代笔记研究). Изд-во Педагогического университета Центрального Китая (华中师范大学出版社), 1993.
- Шан Юэ 1959 – Очерки по истории Китая / Под ред. Шан Юэ. М., 1959. 577 с.
- Шэнь Лювэй 2004 – *Шэнь Лювэй.* Толкование и перевод *бицзи* Тан и Сун (唐宋笔记小说译释). Тяньцзиньское изд-во древних книг (天津古籍出版社), 2004. 366 с.
- Gernet 1962 – *Gernet J.* Daily life in China, on the eve of the Mongol invasion, 1250–1276 / Translated from the French by H.M. Wright. Allen & Unwin, 1962. 254 p.
- Liu 1959 – *Liu James. T.C.* Reform in Sung China: Wang An-shih (1021–1086) and His New Policies. Cambridge, MA; New York: Harvard University Press, 1959. 140 p.
- Twitchett, Smith 2009 – *Twitchett D., Smith P.J.* The Cambridge History of China. Vol. 5: The Sung Dynasty and Its Precursors, 907–1279, Part 1 / Ed. by D. Twitchett, P.J. Smith. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 1128 p.
- Zuo Ya 2018 – *Zuo Ya.* Shen Gua's Empiricism. Cambridge, MA; London: Harvard University Asia Center, 2018. 333 p.

References

- Alaev, L.B. and Ashrafyan, K.Z. (eds.) (2022), *Istoriya Vostoka. T. 2: Istoriya Vostoka v srednie veka* [The History of the East, vol. 2: The History of the East in the Middle Ages], Vostochnaya literature, Moscow, Russia.
- Alimov, I.A. *Sunskie avtorskie sborniki bitszi: predvaritel'nye nablyudeniya* [Song author's collections of biji: preliminary observations], available at: <https://alimov.pvost.org/pages/txt/misc/biji.html> (Accessed 27 January 2026).
- Alimov, I.A. (1996), *Vsled za kist'yu: Materialy k istorii sunskikh avtorskikh sbornikov bitszi: Issledovaniya, perevody* [Following the brush: Materials for the history of the Song author's collections of biji. Research, translations], part I, Peterburgskoe Vostokovedenie, St. Petersburg, Russia.
- Alimov, I.A. (2022), "The experience of compiling a dictionary of biji collections X–XIII, part 1", *St. Petersburg Journal of Oriental Studies, almanac: an anniversary issue*, Peterburgskoe Vostokovedenie, St. Petersburg, Russia, pp. 270–302.
- Alimov, I.A. (2023), "The experience of compiling a dictionary of biji collections X–XIII, part II", *Petersburg Oriental Studies: almanac: Festschrift in honor of M.E. Kravtsova*, Peterburgskoe Vostokovedenie, St. Petersburg, Russia, pp. 288–341.
- Alimov, I.A. and Kravtsova, M.E. (2014), *The history of classical Chinese literature from the antiquity to the 13th century: poetry, prose*: in 2 parts, part 2, Peterburgskoe Vostokovedenie, St. Petersburg, Russia.
- Alimov, I.A. and Serebryakov, E.A. (2004), *Vsled za kist'yu: Materialy k istorii sunskikh avtorskikh sbornikov bitszi: Issledovaniya, perevody* [Following the brush: Materials on the history of Song author's collections of biji. Research, translations], part II, Peterburgskoe Vostokovedenie, St. Petersburg, Russia.
- Deng Xiaonan (1993), *The policy of selecting and appointing Song Era Officials* (宋代文官选任制度诸层面), Hebei Provincial Education Publishing House (河北教育出版社), China.
- Deng Xiaonan (2015), *Studies of the history of the Song* (宋代历史探求), Publishing House of the Capital Pedagogical University (首都师范大学出版社), China.
- Gernet, J. (1962), *Daily life in China, on the eve of the Mongol invasion, 1250–1276*, translated by Wright, H.M. (tranl. from the Fr.), Allen & Unwin, USA.
- Gong Yanming (2017), *Dictionary of the state apparatus of the Song Dynasty*, Expanded edition (宋代官制辞典 增补本), Chinese Book Publishing (中华书局), China.
- Groot, J.J.M. de (2018), *The war with demons and the rites of exorcism in Ancient China*, Kotenko, R.V. (transl. from English), Eurasia, St. Petersburg, Russia.
- Komarov, D.A. (2013), "Officialdom in the Northern Song period: the formation of a new type of elite and a change in development paradigms", *Society and the State in China*, vol. 43, part 1, pp. 205–221.
- Kryukov, M.V., Malyavin, V.V. and Sofronov, M.V. (1984), *Kitaiskii etnos v srednie veka (VII–XIII vv.)* [Chinese ethnos in the of the VII–XIII centuries], Nauka, Moscow, USSR.
- Lapina, Z.G. (1970), *Politicheskaya bor'ba v srednevekovom Kitae (40–70-e gg. XI v.)*. [Political struggle in medieval China (40–70s of the XI century)], Nauka, Gl. red. vostochnoi lit., Moscow, Russia.

- Liu, James T.C. (1959), *Reform in Sung China: Wang An-shih (1021–1086) and His New Policies*, Harvard University Press, Cambridge, MA; New York.
- Liu Yeqiu (2011), *Review of Biji in chronological order* (历代笔记概述), Beijing Publishing House (北京出版社), China.
- Miao Shumei (1996), *The policy of selecting and appointing officials and the principles of control over their service in the Song Era* (宋代官员选任和管理制度), Henan University Press (河南大学出版社), China.
- Popova, G.F. (ed.) (2016), *Istoriya Kitaya s drevneishikh vremen do nachala XXI v.: V 10 t. T. 4: Period Pyati dinastii, Imperiya Sun, gosudarstvo Lyao, Tsin', Si Sya (907–1279)* [The History of China from ancient times to the beginning of the XXI century in 10 vols., vol. 4: The Period of the Five Dynasties, the Song Empire, the state of Liao, Jin, Xixia (907-1279)], Vostochnaya literatura, Moscow, Russia.
- Rybakov, V.M. (2009), *Tanskaya byurokratiya. Chast' 1: Genezis i struktura* [The T'Ang bureaucracy. Part 1: Genesis and structure], Peterburgskoe Vostokovedenie, St. Petersburg, Russia.
- Shang Yue, N. (ed.) (1959), *Ocherki po istorii Kitaya* [Essays on the history of China], Moscow, USSR.
- Shen Liuwei (2004), *Interpretation and translation of Tang and Song era Biji* (唐宋笔记小说释译), Tianjin Publishing House of Ancient Books (天津古籍出版社), China.
- Twitchett, D. and Smith, P.J. (eds.) (2009), *The Cambridge History of China*, vol. 5: The Sung Dynasty and Its Precursors, 907–1279, part 1, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Vasiliev, S.A. (2021), "The reform movement in China during the Northern Song Dynasty", *Voprosy Teoreticheskoy Ekonomiki*, no. 4, pp. 121–137.
- Wang Zhili (2014), *Restraining the power of officials in the Northern Song* (北宋官僚权力制约机制研究), D. Sci. Thesis, Zhengzhou, China.
- Zhang Hui (1993), *A study of the Biji of the Song era* (宋代笔记研究), Publishing House of the Pedagogical University of Central China (华中师范大学出版社).
- Zuo Ya (2018), *Shen Gua's Empiricism*, Harvard University Asia Center, Cambridge, MA; London.

Информация об авторе

Елена Д. Афанасьева, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; aflena144@gmail.com

Information about the author

Elena D. Afanaseva, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6/6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; aflena144@gmail.com

Политика Китайской Народной Республики в отношении Тайваня в условиях трансформации международной обстановки (2022–2025)

Иван С. Светозаров

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, ivansv03@gmail.com*

Аннотация. В период с 2022 по 2024 г. внешнеполитическая стратегия Китая в отношении Тайваня претерпела значительные изменения на фоне трансформации международной обстановки, особенно в Европе и Азии. Китай, будучи второй экономикой мира и ключевым региональным игроком, вступил в новую эпоху построения социализма с китайской спецификой, где основной движущей силой выступает Коммунистическая партия Китая. Присоединение Тайваня к материковому Китаю всегда была одной из приоритетных задач для руководства КНР, однако с приходом к власти Си Цзиньпина внимание к этому вопросу усилилось. На фоне глобальных изменений, а также процессов протекающих непосредственно внутри Китайской Народной Республики трансформируется подход Пекина в отношении администрации острова, а также населения Тайваня в целях оказания влияния и достижения цели возвращения острова мирным путем. Исторически Тайвань терял широкую дипломатическую поддержку, но оставался под неформальным протекторатом США. Этот фактор вынуждает Пекин разрабатывать комплексную стратегию, сочетающую экономическое, информационное и дипломатическое давление. Политика Китая на современном этапе отличается гибкостью и напористостью, что подчеркивает стремление к решению тайваньского вопроса в интересах национального единства и защиты государственного суверенитета.

Ключевые слова: Китай, внешняя политика, международные отношения, Тайвань, США, Коммунистическая партия, государственный суверенитет, дискурсивная сила

Для цитирования: Светозаров И.С. Политика Китайской Народной Республики в отношении Тайваня в условиях трансформации международной обстановки (2022–2025) // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские

исследования. История. Политология. Международные отношения». 2026. № 2. С. 92–104. DOI: 10.28995/2686-7648-2026-2-92-104

The policy of the People's Republic of China towards Taiwan in the context of the transformation of the international situation (2022–2025)

Ivan S. Svetozarov

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, ivansv03@gmail.com*

Abstract. Between 2022 and 2024, China's foreign policy strategy toward Taiwan underwent significant changes amid transformations in the international environment, particularly in Europe and Asia. As the world's second-largest economy and a key regional actor, China has entered a new era of building socialism with Chinese characteristics, in which the Communist Party of China serves as the primary driving force. One of the priority objectives of China's foreign policy has been the return of Taiwan to the People's Republic of China. Against the backdrop of global changes, as well as processes unfolding within the People's Republic of China itself, Beijing's approach toward both the island's administration and the population of Taiwan has been evolving, with the aim of exerting influence and achieving reunification through peaceful means. Historically, Taiwan has experienced a decline in broad diplomatic support while remaining under the informal protection of the United States. This factor compels Beijing to develop a comprehensive strategy combining economic, informational, and diplomatic pressure. At the current stage, China's policy is characterized by flexibility and assertiveness, underscoring its determination to resolve the Taiwan issue in the interests of national unity and the protection of state sovereignty.

Keywords: China, foreign policy, international relations, Taiwan, USA, Communist Party, state sovereignty, discourse power

For citation: Svetozarov I. S. (2026), "The policy of the People's Republic of China towards Taiwan in the context of the transformation of the international situation (2022–2025)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series*, no. 2, pp. 92–104, DOI: 10.28995/2686-7648-2026-2-92-104

Введение

Американский политолог Джон Миршаймер ввел понятие «наступательного реализма» (offensive realism), которое означает, что

крупные державы стремятся к постоянному расширению своего влияния для обеспечения максимальной безопасности своего суверенитета. Зачастую крупные и мощные государства, пользуясь риторикой защиты своего суверенитета могут выходить в своих наступательных действиях за пределы своего реального суверенитета, что нельзя сказать о тайваньской проблеме Китайской Народной Республики. Статус острова претерпел значительные изменения за свою историю – от японской колонии до самостоятельного государства, имевшего членство в ООН. Однако современный Китай в лице КНР никогда не признавал остров отдельным государством, а задача присоединения острова стала одним из важнейших векторов современной политики Пекина. Тем не менее несмотря на то, что Тайвань не признает абсолютное большинство стран мира, главный соперник Китая на международной арене – Соединенные Штаты Америки – оказывает всяческую поддержку администрации острова¹. С момента прихода к власти Си Цзиньпина в 2013 г. возвращение острова в «лоно Родины» стало важнейшей задачей политики современного поколения чиновников КНР. В инициированных председателем Си политических решениях и идеях вопрос Тайваня является одним из ключевых направлений в политике КНР. Решение этого геополитического вопроса входит в рамки китайской мечты о великом китайском возрождении и других важных инициатив Пекина². Обострение ситуации прослеживалось еще во времена президентства Дональда Трампа, но с приходом к власти в Вашингтоне Джо Байдена, обострением международной ситуации и возвращением в Белый Дом администрации Трампа обстановка в проливе между китайской провинцией Фуцзянь и островом Тайвань начала накаляться и привлекать широкое внимание международной общественности.

Возрастает и возможность применения военной силы. Данный фактор может иметь ключевое значение в отношениях между странами-постоянными членами Совбеза ООН, а именно между КНР и США, которые преследуют свои интересы в регионе АТР. В целях предотвращения украинского сценария, страны делают ставку на

¹ 国际关系领域术语 进攻性现实主义 [Терминология в сфере международных отношений. Наступательный реализм] // Baidu. URL: https://baike.baidu.com/item/进攻性现实主义/6919534?fr=ge_al (дата обращения 9 сентября 2025).

² Си Цзиньпин. Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства: Доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая. 16 октября 2022 г. (дата обращения 9 сентября 2025)

гибридную войну, где риторика политических институтов играет большую роль, как составная часть борьбы в информационном и дипломатическом поле.

Данная исследовательская работа представляет обзор китайской политики в отношении острова в контексте современной международной обстановки и анализ динамики изменений и выявление новых стратегий Пекина.

Исторический аспект

История отношений между Китайской Народной Республикой (КНР) и Тайванем берет начало в 1949 г., когда после победы коммунистов в гражданской войне правительство Китайской Республики во главе с Чан Кайши эвакуировалось на Тайвань. С этого момента остров стал временной столицей Китайской Республики, но Пекин продолжает считать Тайвань неотъемлемой частью Китая. Роль США в тайваньском вопросе была и остается определяющей. В 1954 г. был заключен Договор о взаимной обороне между США и Тайванем, который обязал стороны защищать друг друга в случае нападения [Головачёв 2018]. Этот договор стал основой военной поддержки Тайваня вплоть до 1979 г., когда США официально признали КНР как единственное легитимное правительство Китая. Однако, отменив договор, Вашингтон принял Закон о взаимоотношениях с Тайванем. Этот акт сохранил оборонительное сотрудничество и поставки вооружений Тайбэю, что поддерживает стратегическую значимость Тайваня для США. В 1982 г. на 5-й сессии ВСНП 5-го созыва была принята новая Конституция КНР, в которой говорится: «Тайвань является частью священной территории Китайской Народной Республики». Свершение великого дела объединения Родины – священный долг всего китайского народа, в том числе и наших соотечественников на Тайване³.

Важной вехой в отношениях между КНР и Тайванем стали Соглашения 1992 г. (известные как «Консенсус 1992 г.»)⁴. На неформальной встрече представителей обеих сторон была достигнута договоренность

³ Конституция Китайской Народной Республики (принята на V сессии ВСНП КНР пятого созыва 4 декабря 1982 г.) // Конституции Китайской Народной Республики 1954, 1975, 1978, 1982 гг. М.: Наука: ГРВЛ, 1983. С. 71.

⁴ «Консенсус 1992 г.» – это термин, появившийся в 1992 г. после встречи представителей Китайской Народной Республики и Тайваня, обозначающий договоренность обеих сторон приверженность принципу «одного Китая».

о признании концепции «одного Китая», но с разным толкованием. Тайвань интерпретировал это как сохранение статуса Китайской Республики, а Пекин – как шаг к будущему объединению. Это событие до сих пор является одним из основных событий, к которым апеллирует КПК. Еще одним важным пунктом является формула Дэн Сяопина «одно государство – два строя», впервые выдвинутая в 1982 г.⁵ Суть данной формулы сводится к тому, что части Китая, претендующие на какой-либо суверенитет, могут сохранять в том или ином виде автономность, будучи при этом частью одного – большого Китая. Пользуясь данной формулой как важной составляющей воссоединения всех частей Китая, Пекину удалось вернуть под свой контроль Сянган и Аомэнь. Однако особенностью Тайваня является политическая и историческая специфика. Воссоединение Макао и Гонконга в соответствии с формулой «одно государство – две системы» было примером мирного решения проблем сепарации регионов. КНР обязуется предоставить права автономий на территориях специальных административных районов. Однако мы не можем приравнивать проблему Тайваня с процессом возвращения суверенитета над Гонконгом и Макао, так как исторические и политические особенности существования этих районов в качестве колоний других государств сильно отличаются от ситуации с Тайванем. Однако с приходом к власти на острове ДПП (Демократическая прогрессивная партия), усилия по достижению суверенитета возросли, в то время как партия Гоминьдан начала занимать более консервативные позиции в целях сохранения безопасности и предотвращения рисков военной эскалации в проливе. Вашингтон, стремясь к сдерживанию амбиций Пекина в регионе, активно сотрудничает с ДПП. Тем не менее Китайская Народная Республика не стремится решать вопрос военным путем, хотя и не исключает и подобный вариант развития событий. В этой связи Пекину необходимо разрабатывать иные способы давления на остров на этапе, который Си Цзиньпин обозначил «новой эпохой».

Интеграционные стратегии:

социально-экономические меры Китая в отношении Тайваня

Одной из основных мер является всеобъемлющая интеграция острова в жизнь материка, в том числе в сфере культуры, туризма, образования и экономики. Данная мера выполняет сразу нескольких

⁵ 邓小平. 一国两制的构想 [Дэн Сяопин. Концепция «одно государство – два строя»] // 邓小平文选 [Избранные произведения Дэн Сяопина]. Т. 3. 北京: 人民出版社, 1993. С. 11–18.

функций – формирование имиджа добрососедского государства, настроенного на мирный решение проблем. С другой стороны, переплетение всех сфер жизни двух частей Китая для обладания большим количеством рычагов влияния и факторов сдерживания. Основным инструментом интеграции выступает прибрежная провинция КНР Фуцзянь. Исторически она имела тесные контакты с островом, а большинство китайских переселенцев на Тайване – выходцы этой провинции. В политике Китая Фуцзянь должен играть основную роль в интеграции острова в жизнь материка⁶.

Канцелярия по делам Тайваня Государственного совета КНР, которая является главной организацией по проблеме Тайваня на материке, на своих официальных сайтах публикует информацию о совместных пресс-конференциях, научных симпозиумах, торгово-экономических комиссиях между островом и материком. Официальные лица и официальные ресурсы обрисовывают положительную картину совместного сотрудничества, предоставляя соответствующую статистику. Тем не менее, изучая материалы на иных ресурсах, в том числе из американских и тайваньских источников, мы приходим к выводу, что Пекин готов сотрудничать далеко не на всех уровнях и только на своих условиях. Китай активно привлекает тайваньских студентов, упрощая при этом процесс подачи заявок и увеличивая количество бюджетных мест для выходцев из Тайваня,⁷ что небезосновательно вызывает обеспокоенность со стороны тайваньской администрации.

Похожие меры предпринимаются в сфере туризма и культурного обмена. Примечательно, что подобные обмены проводятся не только с провинцией Фуцзянь, но и с северо-восточными областями Китая. С одной стороны, исследуя статьи и заявления, опубликованные на официальных сайтах политических институтов КНР, складывается впечатление, что Коммунистическая партия Китая выступает за диалог, мирные переговоры и сотрудничество

⁶ *Си Цзиньпин*. Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства: Доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая. 16 октября 2022 г. // CGTN. URL: ru.sjld23-20221025.pdf

⁷ 刘锦. 十年来内地（大陆）高校港澳台生数量增长51% [Лю Цзинь .За последние десять лет количество студентов из Гонконга, Макао и Тайваня в материковых университетах выросло на 51%] // Министерство образования Китайской Народной Республики]. 2022. URL: http://www.moe.gov.cn/fbh/live/2022/54857/mtbd/202209/t20220921_663474.html (дата обращения 5 октября 2025).

с администрацией острова. Однако, изучая вопросы, которые освещаются в китайских СМИ не так подробно, мы приходим к выводу, что Пекин не так последователен в своей политике в отношении острова, как может показаться на первый взгляд. КНР достаточно жестко отвечает на действия острова, которые, по мнению КПК, угрожают национальной безопасности и не отвечают чаяниям жителей острова и материка [Зайнуллин 2023].

Одними из подобных мер можно называть экономическую политику Пекина. Зависимость Тайваня от экономики Китая вызывает обеспокоенность среди тайваньской общественности и правительства, что побуждает переходить к диверсификации внешней торговли, особенно в сторону Юго-Восточной и Южной Азии. Однако этот процесс идет медленно из-за недостаточной государственной финансовой поддержки. В ответ на это Китай применяет экономическое давление через пошлины и ограничения на тайваньские товары⁸, одновременно предлагая интеграцию через совместные проекты, инвестиции и поддержку образовательных обменов. Политика Китая в отношении Тайваня остается неоднозначной: с одной стороны, подчеркиваются усилия по укреплению связей, с другой – вводятся меры, ограничивающие экономические и туристические контакты. Это отражает попытки Китая создать образ миролюбивого государства, задействуя официальные каналы.

Дискурсивная борьба как приоритетный метод давления на остров

При рассмотрении и анализе внешней политики Китайской Народной Республики важно исследовать дипломатический язык и документационную базу, на которую опирается власть страны. КНР позиционирует себя как правовое государство, действующее в рамках справедливого и честного диалога [Сонин 2016].

Китай во многом опирается на официальные заявления и документы для объяснения причин своих действий, именно поэтому при изучении политики Китая необходимо уделить внимание официальной риторике страны на международном уровне. Дискурсивная реакция Китая на визит Нэнси Пелоси на Тайвань в августе

⁸ 台当局长期单方面限制大陆2400多项产品输台[Власти Тайваня в долгосрочном одностороннем порядке ограничили экспорт более 2400 товаров с материка на Тайвань] // Управление по делам Тайваня Государственного совета. URL: http://www.gwytb.gov.cn/xwdt/xwfb/wyly/202304/t20230412_12526165.htm (дата обращения 5 октября 2025).

2022 г. была ярким примером использования резкой риторики для утверждения своей позиции в международной политике. Китай выразил свое несогласие с визитом через заявления официальных представителей, которые назвали его “опасной провокацией” и “отвратительным фарсом”, заявив, что США используют демократию как прикрытие для своих политических интересов. Пресс-секретарь Министерства иностранных дел Хуа Чуньин заявил: «В этом отвратительном фарсе демократия – всего лишь дешевый инструмент и прикрытие, используемое Соединенными Штатами»⁹.

Отметим, что Китай, несмотря на жесткую риторику, не прибег к радикальным мерам, что также имеет важное значение в контексте дискурсивной стратегии. Вместо этого Пекин объявил о военных учениях и приостановил сотрудничество с США по ряду направлений, таких как региональная безопасность и климат. Представитель МИД КНР Чжао Лицзянь заявил: «Китай примет решительные и мощные меры для решительной защиты своего национального суверенитета и территориальной целостности»¹⁰.

Это может свидетельствовать о том, что Китай использует такие меры не столько для конкретного воздействия на США, сколько для усиления своей дипломатической и военной позиции через символические шаги. Кроме того, в преддверии 20-го съезда Коммунистической партии Китая был опубликован новый документ – Белая книга «Тайваньский вопрос и объединение Китая», в которой КНР продолжает настаивать на своих правах на остров, акцентируя внимание на его исторической связи с материком. В этом контексте Белая книга подчеркивает: Тайваньская проблема была и остается важнейшим вопросом в китайской политике и национальной безопасности¹¹.

⁹ 外交部发言人就佩洛西窜访台湾回答记者提问 [Пресс-секретарь МИД ответил на вопросы журналистов по поводу визита Пелоси на Тайвань] // Управление по делам Тайваня Государственного совета. 2022. URL: http://www.gwytb.gov.cn/bmst/202208/t20220804_12458081.htm (дата обращения 11 октября 2025).

¹⁰ 赵立坚：美方应立即取消佩洛西访台计划 [Чжао Лицзянь: США должны немедленно отменить план Пелоси посетить Тайвань] // Управление по делам Тайваня Государственного совета. 2022. URL: http://www.gwytb.gov.cn/bmst/202204/t20220408_12424771.htm (дата обращения 1 ноября 2025).

¹¹ 台湾问题与新时代中国统一事业 [Проблема Тайваня и дело воссоединения Китая в эпоху новой эпохи] // 新华社 [Синьхуа]. 10 августа 2022 г. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2022-08/10/content_5704839.htm (дата обращения 11 октября 2025).

Показательным примером того, как внешнеполитический дискурс призван служить интересам Китая мы можем увидеть на примере подробного анализа текста доклада Си Цзиньпина на 20-м съезде КПК и нюансов его перевод на разные языки. Проблема доклада 20-го съезда КПК заключается в расхождении между китайским оригиналом речи Си Цзиньпина и ее официальными переводами. Например, фраза «中国共产党已走过百年奋斗历程» в английской версии звучит как “Since its founding a century ago, the Communist Party of China has taken a remarkable journey”¹², что смягчает слово «奋斗» (борьба) в китайском оригинале, заменяя его на “journey”. Это размывает агрессивный акцент на борьбе, создавая впечатление более миролюбивого Китая. Подобное встречается и в военной риторике: китайская версия утверждает «решительно переориентировать работу армии на подготовку к войне» (备战打仗)¹³, в то время как английский перевод – “focus the military’s attention on combat readiness” – звучит менее решительно. Это позволяет сохранить имидж Китая как миролюбивой державы, но с готовностью защищать свои интересы. Разные переводы ориентированы на разные аудитории: внутренним читателям подается образ решительного лидера, а внешним – более миролюбивое сообщение.

Стратегия информационного влияния

В контексте дискурсивной борьбы Китай уделяет особое внимание информационной политике, которая отличается многоканальностью. С одной стороны, Китай расширяет свое присутствие в странах «Глобального Юга», в первую очередь в таких регионах как Африка, Южная Америка, Океания. В отношении информационного взаимодействия прочной опорой выступают многосторонние форматы, позволяющие Пекину институционализировать собственные политические концепты. Форум Китай–Африка (FOCAC), Форум Китай – Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна (CELAC) и Форум китайско-арабского сотрудничества (CASC) стали площадками, через которые Китай последовательно внедряет такие элементы своего внешнеполитического дискурса, как «сообщество единой судьбы человечества»,

¹² Full text of the report to the 20th National Congress of the Communist Party of China // Ministry of Foreign Affairs of the People’s Republic of China. Beijing, 2022. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/zxxx_662805/202210/t20221025_10791908.html (дата обращения 1 ноября 2025).

¹³ Ibid.

непризнание универсальности западных норм демократии, принцип невмешательства и необходимость «независимого выбора пути развития» [Thibaut 2022]. Эти форматы служат не только дипломатическими инструментами, но и каналами распространения нормативной базы, закрепляющей легитимность китайского видения международного порядка. Не случайно именно на этих площадках государства Латинской Америки, Африки и Ближнего Востока выражали поддержку Китаю по ключевым для него внешнеполитическим вопросам, в том числе и по вопросу Тайваня. Данная тактика дополняется усилиями Пекина на дипломатической арене. За последние годы Пекину удалось переманить на свою сторону несколько дипломатических союзников Тайбэя, в числе которых Сальвадор, Доминиканская Республика, Панама, Никарагуа, Гондурас и так далее. Это очень важный шаг, так как признание КНР как единственного Китая автоматически означает признание официальной позиции Китая. Это подтверждают и слова президента государства Науру, которое разорвало дипотношения с Тайванем 15 января 2024 г. прямо во время выборов новой администрации острова.

...Республика Науру больше не будет признавать Китайскую Республику – Тайвань как отдельную страну, считая ее неотъемлемой частью территории Китая. С 15 января 2024 г. Науру разрывает дипломатические отношения с Тайванем и больше не будет иметь с ним никаких официальных отношений¹⁴.

Помимо легитимизации своей позиции по международным информационным каналам Китай последовательно выстраивает стратегию информационного сдерживания Тайбэя. Пекин сочетает экономическое стимулирование и угрозы ограничения доступа к китайскому медиарынку для давления на тайваньские медиакорпорации, одновременно активизируя дезинформационные и пропагандистские кампании в предвыборные периоды, что особенно наглядно проявилось накануне президентских выборов 2020 и 2024 гг.¹⁵ Как отмечают некоторые исследователи, подобные

¹⁴ Науру разорвала дипломатические отношения с Тайванем, признав остров частью КНР // ТАСС. 2024. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19729085> (дата обращения 1 ноября 2025).

¹⁵ Hong B. China's United Front has worked behind the scenes for decades to convince Taiwan's elite that their country should welcome a takeover by Beijing a// Daily Beast. URL: <https://www.thedailybeast.com/chinas-real-invasion-of-taiwan-has-already-started-through-the-united-front> (дата обращения 1 ноября 2025).

практики вписываются в более широкий концепт «международной дискурсивной силы» КНР, предполагающий системное формирование выгодных для Пекина нарративов и когнитивных рамок восприятия Китая за пределами его национальных границ [Лексютин 2023]. Существенную роль в этой стратегии играет целенаправленное использование социальных сетей, инфлюенсеров и координированных онлайн-кампаний, а также институциональное взаимодействие между Управлением Единого фронта и Управлением киберпространства КНР, ориентированное на «руководство политической мыслью» в цифровом пространстве¹⁶. Финансовая устойчивость и масштаб деятельности таких медиаструктур, как агентство «Синьхуа», дополнительно подтверждают, что информационные операции рассматриваются Пекином как ключевой элемент внешнеполитического дискурса и важнейший инструмент формирования информационной повестки в тайваньском направлении.

Заключение

Тайваньский вопрос остается важнейшим элементом стратегии Китая в рамках концепции «Возрождения китайской нации». Политика Пекина сочетает мягкие методы интеграции, такие как образовательные программы и культурные обмены, с жесткими рычагами давления, включая экономическое и военное воздействие. Однако Тайвань настороженно воспринимает эти меры, видя в них политические мотивы. США играют ключевую роль в поддержке Тайваня, что усиливает напряженность в отношениях с Китаем. Американская помощь администрации острова формирует основу для продолжения конфликта интересов в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Эта динамика усугубляется демонстрацией Пекином своей готовности к решительным действиям при сохранении внешнего имиджа миролюбивой державы. Использование Китаем дипломатического дискурса, включая публикацию ключевых документов, таких как Белая книга по тайваньскому вопросу, отражает двойственную стратегию. На внутреннюю аудиторию направлены призывы к борьбе за воссоединение, а на международную – стремление к диалогу. Будущее тайваньского вопроса будет зависеть

¹⁶ 中央统战部、中央网信办召开网络人士统战工作会议 [Отдел Единого фронта ЦК КПК и Управление киберпространства ЦК КПК провели совещание по работе Единого фронта с представителями интернет-общества] // 统战新语 [Tongzhan Xinyu]. 2019. URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/66zaCi7CLVwhbiG8YGCNJw> (дата обращения 1 ноября 2025).

от способности сторон избегать прямой конфронтации в условиях нарастающей гибридной войны.

Несмотря на то, что стратегии Пекина остаются по большому счету неизменными, их эффективность может быть подвержена сомнению из-за стремительно меняющейся политической конъюнктуры, в том числе и на острове. С одной стороны, остров продолжает терять своих дипломатических союзников, с другой стороны, партия ДПП третий раз подряд выигрывает выборы. С одной стороны, взаимозависимость экономики материка и острова играет на руку Пекину, с другой стороны, Тайбэй стремится к диверсификации своих торговых партнеров лишая КНР рычага давления. Таким образом несмотря на то, что для КНР важно решить тайваньский вопрос в скором порядке и мирным путем, эффективность используемых Пекином мер остается под вопросом, так как изменить политический ландшафт на острове пока не удастся. Тем не менее можно сделать вывод, что в ближайшей перспективе, по мере развития информационных технологий, Китай будет диверсифицировать методы влияния в данной сфере. В условиях ограниченной эффективности ранее применявшихся Пекином инструментов воздействия КНР вынуждена искать и разрабатывать концептуально новые подходы.

Литература

- Головачев 2018 – Головачев В.Ц. Захват танкера «Туапсе»: американский «гамбит», побочные эффекты и Договор о взаимной обороне с Тайванем // Россия и АТР. 2018. № 3 (101). С. 95–110.
- Зайнуллин 2023 – Зайнуллин Т.Р. Тайваньский вопрос в отношениях между США и КНР на современном этапе (2016–2022 гг.) // Человеческий капитал. 2023. № 6 (174). С. 73–80.
- Лексютина, Юаньцзе 2023 – Лексютина Я.В., Юаньцзе Ю. Концепт международной дискурсивной силы в идеологии внешней политики Китая // Российско-китайские исследования. 2023. Т. 7. № 4. С. 367–380.
- Сонин 2016 – Сонин В.В. Правление государством на основе закона: истоки, содержание и перспективы китайского варианта правового государства // Lex Russica. 2016. № 9 (118). Р. 99–113.

References

- Golovachev, V.Ts. (2018), "Capture of Tanker 'Tuapse': American Gambit, Side Effects and the US-ROC Mutual Defense Treaty", *Russia and the Pacific*, no. 3 (101), pp. 95–110.

- Leksutina, Ya.V. and Yuanjie, Yu. (2023), "The Concept of International Discursive Power in the Ideology of China's Foreign Policy", *Russian and Chinese Studies*, vol. 7, no. 4, pp. 367–380.
- Sonin, V.V. (2016), "State Governance on the Basis of the Law: The Origins, Content and Perspectives of the Chinese Model of the Rule-of-law State", *Lex Russica*, no. 9 (118), pp. 99–113.
- Zainullin, T.R. (2023), "The Taiwan question in relations between the USA and PRC at the present stage (2016-2022)", *Human capital*, no. 6 (174), pp. 73–80.

Информация об авторе

Иван С. Светозаров. Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; ivansv03@gmail.com

Information about the author

Ivan S. Svetozarov, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6/6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; ivansv03@gmail.com

Социальное страхование по причине безработицы: меры по стабилизации занятости в КНР

Полина В. Котлярова

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, kotlyarova@yandex.ru*

Аннотация. В настоящей статье будет рассмотрена система социального страхования Китайской народной Республики, а точнее одна из ее частей – страхование по причине безработицы. Этот вид страхования будет рассматриваться со стороны политики Китая о повышении и стимуляции занятости среди населения. Для изучения данной темы содержание статьи будет сосредоточено на следующих сторонах данной политики: на кратком изложении процесса формирования системы страхования по безработице до ее состояния на 2025 г., на ключевых принципах политики и схеме ее функционирования, на достигнутых результатах, планах развития и существующих проблемах и недочетах, а также на возможных методах решения, которые предлагаются теми, кто изучает данный вопрос.

Материалами для данной статьи послужили официальные уведомления и отчеты министерства трудовых ресурсов и социального обеспечения с официального сайта правительства КНР, записи интервью с представителями соответствующих государственных органов и их ответы на вопросы репортеров, ответы ведомств на уточняющие вопросы жителей относительно процедуры получения страхового пособия, а также статьи исследователей данной темы из Китая и России.

Ключевые слова: социальное страхование, безработица, стабилизация занятости, пособие по безработице, КНР

Для цитирования: Котлярова П.В. Социальное страхование по причине безработицы: меры по стабилизации занятости в КНР // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2026. № 2. С. 105–115. DOI: 10.28995/2686-7648-2026-2-105-115

Unemployment social insurance: PRC employment stabilization measures

Polina V. Kotlyarova

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russia, kotlyarovapv@gmail.com

Abstract. The article is dedicated to the study of social insurance system of People's Republic of China, to be precise to the study of one of the system's parts – unemployment social insurance. This type of social insurance will be viewed from the standpoint of China's policy on increasing and stimulating employment among the population. To study this topic, the content of the article will focus on the following aspects of this policy: on a summary of the process of formation of the unemployment insurance system until its state up to the year 2025, on a key principles of policy and scheme of its operation, results achieved, development plans and existing problems and shortcomings, as well as possible solutions proposed by those studying the issue.

The materials for this article were official notifications and reports of the Ministry of Labor and Social Welfare from the official website of the PRC government, recordings of interviews with representatives of relevant state bodies and their answers to reporters' questions, answers to the questions of residents about the procedure for obtaining insurance benefits, as well as articles from researchers on this topic from China and Russia.

Keywords: social insurance, unemployment, employment stabilization, unemployment benefit, PRC

For citation: Kotlyarova, P.V. (2026) "Unemployment social insurance: PRC employment stabilization measures", *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series*, no. 2, pp. 105–115, DOI: 10.28995/2686-7648-2026-2-105-115

Введение

Система социального страхования в современном мире играет важную роль в благосостоянии населения и стабильности общества. Она является важным подспорьем для граждан, которые переживают сложные времена, будь то безработица, болезнь, потеря кормильца и т. д. Дополнительно это система помогает и тем гражданам, которые являются представителями уязвимой части населения – лицам с ограниченными возможностями и пожилой части

населения. Существование такой системы субсидий позволяет бороться с нищетой и смертностью, продвигать здоровую жизнь и поощрять занятость.

Особый интерес для данной статьи представляет система страхования от безработицы в Китайской Народной Республике. Исследовательский интерес к данной теме выражается в значительном изменении стиля жизни населения после периода пандемии. Эпидемия коронавируса стала не только значительным испытанием для системы субсидирования по причине массовой безработицы, но и повлияла на появление многих новых типов профессий, которые, по причине их отличного принципа функционирования через различные онлайн-платформы, не включены в перечень системы страхования. Дополнительный интерес обуславливается и развитием самого Китая, его экономическим ростом.

С целью систематизации и определения актуальных подходов КНР в борьбе с безработицей будут использованы следующие методы: анализ документов, системный и историко-логический анализ.

Формирование системы страхования по причине безработицы

Система социального страхования по причине потери рабочего места в Китайской Народной Республике начала свое формирование в 1980-х гг. с издания «Временных правил страхования на случай безработицы для рабочих и служащих государственных предприятий». Документом утверждались четыре категории лиц, которые могли претендовать и запрашивать пособие по безработице: рабочие предприятий-банкротов; сокращенные предприятием в период санации; труженики с расторгнутыми предприятиями трудовыми договорами; уволенные работники. Дальнейшее расширение социальной функции этого страхования произошло лишь в 1999 г., когда появился инструментарий содействия дальнейшему трудоустройству для безработных. В 2005 г. к системе содействия трудоустройству добавили такие статьи расходов как: субсидии на профессиональное обучение, на трудоустройство, на социальное страхование и микрокредитование. Серьезное развитие система страхования по безработице, как и сама проблема нетрудоустроенных, получила в 2008 г., когда КНР приняла решение о трансформации экономической системы в результате мирового кризиса. В этот год Министерство финансов совместно с Главным государственным налоговым управлением издали «Уведомление о принятии активных мер по облегчению бремени предприятий и стабилизации ситуации с занятостью».

В 2014 г. уже четырьмя ведомствами издается «Уведомление по вопросам поддержки страхованием стабильности рабочих мест на предприятиях», которое считают официальным стартом политики по предотвращению безработицы [Не Яо 2019]. Год эпидемии – 2020 г. – стал переломным в процессе развития системы страхования по безработице, число только зарегистрированных безработных в этот год достигло 11,6 млн человек. В 2021 г. это число увеличилось до 228,44 млн человек и из этого числа только 24,9% смогли получить пособия, при этом охват системы страхования тоже оставлял желать лучшего, на 2021 г. он достиг цифры лишь в 49,08% [Гу Тин 2023]. Правительство КНР прекрасно понимает сложившуюся ситуацию и продолжает работу по увеличению охвата системы социального страхования и повышению качества выдаваемых субсидий. В апреле 2025 г. Министерство трудовых ресурсов и социального обеспечения, Министерство финансов и Налоговое бюро выпустили «Уведомление о продолжении реализации политики страхования по безработице с целью укрепления благосостояния населения», где выделяется пять основных пунктов продолжения политики: продолжить реализацию мер по поддержке занятости; продолжить субсидирование профессионального обучения/повышения квалификации в рамках политики продвижения занятости; продолжить обеспечение минимального уровня жизни для безработных; укрепить процессы исполнения и организацию системы страхования; усилить систему противодействия рискам внутри фонда¹.

Функционирование системы страхования по безработице

Данная часть статьи будет в основном опираться на официальный документ «Положение о страховании по безработице» с официального сайта Министерства трудовых ресурсов и социального обеспечения Китайской Народной Республики².

¹ 人力资源社会保障部 财政部 税务总局关于延续实施失业保险稳岗惠民政策措施的通知, 2025 [Министерство трудовых ресурсов и социального обеспечения, Министерство финансов и Налоговое бюро выпустили «Уведомление о продолжении реализации политики страхования по безработице с целью укрепления благосостояния населения»]. URL: https://www.gov.cn/gongbao/2025/issue_12046/202505/content_7023965.html (дата обращения 13 января 2026).

² 失业保险条例, 1999 [Положение о страховании по безработице]. URL: https://www.mohrss.gov.cn/xxgk2020/fdzdgknr/zcfg/fg/202011/t20201103_394936.html (дата обращения 15 января 2026).

Начнем с того, что материальная составляющая фонда формируется из страховых взносов предприятий и самих работников, из процентов по самому фонду, государственных субсидий и других средств, включение в фонд которых происходит согласно закону. Взносы в фонд страхования от предприятий составляют 2% от общей суммы выплаченной заработной платы, для работников взнос представляет собой 1% от индивидуальной заработной платы, при этом контрактные работники городских предприятий из сельской местности от его уплаты освобождаются.

Для получения пособия безработному гражданину необходимо соответствовать следующим условиям: взносы в фонд страхования производились не менее одного года; потеря рабочего места произошла не по собственной воле; зарегистрированы в системе фонда в качестве безработного и находятся в поиске работы.

Прекращение выдачи пособия фондом социального страхования может происходить по следующим причинам: трудоустройство на новое место работы; призыв на воинскую службу; эмиграция за границу; гражданин начал получать пособия по причине старости; приговор к тюремному заключению; отказ без уважительной причины от вакансии предлагаемой местным правительством или любым другим ответственным органом и другие обстоятельства, описанные в законе или в административно-правовых положениях.

Предприятия и учреждения в условиях прекращения трудовых договоров с работниками обязаны информировать их о возможности обращения в фонд страхования и выдать им свидетельство о прекращении рабочих отношений. В течение семи дней с момента расторжения работодатель обязан передать список безработных в организацию социального страхования.

Срок получения пособия по безработице различается в зависимости от совокупного стажа уплаты взносов безработного: 12 месяцев для тех, кто уплачивал взносы от одного года до пяти лет; 18 месяцев для тех, чей стаж уплаты составляет от пяти до десяти лет; 24 месяца пособие по безработице смогут получать те, кто платил взносы более десяти лет.

Размер пособия определяется правительством соответствующей административной единицы, однако существует принцип, по которому определяется итоговая сумма: она не должна быть меньше прожиточного минимума и не может быть больше уровня средней заработной платы по региону, при этом тут важно соблюдать тонкую грань, ведь при излишне высоком пособии никто не будет искать работу, а при слишком низком безработные будут вынуждены цепляться за любое рабочее предложение, даже если оно не подходит им самим. При этом сами китайские исследователи

склоняются к тому, что простое предоставление пособий по безработице правительством не поможет в повышении уровня трудовой активности граждан, поэтому применение дополнительных мер по стимуляции занятости крайне необходимо, а пособие должно подерживаться на среднем уровне [Чжан Мэнин 2024].

Результаты и дальнейшие планы развития

В вопросе эффективности политики по страхованию от безработицы и продвижению занятости лучшими показателями результата будут статистические данные.

Согласно информации, предоставленной информационным агентством Синьхуа, в 2022 г. было распределено 49,7 млрд юаней в виде субсидий для стабилизации занятости среди 7,87 млн предприятий, что вдвое больше результатов 2021 г. К концу того же 2022 г. участие в системе страхования по безработице приняли 238 млн работников, что на 8,49 млн больше, чем годом ранее³. К концу 2023 г. ситуация была следующей: количество получающих пособие достигло 244 млн человек, что превышает показатели 2022 г. на 5,66 млн⁴. Статистика 2024 г. продолжает показывать положительный прирост количества человек, получающих пособие, и достигает 245,89 млн человек⁵.

Предоставленные выше цифры говорят о том, что расширение охвата политики страхования по безработице продолжается, не смотря на то, что статистические данные показывают значительное замедление. Говорить, однако, о полном покрытии нужд безработных еще рано, но о сохраняющихся проблемах масштаба данной политики речь пойдет при описании недостатков системы. В целом

³ 2022年失业保险共释放稳岗红利2713亿元, 2023 [В 2022 г. в рамках системы страхования по безработице было выплачено в общей сложности 271,3 млрд юаней в виде пособий по стабилизации занятости]. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2023-01/23/content_5738567.htm (дата обращения 13 января 2026).

⁴ 2023年各类失业保险待遇共发放976亿元, 2024 [В 2023 г. в общей сложности было выплачено 97,6 млрд юаней в виде различных пособий по безработице]. URL: https://www.gov.cn/lianbo/bumen/202402/content_6931588.htm (дата обращения 13 января 2026).

⁵ 中华人民共和国2024年国民经济和社会发展统计公报, 2025 [Статистическое сообщение Китайской Народной Республики о национальном экономическом и социальном развитии в 2024 г.]. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202502/t20250228_1958817.html (дата обращения 15 января 2026).

исследователями выделяются следующие ключевые достижения: увеличение числа участников программы; увеличение финансового веса всего фонда; увеличение выплат вне пособия (медицина, обучение и пр.) [Ли, Разумовская 2024].

В вопросе дальнейшего развития стоит рассмотреть «Уведомление о дальнейшей работе по повышению качества и эффективности системы страхования по безработице», опубликованное совместно следующими ведомствами: административным отделом Министерства трудовых ресурсов и социального обеспечения, Министерством финансов, отделом Главного государственного налогового управления и канцелярией Государственного управления КНР по вопросам здравоохранения и медицинского страхования. В уведомлении выделено восемь главных пунктов работы по улучшению системы: повышение эффективности рассмотрения заявлений; оптимизация рабочего процесса; укрепление системы жизнеобеспечения; упрощение и унификация системы выплат; улучшение системы проверки спорных ситуаций и обжалований; усиление проверки документов; укрепление системы предотвращения рисков; создание бесперебойно функционирующей системы жалоб и их быстрой проверки⁶.

Дополнительно в апреле 2025 г. в качестве дальнейших мер поддержки и развития было объявлено о продолжении субсидирования тех предприятий, которые не сокращают сотрудников или сокращают их в меньшей степени. Крупным предприятиям в таком случае будет выплачено до 30% от суммы уже сделанных взносов, а малым – до 60%. Продление, так же как и политика субсидий предприятиям, получит и политика помощи безработным в повышении квалификации⁷.

⁶ 人力资源社会保障部办公厅 财政部办公厅 国家税务总局办公厅 国家医保局办公室关于进一步提升失业保险经办服务质效的通知, 2024 [«Уведомление о дальнейшей работе по повышению качества и эффективности системы страхования по безработице», опубликованным: административным отделом Министерства трудовых ресурсов и социального обеспечения, Министерством финансов, отделом Главного государственного налогового управления и канцелярией Государственного управления КНР по вопросам здравоохранения и медицинского страхования]. URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/202501/content_6998798.htm (дата обращения 13 января 2026).

⁷ 人力资源社会保障部等三部门延续实施失业保险稳岗惠民政策举措, 2025 [Министерство трудовых ресурсов и социального обеспечения, а также два других ведомства продолжают реализацию политики страхования от безработицы для стабилизации занятости и улучшения положения населения]. URL: https://www.gov.cn/lianbo/bumen/202504/content_7020425.htm (дата обращения 13 января 2026).

Проблемы системы и возможные методы решения

Среди основных проблем текущей системы страхования по безработице китайские исследователи выделяют низкие показатели охвата, недостаточность внимания к профессиональному образованию и межправительственный характер всей системы.

Как отмечает Цю Дань, низкий охват системы страхования сильнее всего бросается в глаза, если обратить внимание на новые типы занятости: курьеры, работники цифровых платформ и пр. Добавление этих рабочих в систему страхования вызывает свои трудности и вопросы. Так например, доход этого слоя работников не нормирован, как следствие постоянная плата страхового взноса представляется трудновыполнимой, дополнительно такие люди часто меняют места работы и не могут себе позволить в течение года постоянно перечислять деньги фонду страхования. Однако на момент 2024 г. эти работники составляли значительный 21% от общего числа рабочих. На данный момент эта цифра могла значительно увеличиться. Соблюдение и защита базовых прав, а именно права человека на социальное страхование, прописано в законе КНР, а значит увеличение охвата системы страхования – необходимость. Решением этой проблемы могут послужить следующие пути оптимизации системы: изменение условий получения пособия и улучшение или изменение системы определения трудовых отношений (выход за рамки традиционных договоров; опора на факты) [Цю Дань 2024].

Недостаток внимания к профессиональному образованию выражается в том, что большинство учебных программ сосредоточены на обучении с нуля и специалистам крайне сложно найти курсы по повышению квалификации. Дополнительно такое продвинутое обучение зачастую требует личной оплаты безработного и не покрывается фондом, что снижает привлекательность участия в системе страхования.

Общие рекомендации по решению вышеупомянутых проблем от исследователей темы (на примере мнения Ли Шаньюй) выглядят следующим образом: улучшение системы регистрации занятости; смягчение условий получения пособия; изменение определения вынужденной безработицы, добавление принципа уважительной причины с четкими спецификациями; продолжение политики увеличения субсидий предприятиям и на образования [Ли Шаньюй 2022].

Последней проблемой можно назвать межправительственный характер функционирования системы страхования. В соответствии с исследованиями Се Мэйцань инструментарий системы страхования по безработице распределяется между правительствами

разных уровней, что приводит к расхождениям в процедурах обработки, медленной передаче информации, низкой эффективности и хаотичному управлению [Се Мэйцань 2022], с чем и пытается бороться правительство КНР, издавая многочисленные уведомления о работе в направлении улучшения системы.

Заключение

Система страхования по причине безработицы в Китайской Народной Республике прошла длинный путь изменений с момента своего формирования в 1980-х гг. С каждым годом и пятилеткой правительство Китая ставит новые цели для достижения: расширение охвата, увеличение денежного фонда, продвижение обучения, налаживание связей с образовательными учреждениями и предприятиями, повышение эффективности услуг страхования. Многие из обозначенных проблем внутри системы адресуются и самим правительством, что говорит об их возможном искоренении в ближайшем будущем. По мнению автора статьи, наиболее важной целью дальнейшего развития системы страхования от безработицы в КНР будет включение в систему работников новых типов занятости, большинство из которых получили свое развитие недавно – в постэпидемический период. С включением в систему нового типа рабочих профессий при должном уровне проработки Китай может стать примером для многих стран и укрепить свое положение «страны будущего».

Литература

- Ли, Разумовская 2024 – Ли Чжэкай, Разумовская Е.А. Система социального страхования КНР: оценка в постковидный период // Региональная и отраслевая экономика. 2024. № 4. С. 106–115. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-sotsialnogo-strahovaniya-knr-otsenka-v-postkovidnyy-period> (дата обращения 10 января 2026).
- Не Йо 2019 – 聂晔, 失业保险稳岗补贴政策必要性分析 // 社会科学前沿, 2019. № 8 (9). С. 1570–1577 [Не Йо. Анализ необходимости страхования по безработице и политики субсидий по стабилизации занятости // Фронт общественных наук]. URL: <https://www.hanspub.org/journal/paperinformation?paperid=32149> (дата обращения 10 января 2026).
- Ли Шаньюй 2022 – 李珊羽, 我国失业保险促进再就业功能发挥研究 // 社会科学前沿, 2022. № 11 (9). С. 3803–3810 [Ли Шаньюй. Исследование по вопросу о роли страхования по причине безработицы в поощрении повторного

- трудоустройства в Китае // Фронт общественных наук]. URL: <https://www.hanspub.org/journal/paperinformation?paperid=55767> (дата обращения 10 января 2026).
- Се Мэйцань 2022 – 谢美灿, 失业保险制度运行中的政府责任研究 // 现代管理, 2022. № 12 (10). С. 1313–1319 [Се Мэйцанью. Исследования по вопросу об ответственности правительства в функционировании системы страхования на случай безработицы // Современное управление]. URL: <https://www.hanspub.org/journal/paperinformation?paperid=56555#ref1> (дата обращения 10 января 2026).
- Гу Тин 2023 – 顾婷, 基于因子分析的我国失业保险就业促进效果评价 // 社会科学前沿, 2023. № 12 (4). С. 1813–1822 [Гу Тин. Оценка поощрительного влияния страхования от безработицы на трудоустройство в Китае на основе факторного анализа // Фронт общественных наук]. URL: <https://www.hanspub.org/journal/paperinformation?paperid=64279> (дата обращения 10 января 2026).
- Чжан Мэнин 2024 – 章梦影, 失业保险金给付的博弈分析 // 运筹与模糊学, 2024. №14(3). С. 129–135 [Чжан Мэнин. Игровой анализ выплат по безработице // Оперативные исследования и нечеткая теория]. URL: <https://www.hanspub.org/journal/paperinformation?paperid=88951> (дата обращения 10 января 2026).
- Цю Дань 2024 – 邱丹, 新业态从业者纳入失业保险的困境与对策研究 // 法学, 2024. №12(2). С. 1009–1016 [Цю Дань. Исследование ответных мер и дилеммы от включения работников новых форм бизнеса в систему страхования // Юриспруденция]. URL: <https://www.hanspub.org/journal/paperinformation?paperid=81103> (дата обращения 10 января 2026).

References

- Li, Zhekai and Razumovskaya, E.A. (2024), “The Social insurance system of the People’s Republic of China: assessment in the post-crisis period”, *Regional and Branch Economy*, vol. 4, pp. 106–115, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-sotsialnogo-strahovaniya-kgk-otsenka-v-postkovidnyy-period> (Accessed 10 January 2026).
- 聂珏, 失业保险稳岗补贴政策必要性分析 // 社会科学前沿 [Nie Yao (2019), “Analysis on the Necessity of Unemployment Insurance and Stabilizing Subsidy Policy”, *Advances in Social Sciences*, no. 8 (9), pp. 1570–1577], available at: <https://www.hanspub.org/journal/paperinformation?paperid=32149> (Accessed 10 January 2026).
- 李珊羽, 我国失业保险促进再就业功能发挥研究 // 社会科学前沿 (2022) [Li Shanyu (2022), “Study on the Function of Unemployment Insurance to Promote Re-Employment in China”, *Advances in Social Science*, no. 11 (9), pp. 3803–3810], available at: <https://www.hanspub.org/journal/paperinformation?paperid=55767> (Accessed 10 January 2026).

- 谢美灿, 失业保险制度运行中的政府责任研究 // 现代管理, (2022) [Xie Meican (2022), “Research on Government Responsibility in the Operation of Unemployment Insurance System”, *Modern Management*, no. 12 (10), pp. 1313–1319], available at: <https://www.hanspub.org/journal/paperinformation?paperid=56555#ref1> (Accessed 10 January 2026).
- 顾婷, 基于因子分析的我国失业保险就业促进效果评价 // 社会科学前沿 (2023) [Gu Ting (2023), “Evaluation of Employment Promotion Effect of Unemployment Insurance in China Based on the Factor Analysis”, *Advances in Social Sciences*, no. 12 (4), pp. 1813–1822], available at: <https://www.hanspub.org/journal/paperinformation?paperid=64279> (Accessed 10 January 2026).
- 章梦影, 失业保险金给付的博弈分析 // 运筹与模糊学 (2024) [Zhang Mengying (2024), “Game Analysis of Unemployment Insurance Payment”, *Operations Research and Fuzziology*, no. 14 (3), pp. 129–135], available at: <https://www.hanspub.org/journal/paperinformation?paperid=88951> (Accessed 10 January 2026).
- 邱丹, 新业态从业者纳入失业保险的困境与对策研究 // 法学 (2024) [Qiu Dan (2024), “Study on the Dilemma and Countermeasures of New Business Form Practitioners Being Included in Unemployment Insurance”, *Open Journal of Legal Science*, no. 12 (2), pp. 1009–1016], available at: <https://www.hanspub.org/journal/paperinformation?paperid=81103> (Accessed 10 January 2026).

Информация об авторе

Полина В. Котлярова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; kotlyarovapv@gmail.com

Information about the author

Polina V. Kotlyarova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bd. 6/6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; kotlyarovapv@gmail.com

Политические трансформации и социокультурная адаптация

УДК 32(668.1)

DOI: 10.28995/2686-7648-2026-2-116-132

Французское Того: от независимости к диктатуре

Николай А. Медушевский

*Российский государственный гуманитарный университет,
Российский университет Дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
Россия, Москва, lucky5659@yandex.ru*

Аннотация. Данная статья представляет исследование политической истории Республики Того с момента формирования данного государства до смерти диктатора Эйадемы Гнассингбе в 2005 г. Основной проблемой, поднимаемой автором исследования, является трансформация политического режима, выраженная в политических событиях исследуемого периода. Несмотря на совершившийся демократический переход от колониального правления к республиканскому, практика демократии в Того оказалась непрочной, и после гибели первого президента страны С. Олимпио от рук заговорщиков просуществовала менее пяти лет, сменившись военной диктатурой. В основе данной трансформации политического режима автор усматривает слабость политических институтов страны и низкий уровень политической культуры граждан, что в целом характерно для большинства постколониальных обществ. В гораздо большей степени на процесс анти-демократического перехода в случае Того повлиял внутренний этнический раскол общества и внешнее влияние, выраженное в направленной политики Франции на создание лояльного, пускай и не демократического режима. Прямым образом на это указывают и отдельные попытки политических переворотов периода правления Эйадемы, поддержанные этнической группой эве, но подавленные через применение силы и привлечение французской поддержки. Отметим, что даже процесс вынужденной демократизации, начавшийся в 1990-е гг., не привел к выраженным изменениям и смягчению режима, превратившегося в квази-демократию с набором провластных партий.

В тоже время, оппозиция, представленная преимущественно эве и сыном первого президента – Гилкристом Олимпио, не оставляла попыток

© Медушевский Н.А. 2026

противодействия режиму. Особенно данные ожидания актуализировались в момент смерти Эйадемы Гнассингбе в 2005 г. так как поставили вопрос о преемственности власти в стране.

Ключевые слова: Французское Того, Республика Того, эве, Олимпиио, Груницкий, Эйадема, неокOLONиализм, диктатура, неокOLONиализм

Для цитирования: Медушевский Н.А. Французское Того: от независимости к диктатуре // Вестник РГТУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2026. № 2. С. 116–132. DOI: 10.28995/2686-7648-2026-2-116-132

French Togo: from independence to dictatorship

Nikolai A. Medushevskii

*Russian State University for the Humanities,
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
Russia, Moscow, lucky5659@yandex.ru*

Abstract. This article presents a study of the political history of the Republic of Togo from the formation of this state until the death of dictator Eyadéma Gnassingbé in 2005. The main problem raised by the author of the study is the transformation of the political regime, expressed in the political events of the period under study. Despite the democratic transition from colonial to republican rule, the practice of democracy in Togo turned out to be fragile, and after the death of the first president of the country S. Olympio at the hands of conspirators, it lasted less than five years, being replaced by a military dictatorship. The author sees at the heart of this transformation of the political regime not only the weakness of the country's political institutions and the low level of political culture of citizens, which is generally characteristic of most postcolonial societies. To a much greater extent, the process of anti-democratic transition in the case of Togo was influenced by the internal ethnic rift in society and external influence, expressed in the policy of France aimed at creating a loyal, albeit undemocratic regime. This is directly indicated by individual attempts at political coups during the Eyadéma period, supported by the Ewe ethnic group, but suppressed through the use of force and the attraction of French support. It should be noted that even the process of forced democratization, which began in the 1990s, did not lead to significant changes and a softening of the regime, which turned into a quasi-democracy with a set of pro-government parties. At the same time, the opposition, represented mainly by the Ewe and the son of the first president, Gilchrist Olympio, did not abandon attempts to oppose the regime. These expectations were especially relevant at the time of Eyadéma Gnassingbé's death in 2005, since they raised the question of the succession of power in the country.

Keywords: French Togo, Republic of Togo, Ewe, Olympio, Grunitzky, Eyadéma, neocolonialism, dictatorship, neocolonialism

For citation: Medushevskii, N.A. (2026), "French Togo: from independence to dictatorship", *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series*, no. 2, pp. 116–132, DOI: 10.28995/2686-7648-2026-2-116-132

Введение

Освобождение Того от колониализма стало одним из символов освобождения Африканского континента и установления нового миропорядка, основанного на принципах устава Организации объединенных наций. Для Того данное событие было еще более знаковым. После 70 лет колониальной зависимости, эксплуатации и нарушения прав и свобод население страны наконец могло само организовать тот политический порядок, в котором было заинтересовано.

Тем не менее, независимость еще сильнее обозначила социальный раскол по этническому признаку, при котором доминирующая этническая группа эве получила контроль над политической системой, основными производствами страны, рынками и ресурсами. Народы севера Того, исторически поддерживавшие колониальный режим и голосовавшие за партию «Союз вождей и народов севера», практически лишились своего представительства и оказались в зависимости от решений элиты, состоящей из эве.

В то же время и сами эве испытали выраженную фрустрацию. Для них политическая борьба была исторически связана с идеей объединения с другой частью этнической группы, оказавшейся в составе Ганы. Обретение Того независимости не только не приблизило объединения, но наоборот, привело к ужесточению пограничного режима, а решение президента Того С. Олимпио прекратить переговоры об объединении эве и вовсе лишило сообщества по обе стороны границы надежды на историческое воссоединение. Также свое значение сохраняли и девять конвенций между Того и Францией, ограничивавшие развитие страны учетом французских интересов.

В итоге, президент Сильванус Олимпио, пришедший к власти как победитель колониализма и борец за справедливость и свободу народа Того, очень быстро начал терять кредит общественного доверия, что побудило его пойти по пути авторизации власти и запрета любой оппозиционной деятельности. Консервация политической жизни и изгнание видных оппозиционных политиков открыли двери несистемной политической борьбе с участием военных, которые с 12 на 13 января 1963 осуществили переворот, убив президента

Олимпио перед дипмиссией США, и тем самым фактически перезапустили политический процесс в молодой республике, но уже при выраженном влиянии бывшей метрополии – Франции.

Методология и историография исследования

Данная статья раскрывает особенности политической трансформации страны после ее освобождения в 1960 г. в период действия Первой республики Сильвануса Олимпио и Второй Республики, пришедшейся на краткое правление Николаса Груницкого, а также периода диктатуры Эйадемы Гнассингбе, вплоть до его смерти в 2005 г. В основе методологии исследования лежит диахронный метод позволяющий разделить процесс политического развития страны на условные этапы, которые исследуются с применением ретроспективного анализа.

Российская историография проблемы исследования представлена работами Г.Г. Бабаяна [Бабаян 2010], В.Р. Филиппова [Филиппов 2015; Филиппов 2016], Т.С. Денисовой и С.В. Костелянца [Денисова, Костелянец 2020], а также автора данной статьи [Медушевский 2024].

Зарубежная историография представлена работами П. Хаски [Haski 2025], А. Глассера и С. Смитта [Glaser, Smith 1992], Л. Тшитенге [Tshitenge 2008], Т. Тете [Tete 2000], И. Вийяо [Wiyao 1997], М. Овусу [Owusu 1994] и др. Большое значение для исследования имеет справочная литература, публикации СМИ и отдельные сайты.

Все обозначенные работы не только рассматривают исследуемый в данной статье период истории Того, но и представляют различные подходы к изучению проблемы исследования.

От независимости к перевороту

Смерть Сильвануса Олимпио от рук ветеранов французской армии вряд ли можно считать случайностью, равно как и тот факт, что силы полиции, возглавляемые французским жандармом Жоржем Мэтрье¹, занимавшим также должность военного советника президента, не охраняли главу государства.

¹ Boisbouvier C. Invité Afrique. Assassinat de Sylvanus Olympio, ancien président du Togo: les archives françaises peuvent-elles parler? RFI. 13.01.2023. URL: <https://francegenocidetutsi.org/AssassinatDeSylvanusOlympioRFI13Janvier2023.pdf> (дата обращения 10 июня 2025).

Франция еще в 1950-е гг. стремилась исключить Олимпио из политики, так как именно он стал лидером нового Того вопреки воле бывшей метрополии и четко осознавал необходимость полного с ней разрыва². Так, накануне своей гибели Олимпио готовил проект создания тоголезского центрального банка и выход из зоны франка, который остался не реализован, и Того осталось в зоне франка.

Наряду с основаниями убить президента, Франция имела и необходимую агентуру и политические связи. В состав агентов влияния входили и ветераны из Алжира [Haski 2025], и глава полиции Жорже Мэтри³.

Задача была не только в устранении законного главы государства, но и в практически мгновенной смене режима. По инициативе Франции на роль нового лидера в Того 14 января 1963 года был выбран находившийся в эмиграции политический оппонент и зять Олимпио – Николас Груницкий. Уже 16 января он вступил в должность президента и главы правительства в условиях действующего чрезвычайного положения [Glaser, Smith 1992]. Таким образом, приход Груницкого к власти в Того был заранее спланирован, и сам новый президент представлял собой компромиссную фигуру, которую Франция уже продвигала ранее – в 1956 г., но тогда политическую инициативу перехватил более активный С. Олимпио.

Придя к власти, Н. Груницкий оказался в достаточно сложной ситуации, так как и внутри страны, и в международном сообществе его не считали легитимным лидером, поэтому он мог найти опору своей политике лишь в поддержке северных племен, представители которых участвовали в заговоре, и Франции, – которая имела целью организовать в Того «марионеточный режим».

Тем не менее, Груницкий пытается активно налаживать демократический процесс, создавая своему режиму общественную поддержку. Одним из первых решений нового президента стала подготовка новой конституции страны, принятой на референдуме 5 мая 1963 г. [Sternberger et al. 1978]. Данная конституция представляла комплекс демократических и либеральных норм, делая акцент на гражданских правах и свободах, плюрализме и парламентаризме. В ней также ничего не говорилось о внешнеполитическом детерминизме Франции, который, фактически, остался за скобками. Характерно, что за конституцию проголосовало 98% избирателей из 91% участвовавших в референдуме⁴. Конституция ознаменовала создание в Того «Второй республики».

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Того // Ежегодник Большой советской энциклопедии. М., 1964. С. 364.

При этом, во внутренней политике страны реализовывалась имитация интенсивного демократического процесса. Груницкий возвращает в политику все запрещенные при Олимпии политические партии [Nohlen et al. 1999] и устраивает коллегиальную разработку конституции, результаты которой были представлены в виде рекомендаций 2 марта 1963 г., а 3 марта были проведены парламентские выборы, на которых победу одержала коалиция из 4 пропрезидентских партий (Примирение и национальный союз) – Партии единства Того, Жювенто, Демократического союза тоголезского народа и Движения тоголезского народа [Decalo 1996].

Процесс демократических реформ в краткосрочной перспективе принес результаты, позволив Груницкому начать индустриальные реформы, стимулировать развитие частного сектора экономики и углубить отношения с Францией [Nohlen et al. 1999], которая закрепила свои права по приоритетному выкупу экспортируемых ресурсов.

Несмотря на общее повышение жизни населения страны, Того в период правления Груницкого де-факто вернулось к статусу автономии, а сам президент очень быстро превратился в «лишнюю» фигуру, так как пытался лавировать между интересами этнических и политических группировок.

Обозначенная ситуация привела к ряду попыток переворотов, в т. ч. 9 апреля 1963 г. при участии бывшего министра внутренних дел Теофиля Мальи [Nohlen et al. 1999] и в 1964 г., когда попытку переворота пыталась организовать группа военных. Итоговый кризис разразился в ноябре 1966, когда против Груницкого выступил его соратник и вице-президент Антуан Меачи (при этом представитель севера страны). Во время поездки Груницкого во Францию Меачи фактически узурпировал власть, опираясь на массовые волнения и поддержку армии. Кризис удалось преодолеть только после прямого вмешательства Франции, выраженного в том, что посол Франции предложил военным взятку в несколько миллионов африканских франков [Tshitenge 2008]. Получив деньги, военные перешли к поддержке президента, но действовали самостоятельно, и в т. ч. устраивали репрессии против протестующего населения, которое начало требовать суда над убийцами Сильвануса Олимпии.

Хотя Н. Груницкий номинально сохранил власть, в действительности она ему больше не принадлежала, а реальный контроль над политической ситуацией получили военные во главе с лидером армии Эйадемой. 12 января 1967 г. они осуществили новый переворот, принудив Николаса Грунитского публично уйти в отставку [Tshitenge 2008].

После переворота в стране было введено чрезвычайное положение, правительство и парламент были распущены, а Конституция

Груницкого от 5 мая 1963 г. отменена [Tshitenge 2008]. Власть перешла в руки Комитета национального примирения, в который вошли 8 человек. Семь членов Комитета были гражданскими лицами, и, как ни парадоксально, четверо были сторонниками С. Олимпио, с которых сняли все обвинения. В тоже время, большинство членов комитета в этническом плане были уроженцами севера страны, в т. ч. происходили из этнической группы кабье, к которой принадлежал и Этьен Эйадема [Tete 2009], хотя сам Эйадема не вошел в Комитет, оставшись начальником штаба вооруженных сил. Комитет возглавил другой военный и также кабье – Клебер Даджо⁵, который фактически представлял интересы Эйадемы без его прямого участия [Wiyao 1997].

Комитета национального примирения должен был действовать до ближайших выборов, назначенных на 13 апреля 1967 г. Однако ситуация в стране оставалась напряженной, партия Олимпио усиливала свои позиции, и велика была вероятность того, что про-французские силы вновь потерпят поражение. В данной ситуации посланник Франции по африканским делам Жак Фоккар открыто призывал Эйадему как единственного сильного лидера, и кроме того, повязанного убийством С. Олимпио, взять власть в свои руки⁶.

Диктатура Эйадемы

В итоге, на следующий день после несостоявшихся выборов – 14 апреля, Эйадема объявил себя президентом, фактически узурпировав власть в Того [Белаш 2005] и позже, к 1969 г., запретив все политические партии, кроме партии президента. Оказавшись удобным для бывшей метрополии диктатором и уничтожив оппозицию [Osei 2018] внутри страны, Эйадема фактически обеспечил себе монополию на власть⁷ при поддержке Франции [Филиппов 2015]. В итоге, в 1972 г. Эйадема был переизбран на новый срок на всенародном референдуме [Nohlen et al. 1999], получив титул отца нации.

В 1974 г. Эйадема добавил к своему имени Гнассингбе и активно начал развивать культ личности. Основой для тирании служили

⁵ *Kuadjose L.C.* La date du 13 janvier dans l'histoire du Togo. Diaspora Togolaise pour la Democratie. 12.012006. URL: <https://www.diastode.org/Echos/invit8097.html> (дата обращения 10 июня 2025).

⁶ Того // Большая советская энциклопедия. М., 1977. Т. 26. С. 27.

⁷ *Персик Д.* Черный змей. Он скармливал врагов крокодилам и оттаптывал летящие пули. Lenta.ru. 22.07.2018. URL: <https://lenta.ru/articles/2018/07/22/ togo/> (дата обращения 10 июня 2025).

вооруженные силы, набравшиеся из племен кабье и родственных им северных этнических групп. Армия и полиция активно участвовали в репрессиях, и многие противники режима окончили свои дни в тюрьме или эмиграции⁸.

Култ президента активно поддерживался через связь с традиционной религией и распространялись слухи, что Эйадема обладал могущественным талисманом, который помог ему пережить семь покушений и одну авиакатастрофу, в которой он оказался единственным выжившим⁹, хотя другие авторы это опровергали и отмечали, что авиакатастрофа стала поводом для внедрения культа личности президента [Amouzou 2010], и именно после нее он взял имя Гнассингбе, чтобы продемонстрировать изменение своей политики и своего статуса.

Общая трансформация режима привела к тому, что в 1979 г. в Того принимается новая конституция, по которой председатель единственной партии утверждался в должности президента на референдуме без соперников. Данная практика позволила Эйадеме переизбраться президентом страны в 1979 и 1986 гг.

Тем не менее, уже начиная с 1979 г., в Того постепенно растет недовольство политикой президента со стороны эве, которое активно поддерживается из Ганы, где в 1981 г. к власти приходит Джери Роулингс, по происхождению на половину эве. Роулингс в проводимой им политике повышает статус эве в Гане, и в социальном дискурсе вновь появляется идея, если не объединения эве Ганы и Того, то по крайней мере ослабления пограничного барьера.

Кроме того, улучшение положения эве в Гане ведет к интеграции в данной стране этнической оппозиции режиму Эйадемы, концентрирующейся вокруг Гилкрита Олимпио – сына убитого президента Того Сильвануса Олимпио.

Эйадема Гнассиингбе в данный период крайне опасается восстановления, которое может поднять этническая оппозиция эве, поддерживаемая из Ганы, в связи с чем, он через суд Того обвиняет Гилкрита Олимпио в подготовке государственного переворота, заочно приговаривая его к казни¹⁰.

⁸ Кусов В.Г. Гнассингбе Эйадема: президент Того, биография и правление // Правители Африки: XXI в. URL: https://web.archive.org/web/20180730203107/https://africanrulers.ru/main/biographies/togo_euadema/ (дата обращения 10 июня 2025).

⁹ Там же.

¹⁰ Relations with Immediate African Neighbors (Ghana). URL: <https://country-studies.com/ghana/relations-with-immediate-african-neighbors.html> (дата обращения 10 июня 2025).

К несколько более раннему периоду – середины 1970-х гг. – относятся попытки Эйадемы перехватить идею протестной мобилизации эве в пользу отделения от Ганы и объединения в рамках Того. Глава Того полагал, что таким образом сумеет расширить свою социальную поддержку и в тоже время развить политическое влияние на регион Вольта в Гане. Данная политика нашла свое выражение в формальной поддержке Движения за освобождение Того (Гана) и Национального освободительного движения Западного Того, которые выступали за отделение от Ганы и объединение с Того¹¹.

Однако уже с 1978 г. Эйадема заключил соглашение с правительством Ганы о противодействии сепаратизму и контрабанде. Причина отказа от поддержки сепаратистов носила экономический характер и была связана с энергетической зависимостью Того от Ганы и готовностью Ганы прекратить поставки электроэнергии¹².

В начале 1980-х гг., с приходом к власти в Гане Роулингса, режим Эйадемы переходит к состоянию пассивной конфронтации с соседним государством. Причина конфликта имела как этнический, так и идеолого-политический мотивы. В этническом измерении Роулингс пользовался большой популярностью среди эве, и многими воспринимался как человек, способный улучшить жизнь данного народа, в т. ч. и на территории Того. В идеолого-политическом плане Дж. Роулингс был сторонником социалистических реформ и распространял т. н. лихорадку Роулингса, т. е. революционную волну по свержению старых диктатур, действующих в интересах метрополий, какой, безусловно, было и Того.

В итоге, Эйадема Гнассингбе нанес первый удар в обозначенном противостоянии в 1983 г., поддержав попытку свержения Временного совета национальной обороны (ВСНО/PNDC) Джери Роулингса группой повстанцев, происходивших из Того [Owusu 1994]. Ответом на данную атаку стала серия взрывов бомб в Ломе в августе 1985, а затем и попытка переворота в Того за два месяца до очередного переизбрания Эйадемы Гнассингбе 23 сентября 1986 г.¹³

¹¹ Bernstein R. France sending forces to Togo in wake of attack // The New York Times. 26.09.1986. URL: <https://www.nytimes.com/1986/09/26/world/france-sending-forces-to-togo-in-wake-of-attack.html> (дата обращения 10 июня 2025).

¹² Ibid.

¹³ Curfew in Togolese capital following coup attempt. UPI Archives. URL: <https://www.upi.com/Archives/1986/09/24/Curfew-in-Togolese-capital-following-coup-attempt/9366527918400/> (дата обращения 10 июня 2025).

Конфликт привел к включению в него на стороне Того – Франции¹⁴, под чьим надзором Эйадема Гнассингбе фактически устроил в стране репрессии. В 1988 г. из страны было депортировано 124 гражданина Ганы, а ряд политических активистов был помещен в тюрьму [Owusu 1994]. Тем не менее, к началу 1990-ых г. режим Эйадемы пошел на вынужденные реформы с целью сдержать рост протестных настроений.

К попытке нового переворота

В 1990 г. на фоне вспыхнувших забастовок в Того была восстановлена многопартийность, и 8 июля 1991 г. был инициирован созыв национальной конференции по образцу Бенина¹⁵, а в 1991 г. был восстановлен ряд соглашений, в т. ч., по приграничному сообщению, с Ганой.

Смягчение режима и его условная демократизация позволили Гилкристу Олимпио вернуться в Того в 1991 г. и принять участие в Суверенной национальной конференции (Conférence Nationale Souveraine), которая объединила ряд оппозиционных партий и выдвинула в 1992 г. в качестве кандидата от Союза сил перемен U.F.C. на пост президента Г. Олимпио¹⁶.

Президент и военные представители в знак протеста покинули Конференцию, после чего Конференция приостановила действие Конституции 1980 г., а 26 августа Конференция избрала премьер-министром Коку Джозефа Коффиго. В тот же день делегатами были избраны члены Высшего совета Республики, а также их заместители, а партия президента была официально распущена.

Военные во главе с Гнассингбе Эйадемой 3 декабря 1991 г. фактически устраивают переворот и захватывают премьера переходного правительства Коффиго, требуя от него сформировать новое правительство, в которое войдут сторонники Эйадемы¹⁷. В конечном итоге 27 августа 1992 г. между сторонами было

¹⁴ Togo, Acte de transition de 1991, Conférence nationale souveraine, Digithèque MJP. URL: <https://mjp.univ-perp.fr/constit/tg1991.htm> (дата обращения 10 июня 2025).

¹⁵ Haka A. Historique du mouvement patriotique togolais. Icilome. 01.02.2022. URL: <https://icilome.com/2022/02/historique-du-mouvement-patriotique-togolais/> (дата обращения 10 июня 2025).

¹⁶ Consideration of reports submitted by states parties under article 40 of the covenant Togo. // Международные документы ООН. 19.04.2001. URL: <https://hrlib.kz/document/212025> (дата обращения 10 июня 2025).

¹⁷ Ibid.

заключено соглашение, позволяющее провести местные, законодательные и президентские выборы, а также конституционный референдум, назначенный на 27 сентября 1992 г.¹⁸

В преддверии выборов, Г. Олимпио начинает активно проводить свою избирательную кампанию, однако 5 мая 1992 г. он становится жертвой покушения во время агитации на севере Того. В ходе атаки на кортеж погибло 12 членов штаба партии, а сам кандидат был сильно ранен, но спасся и на длительное время покинул страну [Owusu 1994].

Фактически, данные атаки символизировали начало будущих репрессий. 23 и 24 октября 1992 г. военнослужащие, близкие к генералу Эйадеме, взяли в заложники членов Переходного парламента, что, в конечном итоге, позволило Эйадеме провести контролируемые выборы и 25 августа 1993 г. победить, собрав 95,5% голосов избирателей [Tete 2000].

Несмотря на победу, реальная поддержка Эйадемы была крайне низкой, а политические события, начиная с момента захвата Переходного парламента, сопровождались массовыми забастовками и протестами. В итоге, массовая забастовка граждан, начатая 16 ноября 1992 г., достигла своего апогея 25 января 1993 г., когда на улицы Ломе вышло более 300 тыс. человек, половина населения столицы¹⁹.

Беспорядки и общественный протест в Ломе привели к жесткой реакции президента и армии. С 25 по 31 января 1993 г. было убито несколько сотен демонстрантов, а более 350 тыс. граждан Того (около 20% населения страны) вынуждены были бежать из страны в Гану и Бенин.

Заключительный этап правления Эйадемы Гнассингбе

После массового исхода оппозиции, преимущественно в Гану, отношения с соседней страной, где процесс демократизации развивался более успешно (в 1992 г. в Гане прошли первые за много лет свободные выборы), стремительно ухудшаются. Так, 6 января 1994 г. в Ломе снова происходит попытка вооруженного переворота, в котором Эйадема Гнассингбе, как и прежде, обвиняет Джери Роулингса. После инцидента в Того был арестован

¹⁸ Haka A. Op. cit.

¹⁹ Consideration of reports submitted by states parties under article 40 of the covenant Togo.

временный поверенный в делах Ганы, а армия Того атаковала погранпост, убив двенадцать граждан Ганы, и осуществила бомбардировку лагеря для беженцев из Того на территории Ганы [Owusu 1994].

Несмотря на высокий уровень конфронтации двух стран в начале 1994 г., ранг конфликта достаточно быстро снизился, и уже к концу года была возобновлена работа комиссии по решению пограничных проблем и восстановлено дипломатическое представительство Ганы в Того.

Причины смягчения политики Эйадемы Гнассингбе вероятно связаны с общим текущим кризисом его режима, который через репрессии продемонстрировал себя как диктатуру, не способную к диалогу с обществом. Особенно явно это проявилось на фоне процесса демократизации в соседней Гане. В данной связи поддержка режима со стороны Франции осложнилась, испытывая критику со стороны международного сообщества [Филиппов 2016], что требовало поиска политического компромисса как на международной арене, так и во внутренней политике.

Во внутренней политике данный условный компромисс был достигнут через заключение Угадугского соглашения между правительством Эйадемы Гнассингбе и так называемой «умеренной» оппозиции 11 июля 1993 г.²⁰ В число партий, подписавших соглашение со стороны оппозиции, не вошла возглавляемая Г. Олимпио UFC. Данная политическая сила была образована 1 февраля 1992 г., когда правительством была разрешена многопартийность. Фактически, UFC представляла собой политический блок восьми оппозиционных партий (UTR, PFC, MTD, FCDDT, SDT, ATD, PDU, UDS), опирающихся преимущественно на электоральную поддержку народа эве и являющаяся наследницей партии С. Олимпио «Комитет тоголезского единства», действовавшей в 1941–1967 гг.²¹

С момента своего создания партия отказалась от компромиссов с режимом Эйадемы, что привело к ее разрыву с Коллективной демократической оппозицией перед выборами 1993 г. Тогда же и сам блок частично распадается, и партии UDS, ATD и PDU покидают федерацию, начиная действовать самостоятельно, хотя значительная часть их членов переходят в другие партии блока. В 1994 г. блок под руководством Олимпио бойкотирует парламентские выборы и с этого момента представляет внепарламентскую

²⁰ Consideration of reports submitted by states parties under article 40 of the covenant Togo.

²¹ Ibid.

оппозицию, требующую создания в стране широкого демократического форума²², при этом ведет свою работу в основном из Ганы.

В 1998 г. Г. Олимпио предпринимает еще одну попытку вступить в политическую борьбу с Эйадемой Гнассингбе. От партии UFC он участвует в президентских выборах, где набирает 34,10% голосов избирателей, занимая второе место после действующего главы государства²³, что называется результатом фальсификации.

Также в 1999 г. в Того был собран общенациональный политический форум переговоров по национальному примирению “Inter-Togolese Dialogue”, на котором планировалось взаимодействие всех политических сил Того. Изначально Г. Олимпио отказался от участия в данном форуме, но 26 июля прибыл в Того и потребовал прямых переговоров между возглавляемой им партией UFC и партией власти «Объединением тоголезского народа» (RPT) по итогам президентских выборов 1998 г. Получив отказ в организации подобного формата, Гилкрест Олимпио отказался от участия в Форуме и вернулся в Гану²⁴, тем самым фактически вычеркнув себя из публичной политики Того, организуемой по правилам партии власти. В последующем электоральном цикле выборов президента 2002 г. и парламентских выборов 2003 г. Г. Олимпио было отказано в участии также по формальным основаниям²⁵. В итоге, Эйадема Гнассингбе обошел кандидата от UFC Эммануэля Боба Ажитани и выиграл свои третьи с 1993 г. выборы, набрав 57,78% голосов избирателей²⁶, оставшись президентом вплоть до своей смерти в 2005 г, несмотря на то что даже международные наблюдатели признали факты фальсификации результатов²⁷.

²² Ibid.

²³ IRIN Update 516 of events in West Africa. ReliefWeb. 27.07.1999. URL: <https://reliefweb.int/report/guinea-bissau/irin-update-516-events-west-africa> (дата обращения 10 июня 2025).

²⁴ Eyadema réélu avec 57,78% des voix. Archives Politique. 2003. URL: <https://web.archive.org/web/20071030184036/http://www.presse-francophone.org/agence/archivesmois/politique/poljuin03.htm> (дата обращения 10 июня 2025).

²⁵ Ibid.

²⁶ L'OIF juge le scrutin «globalement satisfaisant». Archives Politique. 2003. URL: <https://web.archive.org/web/20071030184036/http://www.presse-francophone.org/agence/archivesmois/politique/poljuin03.htm> (дата обращения 10 июня 2025).

²⁷ Ibid.

Заключение

История независимого Того 1963–2005 гг. демонстрирует логику политического развития, сходную с развитием целого ряда других постколониальных государств региона. Высокая политическая активность начального периода, связанная с борьбой за освобождение страны от колониализма и возникновением харизматичных национальных лидеров, преимущественно социалистических взглядов, уже в первое десятилетие независимости сменяется выраженной политической реакцией, уводящей страну в сторону диктатуры при наличии выраженной неоколониальной зависимости от бывшей метрополии. Вероятной причиной данной трансформации, что отчетливо демонстрирует пример Того, выступает нестабильность социально-политической системы начального этапа независимости, которая формируется на основе выраженного отрицания колониальной зависимости, но при этом не обладает устойчивой традицией внутрисоциального и внутриполитического диалога. Отсутствие данной традиции становится особенно критичным в условиях многосоставного общества с выраженными этническими группами влияния, рассматривающими собственное благополучие как антитезу благополучию других этнических групп. При этом, территориальные границы молодого государства рассматриваются всеми противоборствующими сторонами как единое пространство контроля и универсальная ресурсная база, над которой требуется установить максимально жесткий контроль, чтобы с одной стороны, получить максимальную прибыль от контроля над территорией и ее ресурсами, а с другой – лишить возможной ресурсной базы своих этнических оппонентов, предотвратив возможность захвата ими власти в стране или возможную сецессию.

Еще одной характерной чертой политики Того следует назвать клановость. У истоков независимости государства стояло две семьи, связанные между собой родственными узами – семья С. Олимпьо и семья Н. Груницкого. Несмотря на то что данные семьи представляли разные политические силы, они тем не менее находились в межличностном диалоге, формируя политическое ядро. Данная ситуация, на наш взгляд, существенно сужала политическое пространство молодого государства и сводила политический процесс к уровню традиционной клановой политики. В конечном итоге это привело к вытеснению одного политического клана другим – более сильным и агрессивным, представлявшим иную этническую группу: кланом Эйадемы Гнассингбе. Утвердившись у власти в 1967 году, этот клан сохранил контроль над страной и в последующие десятилетия – уже в лице сына Эйадемы, Фора Гнассингбе.

Ключевым оппонентом клана Гнассингбе долгое время оставался Гилкрист Олимпио – сын Силвануса Олимпио. Обозначенное клановое измерение политики Того во многом также является отражением ее архаичной сути, представляя ее как борьбу вождей, но не общественных интересов и сил гражданского общества. Данная модель создает дополнительные возможности для внешнего политического манипулирования, что объясняет, почему диктатура в Того не прекратилась со смертью Эйадемы Гнассингбе, а перешла по наследству к его сыну, находящемуся у власти по настоящее время.

Литература

- Бабаян 2010 – *Бабаян Г.* История Того в новое и новейшее время. М.: Экон-Информ, 2010. 341с.
- Белаш 2005 – *Белаш В.* Президент всего Того // Коммерсант-Власть. 2005. № 6. С. 54.
- Денисова, Костелянец 2020 – *Денисова Т.С., Костелянец С.В.* Того: «династия Гнассингбе» и президентские выборы 2020 г. // Азия и Африка сегодня. 2020. № 7. С. 41–47.
- Медушевский 2024 – *Медушевский Н.А.* Идентичность и социально-политическое самоопределение народности эве в Гане и Того // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 4. С. 753–767.
- Филиппов 2015 – *Филиппов В.Р.* Сильванус Олимпио – первая жертва «Франсафрик» // Политика и общество. 2015. № 8. С. 1014–1025.
- Филиппов 2016 – *Филиппов В.Р.* «Франсафрик»: тень Елисейского дворца над Черным континентом. М.: Горячая линия-Телеком. 2016. 376 с.
- Amouzou 2010 – *Amouzou E.* Gilchrist Olympio et la lutte pour la libération du Togo. Paris: L'Harmattan, 2010. 308 p.
- Decalo 1996 – *Decalo S.* Historical Dictionary of Togo. Third Edition. Lanham, MD: Scarecrow Press, 1996. 420 p.
- Glaser, Smith 1992 – *Glaser A., Smith S.* Ces messieurs Afrique – Le Paris-Village du continent noir. Paris: Calman Levy, 1992. 235 p.
- Haski 2025 – *Haski P.* Décolonisations africaines. Paris: Stock, 2025. 416 p.
- Nohlen et al. 1999 – *Nohlen D., Krennerich M., Thibaut B.* Elections in Africa: A data handbook. Oxford: Oxford University Press. 1999. 1000 p.
- Osei 2018 – *Osei A.* Like father, like son?: Power and influence across two Gnassingbé presidencies in Togo // Democratization. 2018. Vol. 25. № 8. P. 1460–1480.
- Owusu 1994 – *Owusu M.* Relations with Immediate African Neighbors. A Country Study: Ghana. New York: Library of Congress Federal Research Division, 1994. 382p.

- Sternberger et al. 1978 – *Sternberger D., Vogel B., Nohlen D., Landfried K.* Die Wahl der Parlamente: Band II: Afrika, Zweiter Halbband. Berlin: De Gruyter, 1978. 2205 p.
- Tete 2000 – *Tete T.* Démocratisation à la Togolaise. Mandelieu-La Napoule: L'Harmattan, 2000. 224 p.
- Tshitenge 2008 – *Tshitenge L.M.K.* La chute du président togolais Nicolas Grunitzky. Paris: Jeune Afrique, 2008. 110 p.
- Wiyao 1997 – *Wiyao E.* 13 janvier 1963, 13 janvier 1967, pourquoi? (Afrikaans Edition). Lomé: Les Nouvelles Editions Africaines du Togo, 1997. 111 p.

References

- Amouzou, E. (2010), *Gilchrist Olympio et la lutte pour la libération du Togo*, L'Harmattan, Paris, France.
- Babayan, G. (2010), *Istoriya Togo v novoe i noveishee vremya* [History of Togo in Modern and Contemporary Times], Ekon-Inform Moscow, Russia.
- Belash, V. (2005), "President of all Togo", *Kommersant - Power*, no. 6, p. 54.
- Filippov, V.R. (2015), "Sylvanus Olympio – the first victim of 'Françafrique'", *Politics and Society*, no 8, pp. 1014–1025.
- Filippov, V.R. (2016), "*Fransafrik*": *ten' Eliseiskogo dvortsya nad Chernym kontinentom* ["*Françafrik*": the shadow of the Elysee Palace over the Black Continent], Goryachaya liniya-Telekom, Moscow, Russia.
- Decalo S. (1996), *Historical Dictionary of Togo*. Third Edition, Scarecrow Press., Lanham, MD, USA
- Denisova, T.S. and Kostelyanec, S.V. (2020), "Togo: 'the Gnassingbe dynasty' and the 2020 presidential elections", *Asia and Africa Today*, no. 7, pp. 41–47.
- Glaser, A. and Smith, S. (1992), *Ces messieurs Afrique – Le Paris-Village du continent noir*, Calman-Levy, Paris, France.
- Haski, P. (2025), *Décolonisations africaines*, Stock, Paris, France.
- Medushevskii, N.A. (2024), "Identity and socio-political self-determination of the Ewe people in Ghana and Togo", *RUDN Journal of Political Science*, vol. 26, no. 4, pp. 753–767.
- Nohlen, D., Krennerich, M. and Thibaut, B. (1999), *Elections in Africa: A data handbook*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Osei, A. (2018), "Like father, like son?: Power and influence across two Gnassingbé presidencies in Togo", *Democratization*, vol. 25, no 8, pp. 1460–1480.
- Owusu, M. (1994), *Relations with Immediate African Neighbors. A Country Study: Ghana*, Library of Congress Federal Research Division, New York, USA.
- Sternberger, D., Vogel, B., Nohlen D. and Landfried, K. (1978), *Die Wahl der Parlamente: Band II: Afrika*, Zweiter Halbband, De Gruyter, Berlin,
- Tete, T. (2000), *Démocratisation à la Togolaise*, L'Harmattan, Mandelieu-La Napoule, France.

Tshitenge, L.M.K. (2008), *La chute du président togolais Nicolas Grunitzky*, Jeune Afrique, Paris, France.

Wiyao, E. (1997), *13 janvier 1963, 13 janvier 1967, pourquoi? (Afrikaans Edition)*, Les Nouvelles Editions Africaines du Togo, Lomé, Togo.

Информация об авторе

Николай А. Медушевский, доктор политических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; lucky5659@yandex.ru

Information about the author

Nikolay A. Medushevskii, Dr. of Sci. (Political Science), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6/6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia; bld. 6, Miklukho-Maklaya Street, Moscow, Russia, 117198; lucky5659@yandex.ru

Роль исламского фактора в процессе социокультурной адаптации мусульман Центральной Азии в современной России

Сорбони Шамсиддин Олимзода

*Российский университет Дружбы народов имени Патриса Лумумбы
Россия, Москва, sorbon.science@mail.ru*

Аннотация. Настоящее исследование анализирует роль ислама как фактора, определяющего процессы социокультурной интеграции мигрантов из стран Центральной Азии в российское общество. Актуальность темы обусловлена ростом миграционных потоков, значительной долей мусульман в их составе и необходимостью их гармоничной интеграции. Ислам, будучи основой этнорелигиозной идентичности мигрантов, оказывает двойственное влияние на их адаптацию. С одной стороны, он выступает механизмом сохранения культурной самобытности, а с другой – может создавать препятствия для их полноценного включения в социальную жизнь.

В центре внимания находятся официальные исламские институты и их влияние на стратегии адаптации мигрантов. Рассматривается противоречивая роль религиозных объединений: они служат сетью социальной поддержки, но в то же время могут способствовать формированию замкнутых этнорелигиозных общин и их обособлению от остального общества. Отдельно анализируется связь между кризисом религиозного образования в странах происхождения мигрантов и ростом рисков распространения радикальных идеологий, что существенно усложняет процессы интеграции. Особое внимание уделяется проблеме формирования этнических анклавов (пространственной сегрегации) как угрозе для социального единства.

Таким образом, в исследовании делается вывод, что успешная политика интеграции мигрантов-мусульман невозможна без учета религиозного фактора. Ее эффективность напрямую зависит от построения конструктивного диалога между властью и религиозными организациями, а также от разработки комплексных мер, нацеленных на предотвращение межнациональной и межрелигиозной напряженности.

Ключевые слова: социокультурная адаптация, мигранты из Центральной Азии, исламский фактор, интеграционная политика, религиозная идентичность, анклализация, межконфессиональный диалог, Россия

Для цитирования: Олимзода С.Ш. Роль исламского фактора в процессе социокультурной адаптации мусульман Центральной Азии в современной России // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2026. № 2. С. 133–149. DOI: 10.28995/2686-7648-2026-2-133-149

The role of the Islamic factor in the process of socio-cultural adaptation of Central Asian Muslims in modern Russia

Sorboni Shamsiddin Olimzoda

*Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
Russia, Moscow, sorbon.science@mail.ru*

Abstract. This study analyzes the role of Islam as a factor determining the processes of sociocultural integration of migrants from Central Asian countries into Russian society. The relevance of the topic is due to the growth of migration flows, the significant proportion of Muslims among them, and the need for their harmonious integration. Islam, being the basis of the ethno-religious identity of migrants, has a dual impact on their adaptation. On the one hand, it acts as a mechanism for preserving cultural identity, and on the other, it can create obstacles to their full inclusion in social life.

The focus is on official Islamic institutions and their influence on migrants' adaptation strategies. The contradictory role of religious associations is examined: they serve as a social support network, but at the same time can contribute to the formation of closed ethno-religious communities and their isolation from the rest of society. The connection between the crisis in religious education in migrants' countries of origin and the growing risk of the spread of radical ideologies, which significantly complicates integration processes, is analyzed separately. Particular attention is paid to the problem of the formation of ethnic enclaves (spatial segregation) as a threat to social unity.

Thus, the study concludes that a successful policy for the integration of Muslim migrants is impossible without taking the religious factor into account. Its effectiveness directly depends on building a constructive dialogue between the authorities and religious organizations, as well as on developing comprehensive measures aimed at preventing interethnic and interreligious tensions.

Keywords: Islam, migrants, CAR, society, religion, adaptation, Muslims

For citation: Olimzoda, S.Sh. (2026), "The role of the Islamic factor in the process of socio-cultural adaptation of Central Asian Muslims in modern Russia", *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series*, no. 2, pp. 133–149, DOI: 10.28995/2686-7648-2026-2-133-149

Введение

Миграционные процессы, протекающие на территории Российской Федерации, выступают в качестве одного из ключевых факторов, обуславливающих трансформацию социально-политической конъюнктуры и динамику культурного развития. Особую значимость в данном контексте приобретает приток иммигрантов из стран Центральноазиатского региона, значительная часть которых является носителями исламской конфессиональной идентичности. Указание на конфессиональную принадлежность данной группы мигрантов обусловлено не стремлением редуцировать их социальное поведение к религиозному фактору, а необходимостью учитывать конфессиональную составляющую как один из значимых элементов культурной дистанции между принимающим обществом и прибывающими группами. Исламская идентичность в данном случае рассматривается как маркер определенного комплекса культурных практик, ценностных ориентаций и моделей повседневного поведения, который влияет на характер и скорость интеграционных процессов, восприятие мигрантов принимающим сообществом, а также на формирование как внутригрупповой солидарности, так и межгрупповых границ. Иными словами, конфессиональная идентичность выступает здесь не как объяснительная причина, а как аналитически релевантная характеристика, без учета которой невозможно адекватно описать специфику миграционной ситуации в современной России

Масштаб миграционных потоков из стран Центральной Азии подтверждается официальной статистикой. По данным МВД РФ, именно граждане этих республик формируют основу трудовой миграции в Россию. Динамика прибытий за последние годы демонстрирует стабильно высокий уровень миграционной активности (см. табл. 1).

Столичный регион, включающий Москву и Московскую область, аккумулирует на своей территории, по данным исследований, до трети всего миграционного потока, что подтверждает его статус основного центра притяжения для экономических мигрантов [Мкртчян 2019]. Следствием этого является заметное увеличение

доли этнических групп, исторически связанных с исламской цивилизационной традицией, – прежде всего выходцев из Центральной Азии (узбеков, таджиков, киргизов), а также народов Северного Кавказа и Закавказья (азербайджанцев, чеченцев, дагестанских народов), – в этнодемографической структуре современного московского мегаполиса.

Под мусульманской культурной традицией в данном контексте понимается комплекс ценностных ориентаций, поведенческих норм, бытовых практик и мировоззренческих установок, сформированных в рамках исламской религиозной и культурно-исторической среды и воспроизводимых их носителями вне зависимости от степени индивидуальной религиозности. Указанная репрезентация проявляется как в количественном росте перечисленных этнических групп в составе населения Москвы и Подмосковья, фиксируемом данными переписей и миграционного учета, так и в качественных изменениях городского культурного ландшафта: расширении сети этнических предприятий торговли и общественного питания, формировании локальных диаспорных сообществ с собственной институциональной инфраструктурой, возрастающей востребованности мечетей и молельных помещений, а также в присутствии соответствующих культурных и религиозных практик в публичном пространстве мегаполиса.

Специфика урбанистической среды мегаполиса, с ее высокой демографической плотностью и интенсивным жизненным ритмом, формирует для прибывающих мигрантов комплекс вызовов адаптационного характера. Данные вызовы носят диалектически противоречивый характер, заключаясь, с одной стороны, в объективной необходимости интеграции в новую социальную действительность, а с другой – в стремлении к сохранению собственной этнокультурной и религиозной самобытности [Асадуллин 2016].

В рамках настоящего исследования под «*исламским фактором*» понимается многоаспектное явление, включающее в себя совокупность следующих компонентов. Во-первых, это *институциональный компонент*, представленный официальными религиозными организациями (духовными управлениями мусульман, мечетями, культурными центрами) и неформальными общинами, которые выступают акторами в процессе адаптации мигрантов, предоставляя им социальную, правовую и духовную поддержку. Во-вторых, это *нормативно-ценностный компонент*, то есть система религиозных предписаний, этических норм и мировоззренческих установок, проистекающих из исламского вероучения и влияющих на повседневные практики, модели поведения и социальные взаимодействия мигрантов. В-третьих, это *идентификационный компонент*, в рамках которого ислам выступает как основа этнорелигиозной

идентичности, позволяющая мигрантам сохранять культурную самобытность и связь с сообществом в инокультурной среде.

В этом контексте особую значимость приобретает исследование влияния исламского фактора на процесс социокультурной адаптации мусульман Центральной Азии в России. Анализ религиозных практик и их воздействия на адаптационные процессы позволяет выявить как положительные, так и негативные стороны влияния религии на интеграцию мигрантов. С учетом этого, данное исследование направлено на изучение того, как ислам может способствовать успешной адаптации или, напротив, препятствовать интеграции в российское общество.

Топ-15 стран по числу въездов в Россию в 2023 году

январь — сентябрь

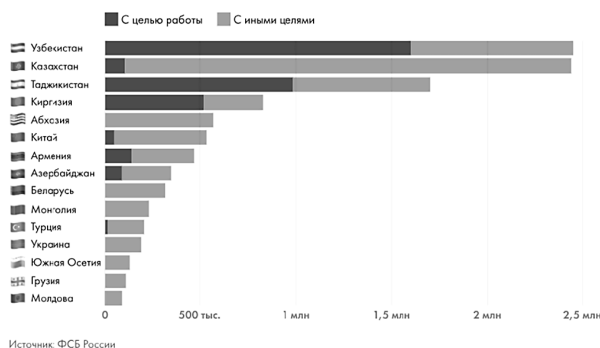

Рис. 1. Топ-15 стран...

Источник: <https://tochno.st/materials/v-2023-godu-pritok-migrantov-v-rossii-upal-do-minimalnyx-znachenii-eto-mozet-stat-uzhe-cetvertoi-volnoi-spada-migracii-s-konca-2000-x-no-poka-ona-mense-cem-ozidalos>

Актуальность темы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, миграционные процессы в России носят массовый характер, и мигранты из Центральной Азии составляют значительную долю иностранных граждан в стране. В условиях роста миграционных потоков религиозный фактор становится все более заметным, поскольку ислам представляет собой важную составляющую культурной идентичности большинства мигрантов из данного региона [Кацаева, Маракулин 2020].

Во-вторых, Россия является многонациональной и поликонфессиональной страной, где вопросы межнационального и межконфессионального взаимодействия приобретают особую значимость.

Сосуществование различных религиозных традиций требует разработки эффективных механизмов адаптации, способствующих социальной интеграции мигрантов и предотвращающих появление этноконфессиональных конфликтов. В этом смысле изучение роли ислама в адаптации мигрантов из Центральной Азии может способствовать выработке таких механизмов, направленных на снижение социальной напряженности и формирование гармоничных межкультурных отношений [Мухаметшина 2020].

В-третьих, важным аспектом является риск распространения экстремистских и радикальных идеологий среди мигрантов, обусловленный недостатком религиозного образования и влиянием деструктивных внешних факторов. В связи с этим исследование исламского фактора в адаптации позволяет не только определить позитивные стороны религиозного влияния, но и выявить угрозы, связанные с использованием ислама в целях радикализации мигрантов.

Историография вопроса, связанного с социокультурной адаптацией мигрантов-мусульман в России, представляет собой многоуровневое исследовательское поле, формировавшееся на пересечении социологии, этнологии, политологии и религиоведения. На начальном этапе, в 1990-х – начале 2000-х гг., научный дискурс был преимущественно сосредоточен на социально-экономических и демографических аспектах миграции. Фундаментальные труды Ж.А. Зайончковской¹, В.А. Тишкова² и С.В. Рязанцева³ заложили основу для понимания структурных и экономических детерминант миграционных потоков из стран Центральной Азии.

В рамках этого подхода религиозный фактор рассматривался не как самостоятельный объект анализа, а как фоновый, имплицитный компонент этнокультурной идентичности мигрантов, при этом основное внимание уделялось их правовому статусу, положению на рынке труда и формированию этнических диаспор. Переход к следующему этапу, начавшийся в 2000-х гг., был обусловлен как изменением качественного состава миграции, так и глобальными тенденциями, связанными с ростом значимости ислама в мировой политике. В российских миграционных исследованиях произошел так называемый «религиозный поворот», когда исследователи осознали, что

¹ Зайончковская Ж.А. Миграция в разном масштабе времени // Проблемы прогнозирования. 2000. № 3. С. 101–114.

² Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.

³ Рязанцев С.В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. М.: Формула права, 2007.

экономические и социальные модели адаптации недостаточны для объяснения всей сложности интеграционных процессов.

Этот сдвиг в отечественной науке коррелирует с международным академическим дискурсом. Например, работы французского политолога Оливье Руа о «детерриториализации» и «глобализации» ислама помогли понять, как религиозная идентичность трансформируется в мигрантской среде, отделяясь от культурного контекста страны исхода и приобретая новые, универсалистские формы. В то же время исследования Джоселин Чезари, посвященные «секуритизации» ислама в Европе, выявили тенденцию восприятия мусульманских общин преимущественно через призму угрозы безопасности, что является релевантным и для российского контекста.

Исследователи, в частности О.С. Чикризова и А.А. Шумакова [Чикризова, Шумакова 2020], анализируют, как социальная неустроенность, правовая уязвимость и кризис религиозного образования в странах исхода, о котором пишут многие эксперты, создают питательную почву для распространения экстремистских идеологий.

Таким образом, современная историография демонстрирует комплексный подход, признавая, что исламский фактор не является монолитным, а его влияние на адаптацию мигрантов опосредовано множеством переменных: от уровня образования и социально-экономического статуса до деятельности религиозных институтов и специфики интеграционной политики принимающего государства.

Современный научный дискурс предлагает несколько теоретических моделей для анализа адаптации мигрантов, из которых для целей настоящего исследования ключевыми являются концепции аккультурации и транснационализма.

Классическая модель Джона Берри [Berry 1997, p. 5], выделяющая четыре стратегии аккультурации (интеграция, ассимиляция, сепарация, маргинализация), выбрана в качестве базовой рамки, поскольку она позволяет структурировать и классифицировать поведенческие стратегии мигрантов во взаимодействии с принимающим обществом. Данный подход особенно полезен для анализа того, как религиозная идентичность влияет на выбор той или иной стратегии: например, стремление к сохранению культурной и религиозной самобытности может вести к сепарации, в то время как поиск баланса между своей культурой и культурой большинства соответствует стратегии интеграции.

Однако объяснительные возможности модели Берри ограничены тем, что она рассматривает мигранта и принимающее общество как две относительно гомогенные и статичные группы.

Этот недостаток компенсируется привлечением теории транснационализма, в частности в интерпретации Роджерса Брубейкера [Brubaker 2004].

Данная теория выбрана потому, что она позволяет рассматривать мигрантов не как изолированных индивидов, а как акторов, встроенных в сложные социальные сети, которые пересекают национальные границы. Транснациональный подход акцентирует внимание на сохранении мигрантами устойчивых связей со страной исхода, в том числе через религиозные институты и цифровые сообщества.

Для мусульман из Центральной Азии ислам часто является ключевым элементом этого транснационального пространства, поддерживая связи с семьей, общиной и культурными традициями родины. Критическое ограничение обеих теорий применительно к нашему предмету заключается в том, что религиозный фактор в них зачастую не является центральным элементом анализа. Поэтому данное исследование синтезирует эти подходы, используя их в качестве аналитической оптики для целенаправленного изучения именно того, как ислам в его институциональном, нормативном и идентификационном измерениях опосредует процессы аккультурации и формирует транснациональные практики мигрантов из Центральной Азии в России.

Целью настоящего исследования является анализ роли исламского фактора в процессе социокультурной адаптации мигрантов-мусульман из Центральной Азии в России. Исследование направлено на выявление факторов, способствующих успешной адаптации, а также проблем, препятствующих интеграции.

Для достижения поставленной цели необходимо проанализировать теоретические подходы к изучению социокультурной адаптации мигрантов, включая концепции транснационализма и интеграции. Также требуется исследовать роль исламских институтов и религиозности в адаптационных процессах мигрантов-мусульман из Центральной Азии, учитывая ее двойственный характер: с одной стороны, мечети, религиозные общины и исламские организации выступают ресурсом адаптации, обеспечивая мигрантам сети взаимопомощи, психологическую поддержку, первичную социализацию в принимающем обществе и нормативно-ценностную устойчивость; с другой стороны, чрезмерная замкнутость на религиозной общине способна ограничивать контакты с принимающим обществом, закреплять анклавные модели проживания, создавать параллельные нормативные пространства и при определенных условиях формировать среду, уязвимую для радикальной пропаганды.

На основе этого предполагается обосновать комплекс практических мер, направленных на гармонизацию процессов адаптации и предотвращение этноконфессиональной напряженности.

Методология исследования

Методологическую основу настоящего исследования составляет *анализ вторичных данных (desk research)*, сфокусированный на критическом обобщении и систематизации результатов имеющихся научных публикаций, данных государственной статистики и содержания нормативно-правовых актов.

Данный подход позволяет, не прибегая к генерации новых эмпирических данных, выявить ключевые тенденции, проблемы и закономерности, обсуждаемые в современном научном поле. В качестве основного метода применяется *теоретико-методологический анализ*, направленный на выявление объяснительных возможностей и ограничений существующих концепций (аккультурация, транснационализм) применительно к изучению роли религии в адаптации мигрантов.

Для проработки историографической части работы использовался *проблемно-хронологический подход*, позволивший проследить эволюцию исследовательских интересов к данной теме.

Контент-анализ был применен к нормативно-правовым документам, в частности к «Концепции государственной миграционной политики РФ на 2019–2025 гг.», для определения институциональных рамок и официального дискурса в сфере интеграции мигрантов.

Сравнительно-аналитический метод использовался для сопоставления российских практик интеграции с отдельными зарубежными моделями, что позволило выявить как общие вызовы, так и национальную специфику. Отсутствие собственной эмпирической базы в работе компенсируется углубленным анализом и синтезом широкого круга опубликованных источников, что обеспечивает научную обоснованность и достоверность формулируемых выводов.

Ислам как фактор социокультурной адаптации

Исламские организации и религиозные объединения играют важную роль в процессе адаптации мигрантов. Они выполняют функции социально-психологической поддержки, предоставляют доступ к образовательным и культурным мероприятиям,

способствуя укреплению религиозной идентичности [Modood 2021, p. 77]. Например, этнокультурные и религиозные организации могут предлагать программы по обучению русскому языку, знакомству с российскими культурными и правовыми нормами, что облегчает процесс социальной интеграции. При этом важно избегать чрезмерного уклона в сторону религиозного просвещения, чтобы не создавать дополнительные барьеры для взаимодействия с остальным обществом [Мухаметшина 2020, с. 113].

Руководитель Центра по изучению проблем религии и общества ИЕ РАН Р.Н. Лункин в своей статье приводит европейский опыт адаптации мигрантов, принадлежащих к иноэтничным меньшинствам. Автор приводит в качестве примера проект в рамках миссии св. Эгидия «Гуманитарные коридоры», запущенный в 2016 г. в Италии совместно с Вальденсийской церковью и Евангельской федерацией церквей. Проект направлен на предоставление гуманитарных виз и проверку документов мигрантов до их въезда в Европу, с целью ежегодного приема около 1 тыс. человек. Консульства Италии были открыты в Ливии, Эфиопии и Марокко для организации процесса.

Основная цель – обеспечение безопасного переселения и управление миграционными потоками, а также предотвращение гибели людей в Средиземном море. Кроме того, община св. Эгидия организует курсы итальянского языка и культурные мероприятия, направленные на интеграцию мигрантов, что способствовало успешному вовлечению сотен тысяч человек в общественную жизнь Италии за последние 30 лет [Modood 2013].

Мигранты, которые прибывают и устраиваются легально, платят налоги и улучшают ситуацию [Лункин 2019].

Культурная и религиозная адаптация в европейском контексте включает проведение мероприятий, которые способствуют знакомству мигрантов с культурными традициями и местными нормами [Асадуллин 2016]. Однако этот процесс сопряжен со значительными трудностями, включая рост исламофобии и процесс «секуритизации» ислама, когда он начинает восприниматься преимущественно через призму угрозы безопасности [Brubaker 2005].

Однако исследования показывают, что высокая религиозность мигрантов может как способствовать, так и препятствовать адаптации. С одной стороны, религиозные практики помогают сохранять культурную идентичность и обеспечивают социальную поддержку. С другой стороны, глубокая вовлеченность в религиозные сообщества может вести к изоляции и препятствовать изучению русского языка и культурных норм принимающего общества [Леденева, Бегасилов 2021].

Проблемы и вызовы в адаптации мусульман Центральной Азии

Важным аспектом является адаптация миграционной политики к текущим вызовам. В рамках Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг. подчеркивается необходимость создания условий для интеграции мигрантов, включая религиозные аспекты их жизни. Это предусматривает взаимодействие с религиозными организациями для содействия адаптации, а также предотвращения сегрегации. Например, недавние изменения в политике подчеркивают важность поддержки социально-культурной адаптации мигрантов для снижения социальной напряженности и предотвращения этноконфессиональных конфликтов [Сапунова, Полякова 2023].

Нередко мигранты испытывают трудности, связанные с анклавизацией и изолированностью [Сапунова, Полякова 2023].

Многие из них, особенно выходцы из сельских районов Центральной Азии, стремятся поддерживать тесные земляческие связи и сохранять традиционные религиозные практики, что может затруднять интеграцию в российское общество. Это приводит к формированию компактных этнических поселений, которые в крупных городах могут служить очагами социальной напряженности [Сапунова, Полякова 2023].

В таких условиях религиозные и культурные различия становятся более заметными и могут способствовать росту мигрантофобии и межнациональных конфликтов [Carol, Koopmans 2013].

Это приводит к формированию компактных этнических поселений, которые в крупных городах могут служить очагами социальной напряженности. Подобные явления, которые в европейском дискурсе часто обозначаются как формирование “параллельных обществ” (parallel societies), создают барьеры для межкультурной коммуникации и препятствуют формированию единой гражданской идентичности [Cesari 2018].

В странах Центральной Азии кризис в системе исламского образования привел к поверхностному восприятию религии и недостаточной подготовке духовных лидеров. Это создает риски распространения радикальных идей и экстремизма среди мигрантов. Низкий уровень исламского образования затрудняет возможность адекватной интерпретации религиозных норм в условиях российского общества [Сченснович 2023].

Формирование этнических и религиозных анклавов, особенно в крупных городах России, создает барьеры для социальной интеграции. Эти анклавы часто способствуют распространению

традиционных религиозных практик, которые могут не совпадать с общепринятыми в российском обществе нормами. Ситуация усугубляется нехваткой государственно поддерживаемых адаптационных программ, что приводит к появлению конфликтных ситуаций [Катаева 2022].

Пути решения проблем адаптации

Проведенный анализ двойственной роли исламского фактора и проблем, сопутствующих адаптации мигрантов-мусульман, позволяет сформулировать ряд научно-обоснованных выводов, которые могут лечь в основу совершенствования интеграционной политики. Эти выводы не являются умозрительными предложениями, а напрямую вытекают из выявленных в ходе исследования дисфункций и барьеров.

Во-первых, анализ показывает, что существующие модели взаимодействия государства с исламскими организациями по вопросам адаптации мигрантов, несмотря на их наличие, часто носят формальный характер и не обладают достаточным охватом. Как отмечают исследователи (например, А.В. Малащенко, Р.Н. Лункин), духовные управления мусульман (ДУМ) являются ключевыми партнерами государства. Однако их деятельность зачастую сконцентрирована на работе с коренным мусульманским населением и не всегда достигает наиболее уязвимых групп трудовых мигрантов, которые остаются в неформальных или земляческих сетях. Проведенный анализ литературы подтверждает, что именно в таких закрытых группах, в условиях правовой незащищенности и недостатка религиозных знаний, возникают риски распространения радикальных идеологий [Сченснович 2023]. Следовательно, простые декларации о сотрудничестве недостаточны. Необходимо смещение акцента с формального партнерства на разработку *конкретных совместных механизмов и программ*, нацеленных на работу «в поле». Это могут быть выездные консультационные пункты при мечетях и на строительных объектах с участием как представителей ДУМ, так и юристов; создание многоязычных онлайн-платформ под эгидой официальных мусульманских организаций, разъясняющих не только основы религии, но и нормы российского законодательства. Эффективность такой работы напрямую зависит от ее способности конкурировать с неформальными и зачастую деструктивными источниками информации, к которым обращаются мигранты.

Во-вторых, предложение о проведении «доктринально-экзегетического анализа первоисточников» для профилактики радикализма требует существенного методологического уточнения. Игнорирование богословского многообразия внутри ислама, на что справедливо указывают критики упрощенных подходов, делает любую подобную инициативу контрпродуктивной.

Научно обоснованный подход должен заключаться не в поиске единственно «правильной» трактовки, а в артикуляции и популяризации гуманистического потенциала, заложенного в классических богословско-правовых школах (мазхабах), исторически укорененных на территории России, – прежде всего ханафитского и шафиитского мазхабов, а также связанных с ними суфийских традиций (накшбандийя, кадирийя, шазилийя), которые на протяжении столетий формировали религиозную практику мусульманских народов Поволжья, Урала и Северного Кавказа.

Понятие «традиционный ислам» используется здесь не в нормативно-оценочном смысле, предполагающем противопоставление «правильного» и «неправильного» ислама, а в историко-социологическом – для обозначения тех форм исламской религиозности, которые прошли длительную адаптацию к российскому социокультурному контексту, выработали устойчивые модели взаимодействия с государством и иноконфессиональным окружением и были институционально закреплены через систему духовных управлений мусульман начиная с учреждения Оренбургского магометанского духовного собрания в 1788 г.

Учитывая существующее разнообразие подходов, такая работа должна вестись квалифицированными теологами и исламоведами, способными на основе герменевтически выверенного анализа Корана и Сунны продемонстрировать несовместимость идеологии насилия с фундаментальными принципами ислама, такими как святость человеческой жизни и милосердие. Вместо абстрактных призывов необходима разработка *конкретных учебно-методических комплексов* для имамов, работающих с мигрантами, и для светских специалистов (сотрудников миграционных служб, полиции, учителей).

В-третьих, идея создания адаптационных центров не нова и уже имеет историю апробации в России, анализ которой позволяет сделать важные выводы для дальнейшей политики. В 2013–2014 гг. в Тамбовской области был реализован пилотный проект адаптационного центра для трудовых мигрантов, предполагавший прохождение иностранными гражданами краткосрочного курса, включавшего изучение основ русского языка, российского законодательства, культурных норм и правил поведения в обществе.

Центр функционировал как отдельное стационарное учреждение с проживанием участников на его территории, что требовало значительных затрат на содержание помещений, персонал и материальное обеспечение. Как показал опыт реализации, такой формат оказался крайне ресурсоемким при ограниченной пропускной способности: центр мог одновременно обслуживать лишь несколько десятков человек, что делало невозможным массовый охват мигрантов даже в масштабах одного региона. Проект не получил системного тиражирования и был фактически свернут. Более прагматичной и масштабируемой выглядит модель, интегрированная в уже существующую миграционную инфраструктуру, как это реализовано в Многофункциональном миграционном центре в Сахарово (Москва), где адаптационные услуги – языковое тестирование, консультирование по правовым вопросам, информирование о нормах и правилах проживания – встроены в единый цикл оформления документов и предоставляются мигрантам непосредственно в процессе получения патента на работу, что обеспечивает охват сотен тысяч человек ежегодно без создания параллельной институциональной сети.

Однако, как следует из анализа его работы, существует риск сведения адаптации к формальной процедуре сдачи экзамена и получения платной услуги, что не решает задач глубокой социокультурной интеграции. Основываясь на этом, можно заключить, что наиболее перспективной является *гибридная модель многофункциональных центров*. Такие центры должны создаваться не с нуля, а на базе существующих государственных (МФЦ, центры занятости) и общественных (включая ресурсы религиозных организаций) площадок. Их задача – не только оказывать услуги по оформлению документов, но и служить *единой точкой входа* для доступа к языковым курсам, юридическим консультациям, программам культурной ориентации и психологической поддержки. Критически важно, чтобы такие центры не способствовали сегрегации, а, напротив, становились площадками для межкультурного диалога, организуя совместные мероприятия для мигрантов и местного населения. Это напрямую отвечает задаче предотвращения анклавизации, которая была идентифицирована как одна из ключевых проблем [Сченснович 2023].

Таким образом, эффективная интеграционная политика должна строиться не на общих декларациях, а на анализе недостатков существующих практик и разработке конкретных, адресных и научно-обоснованных механизмов, учитывающих сложную и многогранную природу исламского фактора.

Заключение

Проведенное исследование было посвящено анализу роли исламского фактора в процессе социокультурной адаптации мигрантов-мусульман из Центральной Азии в российском обществе. Было установлено, что религиозная идентичность оказывает двойственное влияние на интеграционные процессы. С одной стороны, ислам выступает для мигрантов важным механизмом сохранения культурной самобытности и предоставляет доступ к сетям социальной поддержки через религиозные общины. С другой стороны, чрезмерная замкнутость в рамках конфессиональной группы может приводить к социальной изоляции, формированию анклавов и затруднять освоение языка и культурных норм принимающего общества.

Научная новизна полученных результатов заключается в выявлении и системном описании двойственной природы влияния исламского фактора, который одновременно может быть как ресурсом для адаптации, так и барьером для интеграции. Кроме того, была обоснована модель эффективного межконфессионального взаимодействия, предполагающая системное сотрудничество исламских и христианских организаций в реализации адаптационных программ как механизм предотвращения анклавизации. Также доказана эффективность религиозного просвещения в качестве инструмента профилактики радикализма через доктринальное обоснование несовместимости экстремизма с традиционным исламом.

Литература

- Асадуллин Ф. 2016 – *Асадуллин Ф.* Ислам в общественном пространстве московского мегаполиса XXI в // Россия и мусульманский мир. 2016. № 4 (286). С. 28–42.
- Катаева 2022 – *Катаева О.В.* Проблемные вопросы адаптации и интеграции иностранных граждан в российское общество и некоторые пути их решения // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2022. № 1. С. 108–110.
- Кацаева, Маракулин 2020 – *Кацаева М.В., Маракулин Д.А.* Национальные общины как фактор противодействия экстремизму/Социодинамика. 2020. № 3. С. 12–29.
- Леденева, Бегасилов 2021 – *Леденева В.Ю., Бегасилов Б.Т.* Влияние религиозного фактора на процессы интеграции мигрантов-мусульман в России // Вопросы управления. 2021. № 1 (68). С. 118–130.
- Лункин 2019 – *Лункин Р.Н.* Стратегия работы религиозных объединений с иммигрантами: от социальной адаптации к миссии // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2019. № 1 (7). С. 77–83.

- Мкртчян 2019 – *Мкртчян Н.В.* Роль Московского столичного региона как крупнейшего центра внутрироссийской миграции // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН / Гл. ред. А.Г. Коровкин. М.: ИНИП РАН, 2019. Т. 17. С. 252–268
- Мухаметшина 2020 – *Мухаметшина Н.С.* Религиозные практики выходцев из государств Закавказья и Центральной Азии // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2020. Т. 2. № 3. С. 110–116.
- Сапунова, Полякова 2023 – *Сапунова Т.А., Полякова Д.И.* Миграционные процессы в Российской Федерации в период пандемии и экономических санкций // Вестник Академии знаний. 2023. № 2 (55). С. 217–221.
- Сченснович 2023 – *Сченснович В.Н.* Проблемы и перспективы миграционных процессов в России // Россия и мусульманский мир. 2023. № 4 (330). С. 9–22.
- Чикризова, Шумакова 2020 – *Чикризова О.С., Шумакова А.А.* Влияние кризиса исламского образования на процесс радикализации Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3. № 4. С. 290–291.
- Berry 1997 – *Berry J.W.* Immigration, Acculturation, and Adaptation // *Applied Psychology: An International Review*. 1997. Vol. 46 (1). P. 5–34.
- Brubaker 2004 – *Brubaker R.* Ethnicity without Groups. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004.
- Brubaker 2005 – *Brubaker R.* The ‘diaspora’ diaspora // *Ethnic and Racial Studies*. 2005. Vol. 28 (1). P. 1–19.
- Cesari 2018 – *Cesari J.* The Securitization of Islam in Europe. London: Routledge, 2018. 224 p.
- Carol, Koopmans 2013 – *Carol S., Koopmans R.* Dynamics of contestation over Islamic religious rights in Europe // *Ethnicities*. 2013. Vol. 13. N 2. P. 165–190.
- Modood 2013 – *Modood T.* Multiculturalism: A Civic Idea. Cambridge: Polity Press, 2013. 240 p.
- Modood 2021 – *Modood T.* Essays on Secularism and Multiculturalism. London: Rowman & Littlefield, 2021. 216 p.

References

- Asadullin, F. (2016), “Islam in the public space of the Moscow megapolis in the 21st century”, *Russia and the Moslem World*, no. 4 (286), pp. 28–42.
- Berry, J.W. (1997), “Immigration, Acculturation, and Adaptation”, *Applied Psychology: An International Review*, vol. 46 (1), pp. 5–34.
- Brubaker, R. (2004), *Ethnicity without Groups*, Harvard University Press, Cambridge, MA.
- Brubaker, R. (2005), “The ‘diaspora’ diaspora”, *Ethnic and Racial Studies*, vol. 28 (1), pp. 1–19.
- Carol, S. and Koopmans, R. (2013), “Dynamics of contestation over Islamic religious rights in Europe”, *Ethnicities*, vol. 13, no. 2, pp. 165–190.
- Cesari, J. (2018), *The Securitization of Islam in Europe*, Routledge, London, UK.

- Chikrizova, O.S. and Shumakova, A.A. (2020), "The impact of the crisis in Islamic education on the radicalization process in Central Asia", *Post-Soviet Studies*, vol. 3, no. 4, pp. 290–291.
- Kataeva, O.V. (2022), "About the need to improve the administrative legal mechanisms of social and cultural adaptation and integration of foreign citizens in the Russian Federation", *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*, no. 1, pp. 108–110.
- Kashchayeva, M.V. and Marakulin, D.A. (2020), "Ethnic communities as a factor in counteracting extremism", *Sociodynamics*, no. 3, pp. 12–13.
- Ledeneva, V.Yu. and Begasilov, B.T. (2021), "Influence of religious factor on the integration of Muslim migrants in Russia", *Management Issues*, no. 1 (68), pp. 118–130.
- Lunkin, R. (2019), "The strategy of religious associations with immigrants: from social adaptation to mission", *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, no. 1 (7), pp. 77–83.
- Mkrtchyan, N.V. (2019), "The role of the Moscow capital region as the largest center of internal migration in Russia", Korovkin, A.G. (ed.), *Nauchnye trudy: Institut narodnokhozyaistvennogo prognozirovaniya RAN*, vol. 17, pp. 252–268.
- Modood, T. (2013), *Multiculturalism: A Civic Idea*, Polity Press, Cambridge, UK.
- Modood, T. (2021), *Essays on Secularism and Multiculturalism*, Rowman & Littlefield, London, UK.
- Mukhametshina, N.S. (2020), "Religious practices of immigrants from Transcaucasia and Central Asia states", *Izvestia of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical Sciences*, vol. 2, no. 3, pp. 110–116.
- Sapunova, T.A. and Polyakova, D.I. (2023), "Migration processes in the Russian Federation during the pandemic and economic sanctions", *Bulletin of the Academy of Knowledge*, no. 2(55), pp. 217–221.
- Schensnovich, V.N. (2023), "Problems of Population Migration: The Experience of Russia and Central Asian Countries", *Russia and the Muslim World*, no. 4 (330), pp. 9–22.

Информация об авторе

Сорбони Шамсиддин Олимзода, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; sorbon.science@mail.ru

Information about the author

Sorboni Shamsiddin Olimzoda, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia; bld. 6, Miklukho-Maklaya Street, Moscow, Russia, 117198; sorbon.science@mail.ru

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Евразийские исследования. История.
Политология. Международные отношения»
№ 2
2026

Дизайн обложки
Е.В. Амосова
Корректор
П.М. Смоктунова
Компьютерная верстка
Н.И. Медведева

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тверской,
Миусская пл., д. 6, стр. 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73206 от 06 июля 2018 г.
Периодическое печатное издание

Подписано в печать 23.06.2026
Выход в свет 29.06.2026
Формат 60 × 90^{1/16}
Уч.-изд. л. 9,0. Усл. печ. л. 9,4.
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 2359

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6
www.rsuh.ru